

Ю. Г. Юровский

СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Симферополь,
2013

Юрий Юровский

*Посвящаю моей маме
Зое Михайловне Секач
(к 100-летию со дня рождения)*

Стихи разных лет

Симферополь
2013

ББК 84
Ю78

Юровский Ю.Г.

Ю78 Стихи разных лет : сборник стихов / Юровский Ю.Г. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2013. – 216 с.

В сборник «Стихи разных лет» включены как ранее опубликованные произведения автора, так и впервые издаваемые стихотворения. По смыловому содержанию выделены 12 рубрикаций. Цикл «Портретные наброски» снабжен авторскими комментариями.

ББК 84

© Ю.Г.Юровский, 2013
© ИТ «АРИАЛ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. Стихи 1967 – 1979 гг.	Стр.
1. «Отчего же глаза твои хмурятся...».....	12
2. Волхова.....	12
3. «Не все так просто в простоте...».....	13
4. «Не приемлю тщеславие...».....	14
5. «Коль не хватит терпения...».....	14
6. «Нет холода страшнее, чем в глазах...».....	15
7. «За все в ответе я».....	15
8. «Весна моей осени...»	15
9. «Живу твоею теплотой...».....	16
10. «Пустота в душе, одиночество...».....	16
11. «Что не выпросишь и не купишь...».....	17
12. «Любовь одна...».....	17
13. «Улетаю в ноль тридцать...».....	18
14. «Любовь твою, как память сохраню...».....	18
15. « Я провожаю дни к тебе...».....	19
16. «Год отчаяния, много, мало ли...».....	19
17. «Когда же удача покинула нас...».....	20
18. «Время, как выстрел – коротко и звучно...».....	20
19. « Я не пошлю тебе стихи, как прежде...».....	21
20. «Не хорей и не ямб....».....	21
21. «Не жди моих сентиментальных писем...».....	22
22. « Ну, наконец, и ты решаешь сгоряча...».....	22
23. « Как много слов мы отдаем любви...».....	22
24. «Есть звездные часы...».....	23
25. «Уведи же меня туда...».....	23
26. «Я плачу, я смеюсь, я умоляю...».....	24
27. «Нас с тобой разделяют не версты...».....	24

II. Лирические мотивы

28. Маме.....	25
29. «Километры проходятся...».....	25
30. «В погоде странной, где все текло...».....	26
31. «Я не рискую. Все прожито...».....	26
32. «И запоздалые заботы...».....	26

33. «Кому везет, кому не очень...».....	27
34. Романс.....	27
35. «Конечно, нет пророков в этом мире...».....	28
36. 31 декабря 1995 года.....	28
37. «Не надо принуждать меня на Да...».....	29
38. «Мы давних бед исследуем причины...».....	29
39. Доминантная нота.....	30
40. «Тетрагональная система...».....	31
41. Памяти всех переживших войну.....	31
42. «Стратиграфия нашей памяти...».....	32
43. XX век.....	32
44. «Что быльем поросло, что в тумане...».....	33
45. «Среди слепых, глухих и озлобленных...».....	33
46. «Забывших снов хотелось мне как чуда...».....	34
47. Экспромт.....	34
48. «Благодееянье или кара...».....	35
49. «Реальное стремится в бесконечность...».....	35
50. «Мой борт взлетает...».....	35
51. «Все иллюзорно в этом мире...».....	36
52. Поэты уходят.....	36
53. «Мне твой ответ...».....	37
54. «Зима таится за углом...».....	37
55. Горизонталы.....	38
56. «В написании, как в строгости...».....	38
57. «Весь сезон над Крымом непогода...».....	39
58. Н. Козыреву.....	39
59. «Этот год, словно город...».....	40
60. Сонет.....	40
61. Дворянское гнездо.....	41
62. «По-своему ценили теплый кров...».....	41
63. «И память совсем не девичья...».....	42
64. Старый Париж.....	42
65. «Начало – красная строка...».....	42
66. «Как водится Богу – богово...».....	43
67. «Мы говорили тет-а-тет...».....	43
68. «Мужики предлагали дело...».....	44
69. «Грусть не коснется меня...».....	45
70. «В контексте будущих причин...».....	45
71. «Знак перевернутой восьмерки...».....	46

72. «Отдайте в срок свои долги...».....	46
73. 1939 год.....	47
74. Другьям.....	47
75. Об истории гекзамером.....	48
76. «Жаль я не встречусь с многими другьями...».....	49
77. «Считаем оборотами планеты...».....	49
78. «Так много понимаем мы к закату...».....	50
79. «На тонкой ленте бытия...».....	51
80. «Осень отгорожена забором...».....	51
81. «Транзитные по жизни пассажиры...».....	52
82. Химеры Нотр Дам.....	53
83. «Я все сказал...».....	53

III. В альбом Л.А. Гурнак

Часть 1. «Письма из дальних краев»

84. «Я надеюсь, здесь своя планета...».....	55
85. «Знаешь, Люда, здесь все не такое...».....	55
86. «Желтый дом осенней тайги...».....	55
87. «Мой материк далек как Атлантида...».....	56
88. «На берегах Тавриды дальней...».....	56
89. «Здесь грязь и слякоть...».....	57
90. Ода опрощению.....	57
91. О Крыме.....	58
92. «Наш горек мед...».....	58
93. «Все развлечения – работа и кино...».....	59
94. «Все впереди...».....	59
95. Сосновка. Снег.....	60
96. «Зловещей птицы...».....	60
97. «В шаманский бубен стучит беда...».....	60
98. «Наши кресты...».....	61
99. «Какая ты на самом деле...».....	61
100. «Не прожиты листы календаря...».....	62
101. У могилы коллеги.....	62
102. «Так далеко, как время...».....	63
103. «Ровно год простучали на башне часы...».....	63
104. «Нас греет надежда о прошлом...».....	64
105. Разрушенный храм (отрывок).....	64
106. «На нашей дороге – косые дожди...».....	64
107. «От северных елей...».....	65

108. «И как же быть... Над бранными полями...».....	65
109. «Ты не сердись, не злись, не обижайся...».....	65
110. «Далеких звезд предначертанье....».....	66
111. Изборск.....	66
112. «Не раз ты вспомнишь Запсковье...».....	67
113. «Надеяться и ждать, что грянет судный день...».....	67
114. Ралли.....	68
115. «Как видно мы умеем быть порой другими...».....	68
116. «Я жду для чего-то завтра....».....	69
117. «В карнавальном чаду силуэт...».....	69
118. «Наши встречи, увы....».....	70
119. «Ты все равно уедешь. Океаны...».....	70
120. «Нас в круговерти....».....	70
121. Сочи.....	71
122. Светлой памяти Алексея Сергеевича Клименко.....	72
123. «Под старость мы мечтаем получить...».....	72
124. «Рядиться ли нам в родственники скифам...».....	73.
125. Алушта.....	73
126. Байдарские ворота.....	74
127. Старый Крым.....	75
128. Офицерские сборы.....	75
129. Прошлое – рядом (Херсонес).....	76
130. «Все понимаем, что и как...».....	77
131. Время.....	77
132. «Как солнца луч не удержать в ладонях...».....	78
133. «Ты как всегда права, мой милый друг...».....	78

Часть 2. «Симферопольский синдром».

134. «Непредсказуемо, не предугадано...».....	79
135. Дорога к песне.....	79
136. Оливы в Никитском саду.....	80
137. Шторм.....	81
138. «Не говорить, не думать и не ждать...».....	81
139. «Весна шестая или первая...».....	81
140. «Репродукторы плачутся...».....	82
141. Такая жизнь.....	82
142. «Едим ли пиццу за углом...».....	83
143. «Пролиты крымские дожди...».....	84
144. «Зима тревоги нашей впереди...».....	84

145. «Нас лимитирует погода...».....	85
146. «Поверить трудно...».....	86

IV. Из цикла «Времена года»

147. Календарь.....	87
148. «Голубые мартовские ели...».....	92
149. Геологическая весна 2009.....	92
150. «Мой друг! Не кажется...».....	93
151. «Февраль. Все дни наперечет...».....	94
152. «Последняя неделя февраля...».....	94
153. «Июль. В окне недвижен тюль...».....	95
154. «Осень. Первый холодок...».....	96
155. «Сентябрь, как первенец осенний...».....	96
156. «Прохладны рассветы у врат сентября...».....	97
157. Апрель в Симферополе.....	97
158. Гроза в Тавриде.....	98
159. «Вспахал циклон...».....	99
160. «Дожди, дожди...».....	99

V. Романтика нехоженых дорог

161. «Подберу я себе рюкзачок...».....	100
162. «Благослови идущих по земле...».....	100
163. «Бомбите аэродромы!».....	101
164. Колпак шута – корона мудрецов.....	102
165. « Мои каравеллы...».....	102
166. Александр Манкевич или портвейн под водой.....	102
167. «Да, наверное, это главное...».....	103
168. Экспромт в инфарктном отделении.....	104
169. Вокзалы.....	104
170. «В каждом галсе...».....	105
171. «Ты вовсе не погиб...».....	105
172. «Круче к ветру...».....	106
173. Воспоминания о первой геологической практике.....	107
174. «Романтика отмеряна рублем...».....	108
175. «Мы сели только с пятого захода...».....	109
176. «Друг отправился черте куда...».....	109

VI. Путевые заметки

177. Псков.....	110
178. Еще о Пскове.....	110
179. Изборск.....	111
180. Мурманск.....	111
181. Воркута.....	112
182. Елабуга.....	112
183. Тикси.....	113
184. Кара Даг.....	113
185. Остров Врангеля.....	114
186. Сыктывкарский синдром.....	115
187. Монастырь Сурб Хач.....	115
188. «Я собирался ненадолго...».....	116
189. Прага. Витражи.....	117
190. Дунайская Венеция.....	117

VII. Стихи о России

191. Память.....	119
192. Русь	120
193. «Не надо, не надо, не надо...».....	120
194. О России.....	121

VIII. Простые истории в стиле баллад

195. Помбур.....	122
196. Пилот Володя.....	122
197. Ночной гость.....	123

IX. Шутливые строчки

198. К эпиграфу А.С. Грина.....	125
199. Отмена командировки.....	125
200. Дополнение к «Расписанию» Евгения Рейна.....	126
201. Проснись в Фамагусте.....	127
202. «И не палец, и не палка...».....	127
203. Морская геология.....	128
204. ВиллюйГЭСстрой.....	129
205. «Ну не растет осина в Палестине...».....	130
206. Полина.....	131
207. «Немного печали...».....	131

208 «Хорошо устроились попы...».....	132
--------------------------------------	-----

Х. Посвящения, поздравления, завещание

209. Тане.....	133
210. Маленькая ода Е.Е. Марценюку.....	133
211. Алексею Иевлеву.....	134
212. Поздравление с новым 2010 годом.....	135
213. Виктору Юдину – 50.....	135
214. В. Юдину в день рождения.....	136
215. Другу, вернувшемуся с Севера.....	137
216. Новогоднее (А. Прусову).....	137
217. Любе.....	138
218. Коту Баське.....	139
219. Люде.....	139
220. Виктору.....	140
221. Людмиле.....	141
222. Алексею Короткову.....	141
223. Редакционному совету.....	142
224. А.А. Беляеву и А.А. Иевлеву.....	143
225. Елене Гелиевне к юбилею.....	143
226. В. Юдину к полевому сезону.....	144
227. Гост ко дню геолога.....	144
228. В день геолога.....	145
229. Саше Беляеву.....	145
230. Памяти Саши Беляева.....	146
231. К юбилею-90 академика РАН, В.Е. Хаина.....	147
232. В. В. Юдину по случаю присуждения Госпремии АРК....	147
233. Поздравление с совершеннолетием Н.В. Беляевой.....	148
234. Гост на встрече с ветеранами войны.....	148
235. Людмиле.....	149
236. Дмитрию Ремизову.....	150
237. Тектонисту В.Ю. в день рождения.....	150
238. С 8 марта!.....	151
239. Завещание, написанное в инфарктном отделении.....	151
240. «Не люблю ходить я той дорогой...».....	152
241. С новым Дедом.....	153
242. Другьям.....	153
243. Реквием Ремиру Харитонову.....	154

XI. В альбом Алисе

244. Погода.....	156
245. «Прощающих прости...».....	156
246. «Здравствуй...».....	157
247. «Короткими стали и зимы и весны...».....	157
248. «Как тебе живется вдалеке...».....	158
249. «На раздражающий пустяк...».....	158
250. «Осень. Дожди по ночам....».....	159
251. «And if forewer....».....	159
252. Фаворит.....	160
253. Согласно Монтеню.....	160
254. Мифы.....	161
255. Балтийские ветры.....	164
256. «Как зимний лес, написанный углем...».....	165
257. Позор.....	165
258. Чеширский кот.....	166
259. Крымская осень.....	166
260. Первое декабря.....	167
261. Еще раз на тему советов Монтеня.....	167
262. Строфа.....	168
263. «О нас ведь судят только по делам...».....	169
264. «Ну и сентябрь!...».....	169

XII. Портретные наброски

265. Омар Хайям.....	171
266. Франсуа Вийон.....	171
267. Руже де Лиль.....	172
268. Роберт Бёрнс.....	173
269. Джордж Гордон Байрон.....	173
270. М.Ю. Лермонтов.....	174
271. Велимир Хлебников.....	175
272. Марина Цветаева.....	175
273. Эдуард Багрицкий.....	176
274. Александр Галич.....	176
275. Сергей Есенин.....	177
276. Анна Ахматова.....	177
277. Федерико Гарсия Лорка.....	178
278. Александр Грин.....	179
279. Павел Коган.....	179

280. Томас Гейнсборо.....	179
281. Бартоломео Франческо Растрелли.....	180
282. Огюст Монферран.....	180
283. Бертель Торвальдсен.....	181
284. Мария Луиза Анидо.....	182
285. Пабло Сарасате.....	183
286. Эварист Галуа.....	184
287. Жак Ив Кусто.....	184
288. Андрей Рублев.....	185
289. Петр Первый.....	186
290. Николай II.....	187
291. Петр Врангель.....	188
292. Адмиралы 1854 г.....	188
293. Евгений Мравинский.....	189
294. Эдгар Дега.....	189
295. Исаак Бабель.....	190
296. Ольга Берггольц.....	190
297. Памяти Ивана Ермолина.....	191
298. К Вергилию.....	191
299. Владимир Высоцкий.....	192
300. Декабристы.....	192
301. Томмазо Кампанелла.....	193
302. Понтий Пилат.....	193
303. Шарль Талейран.....	194
304. Борис Пастернак.....	195
305. Андрей Вознесенский.....	195
306. Аркадий и Борис Стругацкие.....	196
307. Анатолий Носсель.....	196
308. Иосиф Бродский.....	196
309. Поручик.....	197

ХIII. Авторские комментарии

к циклу «Портретные наброски».....199

Опубликованные стихи и проза Юрия Юровского.....215

I. Стихи. 1967 – 1979 годы.

* * *

Отчего же глаза твои хмурятся,
 Если небо такое синее?
 Пусть никогда не сбудется
 Тревоги твоей боль.
 Ты мое солнце холодное,
 Встающее в белом инее
 Прошлых тысячелетий,
 Прожитых без тебя.

Я не боюсь этой осени –
 Осенние эти рассветы
 Лучше майских закатов,
 Сулящих нам летний зной.
 Согрей меня строгим холодом
 Посмотри, как в пустых аллеях
 Желтые плитки листьев
 Строят мне дом золотой.

1967 г.

Волхова

Это было, иль не было,
 Волхова?
 Из краев неизведанных
 Лист письма.
 И слова чуть знакомые
 И язык.
 И души чьей-то раненной
 Долгий крик.

То, что много не сказано,
 Не понять.
 То, что в двадцать проказами
 Называть.
 То, что в тридцать потеряно
 Навсегда.
 Ты б хоть раз мне поверила
 Волхова.

Мне в рассветы весенние
 Пошепчи.
 Приворотное зелие
 Покропи.
 Что одной тебе ведомо,
 Точно встарь.
 Заведи в неизведанное
 И оставь.

Будут мудрые, будут глупые
 Будут дни.
 Станет муторно, станет трудно ли –
 Намекни.
 Дело в том, что бессонница
 Такова.
 Жизнь, как старая мельница,
 Волхова.

1972.

* * *

Не все так просто в простоте,
 В словах не сказанных тебе.
 Я сберегу и боль и горечь
 И все оставлю на земле,
 Где все не просто в простоте.

Пусть будет память, не слова,
 А только добрые дела.
 И жизнь прекрасна и полна –
 Тогда ты скажешь: не права!
 Пусть будет память, не слова.

Как в новый день шагну к тебе,
 Как в новый мир, что весь в тебе.
 За все, за все склоню колени
 И в невозможной тишине,
 Как в новый день шагну к тебе

1970.

* * *

Не приемлю тщеславие
 И не верю в канон.
 Для кого православие,
 Для кого Парфенон.
 От претензий на вечное
 Лишь болит голова.
 Полоса поперечная
 Да судьба не права.
 Как просто обещание
 В ореоле седин,
 Нам послал обнищание
 Бог, который един.
 Как удобно условие
 Для смятенной души.
 А к сему послесловие –
 Со стихом не греши.
 Декабрь 1977.

* * *

Коль не хватит терпения –
 Значит, будет беда.
 Над заливом Терпения
 Тянет дождь провода.

Океан в исступлении
 В шапке белых седин
 Порождает видения
 В мире том, что един.

Не сбылись намерения
 Но остался трамплин
 Моего поколения –
 Остров слез Сахалин.

Сахалин. пос. Лермонтово, 1975.

* * *

Нет холода страшнее, чем в глазах.
 И я бессилён в пропасти разлуки
 В тоске – часы столетий тонкий прах
 Нет холода страшнее, чем в глазах.

Проходит всё – вот формула закона.
 Он древен, мудр – его не обойти
 В одном ключе, как голос камертона.
 Проходит все – вот формула закона.

Не расплескав, я нежность сохраню,
 Пусть все горит – она мне всех дороже.
 Здесь и в чужом неласковом краю
 Не расплескав, я нежность сохраню.

Я все прощу тебе: не уходи!
 Когда все умерло в душе – слова напрасны.
 Ведь счастлив я, храня слова любви.
 Я не прошу тебя: не уходи!

1971

* * *

За все в ответе я. Прости, что потревожил.
 Пускай не трогает тебя моя беда.
 Я постараюсь быть с собою строже
 И вызывать огонь лишь на себя.

Я справлюсь сам с отчаянием, тоскою
 И душу от тебя отгородя,
 Лицом к лицу с непобедимой болью,
 Я вызову огонь лишь на себя.

Живи легко. Зачем же, в самом деле
 Ты будешь помогать мне, не любя,
 Твоих забот другим хватает еле.
 Огонь я вызываю на себя!

1978.

* * *

Весна моей осени –
 Свет и тепло
 И тайная горечь,
 Что лето прошло.

Я верую в чудо,
 Я верю в весну.
 Но все же ты скажешь
 Прощай, я уйду!
 И будет безвременье,
 Ночь без огня
 И ужас потери
 До судного дня.
 Но, все же, спасибо
 За то, что ты есть
 И ныне, и присно,
 И свет твой даждь днесь!
 1975.

* * *

Живу твоею теплотой.
 Как в душной комнате – в разлуке
 И даже слезы, даже муки,
 Люблю, коль дарены тобой.

Как ночи, дни – живу до встреч
 И все слова не для тебя:
 Они мертвы, а ты жива!
 Как мне навек тебя сберечь?
 1976.

* * *

Пустота в душе, одиночество.
 Хуже худшего, что в толпе.
 По веленью Её Высочества
 Быть отныне мне в опале.
 Быть забытому, в морду битому,
 На околице, в тупике,
 Со служебной волокитой,
 С воскрешением в кабаке.
 И в смирении, и в терпении,
 Знать, что нет мне пути назад,
 За шлагбаумы повеления,
 За решетки твоих оград.

Я приду к тебе верноподданно,
 Не гляди свысока Высочество:
 Деньги пропиты, душа продана,
 Завещаю тебе одиночество!

1976.

* * *

Что не выпросишь и не купишь,
 Потеряешь и не найдешь,
 Здесь, как годы – часы разлуки
 И не знаешь, когда придешь.
 Здесь, как время необратимо,
 Все прекрасное – только миг.
 Остальное проходит мимо,
 Как страницы забытых книг.

Ты вернулась и ты вернула
 Бесконечности два шага,
 От забытых стихов Катулла
 До сегодняшнего меня.

От забытых веков до ныне
 Я люблю тебя, как в бреду.
 И живу я сейчас во имя,
 Что я снова тебя найду.

1977.

* * *

Любовь одна – её не отложить на день.
 Другому – да, ты говоришь спокойно.
 А я родился тоже не вчера
 И я твержу тебе: любовь одна.
 Одна, как небо, солнце и луна.

Сойти с ума – большой заслуги нет.
 И пусть я виноват во всех смертельных,
 Любовь – одна, она как белый свет
 Вот в чем теперь моя вина.
 И я клянусь, что все плачу сполна.

Свет истины – он виден дуракам,
 Влюбленным и глупцам, так ведомо от Бога.
 И я сейчас мудрее мудрых лам

И говорю тебе в своем прозренье:
Любовь одна, во имя и спасенье!

1977.

* * *

Улетаю в ноль тридцать
Без жены и друзей.
По пустому вокзалу
Пройду без вещей.
 Будет жить ожиданье
 Предполетных часов.
 Я к судьбе на свиданье
 Сегодня готов.

Улетаю в ноль тридцать
Неизвестно куда,
Что бы снова родиться
В других городах.
 Борт уходит в ноль тридцать
 Как начало надежд
 Новый день да свершится
 Первый рейс, как рубеж.

1976.

* * *

Любовь твою, как память сохраню
Где дни, как колоннады Парфенона,
Над ним не властны времени законы,
Любовь твою, как память сохраню.
 Над прахом чувств, я чудо сотворю,
 Холодные паросские ступени
 Теплом своим, мольбою оживлю.
 Над прахом чувств, я чудо сотворю.
Над портиком бессмертные слова
Зажгу огнем божественным и строгим:
Пока я жив – моя любовь жива
 Над портиком бессмертные слова.
 Ты не забудешь вечной красоты,
 В лесу колонн останешься навеки.
 Нет в памяти страшнее пустоты
 Ты не забудешь вечной красоты.

1976.

* * * *Марине*

Я провожаю дни к тебе
И каждый раз, тоскуя, знаю:
Ты встретишь, их не вспоминая,
Что они прожиты вдвойне.

Я провожаю дни к тебе
И эта даль неизмерима.
И мой призыв проходит мимо,
Ничто не трогая в душе.

Я провожаю дни к тебе,
А ты встречаешь их в постели
Со сна шепча другому еле
Слова, что ты дарила мне.

Я провожаю дни к тебе
С моею болью и отчаяньем,
Пустым, не нужным заклинаньем,
Как к лику бога на стене.

Я провожаю дни к тебе
Надежде призрачной поверя,
Что капля веры из неверья
В каком-нибудь проснется дне.

Я провожаю дни к тебе
С востока дальнего на запад.
И каждый должен я оплакать
Что б ты смеялась bis die, bis die.

1977. о. Сахалин

* * *

Год отчаяния: много, мало ли,
Я не знаю – ему нет меры.
Корабли мои все отплавали
Под далекой звездой Венеры.

Время временно стало памятью
И легендами писем прошлого.
Мой закат изукрашен камедью
В черноту океана брошенной.

1977. о. Сахалин

* * *

Когда же удача покинула нас?
 Смеясь или плача, мы вспомним тот час,
 С конца ли, с начала, за маревом лет
 Судьба отмечала наш звездный билет.

Не больше, не меньше – Фемиды весы
 Отмерили точно и веще часы
 Разлук и свиданий. Мы сами ввели
 Регламент страданий на лике земли.

Кому, завещая, теперь говорить,
 Что все по-иному должно было быть.
 Чего мы хотели? Чего не смогли?
 Чужим метрономом отсчитаны дни.

1978. Ленинград.

* * *

Время как выстрел – коротко и звучно
 Всех нас расставит попарно, поштучно.
 Словно обоймы вставит в могилы
 Всех по ранжиру – милы иль, не милы.
 Спросишь себя у последнего часа,
 Что было счастьем? Что было нашим?
 Встанут минуты в прошлом, как вежи
 Те, что остались с нами навеки.

Призраком встанет, молча Овидий,
 Все за спиною – любил, ненавидел.
 Наши вопросы, наши ответы
 Падают в Лету, падают в Лету...
 Только одно остается с тобою –
 То, как любил ты первой весною.
 Вспышкой света на темной дороге:
 Шел до конца ты, иль встал на пороге.

Время, как выстрел – коротко и звучно,
 Что было хуже, что было лучше?
 Все ты оценишь только в конце
 В шаге последнем к черной воде.

1979. Ленинград.

* * *

Я не пошлю тебе стихи, как прежде
 Не подарю. Зачем? Ведь ты в моей душе.
 В которой сохранилась та же нежность,
 Совсем теперь не нужная тебе.

И все-таки, смеясь или тоскуя
 Я также остро помню каждый час,
 Но лишь во сне опять тебя зову я,
 А днем опять лишь только двое нас.

1979. Ленинград.

* * *

Не хорей и не ямб
 В стуке колес –
 Островные мелодии
 В плеске волны.
 Приезжай сюда к нам
 От плакучих берез,
 От святого Мефодия
 И ростральных колонн.

В сопках спят облака
 И готовясь к большим переходам,
 Проплывают над нами
 В холодный, чужой океан.
 Здесь чудесные краски
 Самых ранних в России восходов
 И целительный воздух
 Для души незалеченных ран.

Осень быстро
 Крадется вершинами сопок
 Золотой сединой
 И прозрачностью далей.
 Удивительно чистые
 Светят здесь звезды Востока
 Что творится со мной
 Почему так тебя не хватает.

1976. о. Сахалин

* * *

Не жди моих сентиментальных писем.
 Я обойдусь без слез и без соплей.
 Все от чего я в мире был зависим
 В сто крат теперь мне кажется больней.

Я стисну зубы в добровольной ссылке.
 Мне до тебя двенадцать тысяч лье.
 Дороги разбежались от развилки,
 Но шаг один тебя ведет ко мне.

1977. о. Сахалин.

* * *

Ну, наконец, и ты решаешь, сгоряча
 И все и вся поставила в азарте
 Надежда, вера и еще мечта
 В одной колоде, на козырной карте.
 Она сулит казенные дома,
 Дороги, встречи, хлопоты пустые.
 А ты живые слышишь голоса
 И лица видишь добрые и злые.

Я тоже верую. Но выделить готов
 В колоде карту – джокер с бубенцами.
 Не потому, что он король шутов
 И в подданных его мы ходим сами.

Нас лечит смех и губит шуток яд.
 И вечный риск. Но волею богов
 И их устами мудро говорят
 Колпак шута – корона мудрецов.

1978. Ленинград.

* * *

Как много слов мы отдаем любви.
 А ненависть, что часто миром правит,
 Почти всегда молчит. Но нам оставит
 На память черно- красные цветы.

В нектаре яд. В них расцветает боль.
 И пустота, без отклика, без эха.
 Цветет неубиваемый диполь –
 Любовь и ненависть, как янусова вежа.

1978. Ленинград

* * *

Есть звездные часы. И лишь однажды
 На карте все: немедленно реши.
 Всё отдавая – возвращаешь дважды,
 Но этот миг ты сам определи.

Он не вернется. Вроде все как было.
 Но все не то! Вся жизнь уже не та.
 Другое солнце небо озарило
 И скажешь ты: наверное, судьба.

1979. Гагры.

* * *

Уведи же меня туда,
 Где над скалами ветры плачут,
 Где в озерах стынет луна,
 Где всё видится мне иначе.

Уведи же меня туда,
 В край волшебный и край туманный,
 Где не будет моя беда
 Жечь железом каленым раны.

Уведи же меня туда,
 Где навеки смогу забыть я
 В волшебстве лесов города
 И себя вернуть из забытья.

1979. Ленинград.

* * *

Я плачу, я смеюсь, я умоляю,
Я проклиная, радуюсь и злюсь.
И я пишу тебе. Зачем? Не знаю.
Ты далеко. И я не возвращусь.
Нет позади дороги и признанья,
Лишь пепел верст и ветер над землей.
Так бережно ухоженной любовью
И просто так сожженную тобой.

1979. Ленинград.

* * *

Нас с тобой разделяют не версты,
Нас с тобой разделяет время.
Все как будто бы очень просто
Конь оседлан и ногу в стремя.
 По ковыльной степи сомнений
 Стук копыт унесется в полночь.
 Возвестит рассвет об измене
 По росе тропинкою волчьей.
Но стывшее солнце светит
В декорациях старой драмы,
Словно выпал пустой билетик
У гадалки из Гвадаррамы.
 И качается в звоне зыбком
 Колокольчик, как похоронный,
 И приходит твоя открытка,
 Как отказ в тюрьму обреченным...

1979. Ленинград

II. Лирические мотивы

Маме

Лимонно-желтый встал рассвет
Над темно-синим Чатырдагом.

Мне осень говорила: Нет
Туманом мокрым по ОВР
агам,

Шуршаньем листьев под ногой,
ЗаиндеVELOю травой,
Еще не сказано тобой
Все, что начертано судьбою.

Перебери в уме слова
Как в лунке гладкие каштаны.

Пусть эта осень не нова
Но вечно новы океаны.

Летящей мысли и мечты
Незримые, как ткань эфира
И в них заложены черты
Неумирающего мира.

Ноябрь 1996 г. Симферополь

* * *

Километры проходятся
И кончается время.
Я приду к тебе все-таки
Через тысячу лет.

На горячие камни
Волною прибоя
И на темные листья,
Как утренний свет.

Я приду к тебе ветром
Полуденных странствий.
Я приду к тебе блеском
Далекой звезды.

Я приду к тебе песней,
Цветеньем акаций.
И обычным конвертом,
В нем будут стихи.

1988 г.

* * *

«Опасные связи» Лекло

В погоде странной, где все текло,
 Бьет ветер бранный в твое стекло.
 И в первозданный рассвет влекло
 Всем окаянный мотив Лекло.

Не хочешь веры – люби себя,
 Все Робеспьеры – ушли трубя.
 И на галеры – в простор гребя,
 Все флибустьеры – из-за тебя!

Уйми гордыню – и якорь чист,
 Ждет герцогиню – герой артист.
 В игру заклиню – ненужный вист,
 Я к морю синю несомый лист.

1997. Ливадия

* * *

Я не рискую. Все прожито.
 И у ворот трубадуры.
 В жизни уж так положено:
 Умные есть и дуры.
 Ты принесла мне забвение,
 Старые иммортели.
 Как переменчиво мнение,
 Мы постарели.

1997

* * *

Алисе

И запоздалые заботы,
 Необходимые вчера
 И по любви еще в субботу
 Звонить начнут колокола.

Взлетят испуганно вороны,
 Прохожий остановит шаг,
 Последний луч заденет кроны
 И все погрузится во мрак.

А на слуху прощальной ноты
 Скажу, что мне уже пора,
 Что стали лишними заботы,
 Необходимые вчера.

16.03.96.

* * *

Кому везет, кому не очень.
 Темна таежная река.
 Тропа приводит прямо в осень.
 Где юность так же далека,
 Как неба выцветшая просинь.
 Природа, дней круговорот
 Вершит размеренно и строго.
 И обозначен поворот
 От гор белеющих отрога...
 Не приговор, так приговор.

Чего ж грустить – придут другие
 Заглянут в наши дневники,
 Пройдут маршруты боевые,
 Не по подсказке – вопреки,
 Свой горький хлеб познав впервые.

Поймут, что жизнь весьма проста:
 Мы лишь усталые клиенты
 Из книги всех людских судеб,
 И, несомненно, абоненты
 Из канцелярии Петра

7.10.1996 г. Симферополь.

Романс

Не говори, что жизнь твоя – полынь.
 Горчайшая... Кому, какое дело?
 Что вдруг, так неожиданно задела
 Тебя своим неласковым крылом.

Не говори, что не любила ты!
 Любовь никто не оценил в цехинах.
 А то, что в сумерках случилось синих,
 Так далеко от истинной любви.

Не говори! Засыплет мокрый снег
 Мои следы. И ты минутно вспомнишь,
 Как хороши осенние цветы
 И мой звонок тебе когда-то в полночь.

Ноябрь 1995 г. Симферополь.

* * *

Конечно, нет пророков в этом мире!
 Есть вероятность точных совпадений,
 Есть связь времен и отклики в эфире.
 И камертон душевных настроений.

Живет фантом неубиенной мысли,
 Крылатых фраз и мудрых изречений.
 Я это говорю тебе не в смысле
 А вопреки диктату построений.

Аз верую! В эмоции, наитья,
 В обряды, волхвования, химеры,
 Что ждут еще когда-нибудь открытья,
 Понятия, числа и новой меры.

Тогда, отмерив точно колдовства
 И тайных знаков, может быть, узнаю,
 Хоть толику из жизни существа,
 Которого любимой называю.

14.11.1995. Симферополь.

31 декабря 1995 года

Люде

Традиции не стоит нарушать.
 И круглые, как бублик юбилеи
 Напоминают черные мишени
 Где дыры нам приходится считать.

Прости минор. Во мне он изначален.
 Конечно же, **ВО ЗДРАВЬЕ ЖИВЫХ!**
 Кто в фаворе, а кто давно в опале
 Нам все равно, бокал сейчас за них.

Второй, перекрестившись, **ЗА ЛЮБИМЫХ!**
 Оставшихся за зыбкою чертой.
 Быть может Стикс в таких плакучих ивах,
 Как наш Салгир, зовущейся рекой.

Еще с одним подаренным нам годом
Я поздравляю! Бога, не гневя,
Признай, что он из тех, конечно, родом,
Начальных, только двадцать лет спустя.

* * *

Не надо принуждать меня на ДА.
Не надо убеждать меня на Нет.
Мы все переживаем холода.
И помним – наше яблоко ранет.

Рисуем треугольники невзгод.
Считали круг, а оказался клин.
Минутою мелькает каждый год,
Без расстояний, широты и длин.

Осколками разбившихся судеб
Израним плоть и души до крови.
Кивают нам в ответ Борис и Глеб,
Два брата убиенных визави.

Все было там – на линии огня,
Кипела жизнь внутри, а не вокруг.
На встанешь Ахиллесов лук согня,
Подаришь клин, а ожидался круг.

Декабрь 1995. Симферополь.

* * *

Мы давних бед исследуем причины
И спорим о никчемных пустяках,
Заказываем в баре капуччино
И вечером прощаемся в слезах.

Зачем нужны такие отношенья
Мы оба не способны объяснить.
Расстаться же мешает притяженье
И прошлого связующая нить.

Так судьбы неожиданно сложились.
Так тягостен нам каждый разговор.
Не тем богам мы видимо молились
Накликав неизбежный приговор.

О Боги, Боги! Дайте нам терпенья.
 В займы, за деньги, даром, наконец.
 В полете лист меняет направленья
 И падает меж свадебных колец.

1995.

Доминантная нота

Есть друзья и работа,
 Жизнь идет постепенно.
 До последнего пота
 Все на свете сомненно.
 Без души, без полета,
 В бездну света паденья.
 Но звучит настроенья
 Доминантная нота.

Доминантная нота
 Вольфганга Амадея,
 Доминантная нота
 Брамса, Баха и Листа...
 И была бы охота
 Рассказать не сумею.
 Немота как гаррота,
 Или петля на шею.

Не покажет мне кто-то
 Верный путь к мавзолею.
 К мавзолею еще
 Не рожденных мелодий.
 Я не буду прощен
 В кущах райских угодий –
 Отказали во всем,

В том священном синоде.
 Каравеллы партит
 И фрегаты симфоний
 Вам закат золотит
 Полотнища мелодий.
 Вы ушли в никуда,
 Тают мачты и шкоты.
 И прощально звучат
 Доминантные ноты.

9.04.1996 г. Симферополь.

* * *

Тетрагональная система
 Я. Ты и наше окруженье.
 Наверно стоящая тема
 Наводит нас на размышленье...
 Функционально иль не очень
 Всех элементов сопряженье?
 Скажи, а как влияет осень
 На глубину воображенья?
 И все-таки, как связь планеты
 С другими сестрами в пространстве?
 Она стабильна и ответы
 Лежат в незримом постоянстве.
 Тетрагональные системы
 In situ эмоциональны.
 О них написаны поэмы
 И сложен реквием печальный.
 Все в сложном – просто. И напротив,
 В простом лежит непостижимость.
 Вся жизнь была когда-то прото,
 А нынче все – неразрешимость.

5.04.1996 г. Симферополь.

Памяти всех, переживших войну

Маме

Зажгите свечи, Поминая всех,
 Живых и понапрасну убиенных
 На той войне.
 За победителей,
 За матерей,
 За пленных,
 Зажгите свечи поминая всех!

 За тех детей, что прятались от бомб,
 За голод,
 Эшелоны
 И подводы
 Зажгите свечи, поминая всех,
 Кого коснулись огненные годы.

Покоя мертвым, долгих дней живым:
 Известным,
 Иль безвестным,
 Безразлично.
 Зажгите свечи – каждый был один
 Пред ликом смерти – уж таков обычай.

8.05.1996. Симферополь.

* * *

Стратиграфия нашей памяти –
 По слоям, по периодам сложена.
 Несогласья лежат в параметре
 От простого, до очень сложного.
 Реперами забьем отметины
 Изменений душевного климата.
 А виски – сединою отмечены,
 Так в природе, наверно, принято.
 И от древнего к настоящему
 Наша память живой планетою
 Все кружится до предстоящего
 Нам конца библейского света.

XX век

То был век первый. Век золотой...

Овидий

Ах, как много ждали от столетья
 И не знали светлые умы,
 Что вступили в годы лихолетья,
 Что дойдут до нищенской сумы.
 Новая магическая дата
 Так условна, как и календарь.
 Что за ней: награда иль расплата.
 Или повторится все как встарь?
 К сожаленью, мудрость не отмерить
 Временным отрезком. Наперед -
 Можно верить, или же не верить
 Все равно грядущее придет.

Пусть земля останется нам лоном,
 Где покой и вечность, обрета,
 Провожают колокольным звоном
 Персонально каждого любя.

2000 г.

* * *

Что былшем проросло, что в тумане,
 Отблеск звезд на воде в океане.
 Все моря, что мои: черно-белые
 А усталость в груди только серая.
 Неприязнь и отказ – тоже серые.
 Был бы отдан приказ, я бы с верою,
 Хоть по белым морям, хоть по черным,
 Но, всегда не везет непокорным.
 Справа, кливера тень, волн шипение,
 За кормою кипень недоверия.
 Впереди горизонт неизвестности
 Не берите на «понт» каплю честности.
 У судьбы сурьмлены брови черные
 От сумы до тюрьмы в одной гонке мы,
 Тот ли финиш, другой – что понравится,
 А припрется с косою – не избавиться.
 И не спрашивай друг, звонит колокол,
 Почему это вдруг, тебя волоком?
 Все по книге судеб. Там записано
 И про хлеб и про крест кипарисовый.

1997.

* * *

Л.А.

Среди слепых, глухих и озлобленных,
 Запутанных в тенетах бытия,
 Среди всех, на бездорожье обреченных,
 Указывай мне путь звезда моя.
 На стадии коллапса иль сверхновой
 Мне все равно необходим твой свет.
 Будь наша жизнь хоть легкой, хоть суровой.
 В ней есть кресты, но веры еще нет.

Небесное ли царствие, земное,
 Нам ниспослало столько тяжких бед.
 Взойди моя звезда над головою
 И отведи неправедный навет.

* * *

Забытых снов, хотелось мне, как чуда
 А нынешние – в явь, вплетаясь дня,
 Напоминают, что придя оттуда
 Я возвращаюсь в мир небытия.

Их ткань ночная, днем не исчезая
 Всегда – ничто, два Януса лица.
 Незримыми крылами покрывая
 С начала нашей жизни до конца.

Привет тебе, вселенской энтропии,
 Я передам, шагнув в твои миры
 Сквозь сонные видения ночные,
 Отдав Харону скромные дары.

1997.

Экспромт

Л.А. на салфетке в ресторане

Давай смотреть на вещи трезво,
 Насколько мы пьяны.
 Все в этом мире бесполезно
 Есть только я и ты.

К чему еще другие страны?
 В одной стране любви.
 У нас в гостинной капитаны
 Со всех морей земли.

Старинный компас в бесконечность
 Один лишь курс дает.
 И в бесшабашность и в беспечность
 Как в младости ведет.

1996

* * *

Благоденные или кара
 В простом суммировании лет?
 Вопрос, как средство от загара,
 Когда на пляже солнца нет.

Все суждено, определено,
 Как час затмения планет.
 И провиденье благосклонно,
 Как заряженный арбалет.

Верни билет и сядь за стол,
 Коль юбилей уже пришел!

1996

* * *

Реальное - стремится в бесконечность
 Слова живут в нас сами по себе
 И уходя в неизвестную вечность
 Мы только их оставим на земле.

Они уйдут с последним человеком.
 Слова любви, проклятий и надежд.
 Бог вещь, с каким по счету веком,
 В устах ли мудрецов или невежд.

Мои слова к тебе всегда не новы,
 В какие их одежды не ряди.
 Когда от боли свет в глазах багровый,
 Я мысленно зову тебя; Приди!

1995 г.

* * *

Снова между нами города...

Мой борт взлетает. Мне везет.
 Рукой, придерживая шляпу,
 Уже вхожу на эшафот
 По аэрофлотовскому трапу.

Отправлю тело в мир иной,
Избавлю душу от печали.
Пусть жизнь покажется простой
В начале всех начал – Абдале.

Мне ждать в немыслимой дали,
Ты – на другом краю планеты.
Судьбы слепые корабли
Всё несут нас по белу свету.
1980.

* * *

Все иллюзорно так в этом мире,
Скажите Анне, скажите Мире,
Скажите Насте, скажите Вере
Мы миновали аншлаг доверий.

Что не сказали, скажите Марте
В лесу весеннем хрустящим мартом.
А после, в светлом огне апреля
Перескажите все это Неле.

О, имена, словно грозди лилий
Не доверяйте себе и Лиле.

* * *

Поэты уходят
Ни на небо, ни в землю,
А идут они в души,
Свой век торопя.
Будут живы они,
Если чутко их слушать,
Хоть бывает бессмертной
Одна лишь строфа.

Поэты уходят.
Нет ни малых, ни главных,
Зажигая рассветы,
Возрождая слова.

В ваших строчках ответы,
 Ваши песни на равных
 Делят те же дороги
 Что и наша судьба.

Поэты уходят
 В бесконечность легенды,
 Их соленая кровь
 Как у нас горяча.
 И на всех перекрестках
 Житейской вселенной
 Подставляют главу
 Под топор палача.
 Поэты уходят....

* * *

Мне твой ответ – судьбы благодаренье.
 Мне твой привет – послание богов.
 Принимаю. Выражаю восхищенье
 И пожеланья выполнить готов.

Не дай нам Бог еще нести утраты.
 Хотя итог на всех всегда один.
 Быть может, проживу я без зарплаты,
 Но врядли без тебя, мой господин.

Отчетливость накладывает рамки
 На образ жизни, тропы, города.
 Стремленье каждой шашки – выйти в дамки.
 А мы нашли друг друга навсегда.

* * *

Зима таится за углом,
 На нарисованных углем
 Осенних, грустных пейзажах.

Как странно мы еще живем
 В другом обличье и типажах,
 И хлеб едим, и водку пьем.

То горе мы с тобой зальем,
А это выплывет наружу
Не проростаемо быльем.

Да, видно это поделом.
Вот почему в жару и стужу
Без ясной цели мы бредем.

Декабрь, 1997.

Горизонтالي

Кому-то вверх, кому-то вниз
Нести за пазухой печали.
Обледенелым был карниз,
Где мы над пропастью стояли...
И жизнь, как приз.
И, видно черти накачали,
К слезам, замерзшим стылый бриз,
А мне мои горизонтали.

За нарисованной чертой –
Победа или поражение,
Ты никогда не будешь той,
Что спит в моем воображенье.
По камню выполнил резец
Лицо на ракурсах инталий
Твое начало – мой конец
Под сепией горизонталей.

Здесь контур их совсем не прост,
Как жизнь в причудах и морали
Кому-то тлен, кому-то рост,
А мне – мои горизонтали.

17.04.1988. Симферополь

* * *

В написании, как в строгости
Направленья луча,
Отмечаем подробности
Из чудес бытия.

И вдаваясь в отчаяние
 Замусоленных рифм,
 Обсуждаем за чаем
 Свой пустой эвфемизм.

* * *

*Полгода плохая погода,
 Полгода совсем никуда.*

Весь сезон над Крымом непогода
 Тучи серы, тучи вороны,
 Словно поместила нас природа
 К берегам Балтийской стороны.

К побережью Финского залива
 К валунам, исхлестанным дождем.
 И вина Судакского разлива
 В эту осень мы уже не ждем.

Парадоксы климата. Сверяя
 Ход земных и солнечных часов,
 Мы уходим, души затворяя,
 На дверной, разболтанный засов.

Симферополь, сентябрь 1987

Н. Козыреву.

Взрывались звезды, наступала темень,
 Галактики летели в никуда,
 Но оставалось неизменным время,
 Субстанция всеобщего суда.

Чей ритм не умолкал ни на мгновенье,
 Чью тайну нам не разгадать вовек.
 Мы как миры, находимся в смятенье,
 Из-за своих полуприкрытых век.

Всю мудрость народившейся вселенной,
 От часа ноль, до нынешнего дня
 Содержит вектор времени - нетленный,
 Мифического Хроноса родня.

1.04. 1987, Симферополь.

* * *

Этот год, словно город
 На зыбучем песке
 Тянет время за ворот
 Не сбежать налегке.

Я к удаче, как к даме,
 А ответ – миражи,
 Так в заброшенном храме
 Дарят свет витражи.

Подготовься к несчастьям
 На своей полосе.
 Черным веет ненастьем,
 Утюгом по росе.

От судьбы нет лекарства
 И во власти харизм,
 Верю в светлое царство,
 Где живет оптимизм.

Сентябрь 1997 г.

Сонет

Когда-нибудь настает время пик,
 Те, остальные масти – на раскладе.
 Являют жизни скоротечный лик,
 Будь в выигрыше ты, или в накладе.

Все промахи запишутся в висты,
 Ведущие к кладбищенской ограде,
 Хоть помыслы и светлы, и чисты,
 Ошибки соответствуют награде.

И ночь, и день сольются в пустоте
 А на зеленом ломберном вокзале
 Придет конец прощальной суете.

Мой друг, конечно, жизнь – игра,
 С самим собой и приходящей тенью.
 Но, кажется, она была вчера.

Сентябрь 1997

Дворянское гнездо...

Темнел багет. Старинного письма.

Парсуны стыли в полутемном зале.

Когда-то здесь кружился менуэт,

Но скрипки те давно уж замолчали.

Остановился старенький брегет,

Скрипит паркет, задернуты портьеры –

Свидетели давно ушедших лет,

Страстей любви и неизбывной веры.

Как медленно, по каменной плите.

Струится пыль, накопленная ныне.

Как медь ленно сквозь патину времен,

Глядят глаза исчезнувшей богини.

Поклон Вам и изящный реверанс

Из наших дней Я шлю Вам всем, ушедшим.

А Вы танцуйте дивный контраданс

С одним печальным ныне сумасшедшим.

Октябрь 1997 г.

* * *

По-своему ценился теплый кров,

Уют домашний, местного разлива.

Вдали цивилизации даров

Мечтали мы еще пожить красиво.

Трепало море утлые суда,

Качало нас в соленой колыбели...

И думалось, что будет так всегда,

А между тем мы медленно старели.

Теперь без нас уходят корабли,

Истаивая в синей акварели.

И все-таки мы кое-что могли.

И все-таки мы кое-что умели.

Где эти годы, будто напрокат,

Или займы, полученные нами.

Последний ослепительный закат,

Накроет нас косыми парусами.

17 марта. 1988 г.

* * *

И память, совсем не девичья
 И вроде не те года,
 Но в Черный квадрат Малевича
 Шагаю, как в никуда.

Походкою королевича
 По крошеву Невских льдин
 Как давеча развечерится,
 Как водится – все один.

Небытия или бытия,
 Исследуя артефакт
 Дождусь звонарей прибытия
 В простецкий небесный жакт.

И там по распределению,
 За честь для себя почту
 Исхлопотать к поселению
 Право иметь мечту.

Ленинград – Симферополь. Октябрь 1981.

Старый Париж

Увидеть Париж и умереть

Укроют мокрую панель
 Ветрами мятые афиши.
 На них и Расин, и Корнель,
 И зазывающие вирши.

Приглушен стук ночных карет.
 И на мятущиеся тени
 Наложен темный трафарет
 Парижской глянцевой сирени.

1997

* * *

Начало – красная строка,
 Мне изначально не легка.
 Случалось, после сорока
 Была она в двойне горька.

В листе, положенном на стол
Звучал уверенно глагол.
Но неоправданно мягка
Была начальная строка.

Лишь иногда, издалека,
Как твердь земли для моряка
Вдруг появлялся ореол,
Над словом тем, что я нашел.

1997.

* * *

Как и водится, Богу – богово,
От Матфея ли, от Луки,
Мы свое защищали логово
Лот чужой загребущей реки.

От напастей и от старания
Ободрать до последней тли,
От навязанного внимания
От намыленной нам петли.

Худо ль, здорово – то не ведаю.
Мне воздастся, и Аз воздам.
С поражением ли, с победою,
Но вернемся мы по домам.

1998

* * *

В.Юдину

Мы говорили тет-а-тет
Вполне по-братски.
В окно заглядывал рассвет.
Курили адски.

Что вспомнить было, обсудить,
Наметить цели.
Мы поздно начали дружить,
Когда седили.

Мы не один сожгли костер,
 Где тот прощальный,
 Что в небо Севера простер
 Свой дым печальный.

В том мире не было тепло,
 Но время лечит,
 Как то прекрасное вино,
 В день нашей встречи.

Мужская дружба хороша
 И путь наш долог.
 Но крут, как горная тропа,
 Держись геолог.

Еще охотничий азарт
 Живет и тлеет.
 У нас не финиш и не старт
 И есть идеи.

Апрель 1996. Симферополь

* * *

Мужики предлагали дело:
 Выпить водки и закусить.
 До чего же осточертело
 Все по-новому ворошить
 Кто о женщинах, кто о язве,
 Кто о благости, кто о грехе.
 Вот ей-ей, но еще ни разу
 О другом каком репехе.
 Может бросить толочь все в ступе,
 Посидим просто так втроем.
 Время лучшее не наступит
 За которое столько пьем.

Так прочтите стихов мне строчки,
 Вами читанные. Где? Не суть.
 И забудем про заморочки
 И нальем еще по чуть-чуть.

1999

* * *

Грусть не коснется меня
Черными лапами,
Жаль лишь, что чьи-то глаза
Будут заплаканы.

Пусть, это быстро пройдет
Дождиком меленьким.
Я к вам еще вернусь
Солнышком беленьким.

Вытру пушинки ресниц.
Нежно согрею.
Щебетом пестрых синиц
Скуку развею.

Лягу осенним листом
Вам на ладони
Все это будет потом,
В стареньком доме.

Ноябрь 1998

* * *

В контексте будущих причин
И неизбежных настроений
Я снова окажусь один
Среди туманов и течений.
 У неизвестных берегов,
 Лежащих в кружеве прибоя.
 В кругу друзей или врагов
 Искать желанного покоя.
Мне будет чуждый разговор
Мешать найти уединенье
Надоедать карманный вор
И сон придет как утешенье.
 Рассвет позолотит стволы
 Ветрами искривленных сосен,
 Где в ожидании зимы

Замрет причудливая осень.
 Все будет жить, как бы слегка
 Струной, натягивая время.
 Земля окажется мягка,
 Приемля брошенное семя.
 Оно до срока прорастет
 Основу, дав цветам забвенья
 И древний Бог их поднесет
 В награду за мое терпенье.
1988.

* * *

Знак перевернутой восьмерки
 Символика минут и дней,
 Пробитой пулей гимнастерки,
 Ушедшей юности моей.

Плюс, минус в ней поставлен верно
 В хронологической шкале.
 Живем мгновение, наверно.
 Идем, как «Граждане Кале».

К концу извечного начала,
 Куда не ходят поезда,
 Где колыбель людей качала
 В ночи сверхновая звезда.
1998

* * *

По советам Монтеня

Отдайте в срок свои долги
 Долги чужие, обещанья –
 Все, что сумели, что смогли,
 Без лишних слов и оправданья.
 Тогда упреки вас минут.
 И напоследок мы оставим
 Часть сэкономленных минут
 От жизни прожитой развалин.

Чтоб посмотреть на небеса,
 Родным могилам поклониться,
 Послушать птичьи голоса
 И бытием земным проститься!
 1998.

1939 год

Маме

В тот год светил Канопус
 Над Крымскою землей.
 В степи раскрылся крокус
 Сиреневой звездой.

Обычно он в весенней
 Всегда цветет поре,
 Но в год моего рожденья
 Раскрылся в октябре.

Цветы покрыли землю
 Приветствуя меня,
 Качались ветру внемля,
 Ковры вокруг стеля.

С тех пор минули годы,
 Подходит жизни срок,
 А я из всей природы
 Люблю один цветок.

09.03.08. Симферополь

Друзьям.

Друзья! Я Вам писал не по заказу
 Далекый север и далекий юг -
 Ни здесь, ни там не предал вас ни разу.
 И здесь и там гордился, словом друг.
 И все равно, в жаре ль Мадагаскара,
 Иль в долгих стонах заполярных вьюг,
 Благодаренье это или кара,
 Но рядом был всегда надежный друг.

Мы их в толпе порой не выбираем –
 Они приходят сами невпопад.
 Мы, потеряв их, так переживаем,
 Что вслух об этом редко говорят.

И вот теперь, на склоне лет, в молчанку
 Я сам с собой играю неспроста
 Да, выиграл у вас американку,
 За что распят подобием Христа.

Друзья! Я не святой. Я в вашей вере.
 Чего лукавить – мой закончен круг.
 Из всех известных в мире суеверий
 Ценю одно – есть настоящий друг.

1999. Симферополь

Об истории – гекзаметром.

Первым был век топора и рубила из камня,
 Медный потом наступил, но значительно позже.
 Долгое время затем бронзу учились сплавлять,
 Все ж заменив ее ковким и прочным железом.
 Злато и серебро шли на чеканку монеты,
 Блеском их всё украшали, храмы, царей и женское тело.
 Кануло все. Заменили металл жалкой бумагой,
 Съела синтетика все натуральные ткани,
 Вера исчезла в Богов и святых чудотворцев.
 Вновь возвратились мы в век топора и рубила из камня.

Только одно на земле мерзкое зло процветало,
 Как бы скорей умертвить многих людей беззащитных.
 Всякой отравой, огнем, вирусом, атомной бомбой.
 Разума видно лишился народ на земле.

Ясно одно, что век золотой был придуман,
 Все сочинил с похмела этот мерзавец Овидий,
 Чтоб досадить дуракам и себя обессмертить
 В выдумку эту сейчас больше не верит никто.

1999

* * *

*Листья травы.**Уитмен*

Жаль, я не встречусь
с многими друзьями,
Ушедшими
в полночные миры.
Но память
обвивает нас крылами
И прорастает
листьями травы.

Не обниму.
На фото вижу лица.
Им не нужны
ни гимны ни дары.
Мне ж не нужна
печальная граница
Что прорастает
листьями травы.

Не обниму.
Не встречусь. Не услышу.
Лишь в этом
они были не правы.
Их голоса
доносятся все тише,
Как шорох
прорастающей травы.

12.09.08. Симферополь

* * *

Считаем оборотами планеты
Свои лета в субстанции печали.
Но, кто - то ждет звезду на эполеты,
Кого - то манит ленточка медали.

Утеха тем, кого ласкает Геба.
Раздумье тем, которых ждет Харон.

Считаем, нас покинувших друзей.
Их так немного в жизни оказалось.
Напрасно ждем на пирсе кораблей
И побороть пытаемся усталость.

Утеха тем, кого ласкает Геба.
Раздумья тем, которых ждет Харон.

Считаем, что еще звучит распев
При свете свеч второй партиты Баха.
Свеча погасла, чуть не догорев
В нас ночь вцепилась демонами страха.

Утеха тем, кого ласкает Геба.
Раздумья тем, которых ждет Харон.

Считаем все, что дарено судьбой.
Что упустил и что добрал сполна.
Зачем считать? Все просто под Луной
Поскольку жизнь у нас всего одна.

Утеха тем, кого ласкает Геба.
Раздумья тем, которых ждет Харон.

14.01.07. Симферополь.

* * *

Так много понимается к закату,
Что вовсе не понятно молодым.
И хоть на свете все не так ребята,
Старайтесь подарить цветы живым.

По вашим меркам жизнь продлится вечно.
Ее мы проживаем, как хотим.
Но, как не веселимся мы беспечно —
Цветы старайтесь подарить живым.

Кривы или прямы дороги наши,
 Все что имеем – не всегда храним.
 И поздно ощущаем горечь чаши,
 И важность подарить цветы живым.

Не понимаем, что подарок нужен
 Не тем, кому мы дарим, а самим.
 Под солнцем мы идем или по лужам –
 Старайтесь подарить цветы живым.

Те, кто ушел – подарки не оценят.
 Не надобны они к путям иным.
 Пусть молодые мне хоть раз поверят:
 Цветы имеет смысл дарить живым.
13.09.2008.

* * *

На тонкой ленте бытия
 Не балансируй без страховки.
 И к роковой черте скользя
 И избегая мышеловки.

Как далеко, как далеко
 Умолкло, отгремело эхо...
 И как добиться нелегко
 Сквозь слезы брызнувшего смеха.

1986. Симферополь

* * *

Осень отгорожена забором
 Мороси и желтого листа.
 Лезет в мою душу перебором
 Тонкая гитарная струна.

Дым костра прибит к траве пожухлой,
 Каркает на ветках воронье.
 Ухожу в пуховой куртке пухлой
 Зарядив жаканами ружье.

Разряжу его в пустое небо,
 Низкое, брюхатое дождем.
 Жизнь моя сплошная непотреба
 Втопанная в лужу сапогом.

Выстрелы, толчки в плечо приклада,
 Нервы успокоятся чуть - чуть.
 Знать, кому бы это было надо
 Запугать меня и обмануть.

Что сложилось – рухнуло в болото.
 Что слепилось – в пальцах расплзлось.
 Ох, не зря мне напороочил кто то,
 Что б ни сбылось русское авось.

Незачем ругать теперь природу,
 Поздно поворачивать назад.
 Видно так написано от роду
 Ждать весну, а встретить листопад.

7.12.2008. Симферополь.

* * *

Транзитные по жизни пассажиры –
 Мы все в потоке времени плывем.
 Каюты наши – старые квартиры,
 Билеты предъявляются потом.

Вот отданы швартовы всех начал -
 Мгновения рождения и детства.
 Лишь в памяти останется причал
 Как прошлого ненужное наследство.

Поставлены на полный дизеля.
 Утюжит нос житейский океан.
 А за кормою пенная струя
 Скрывает ложь, отчаянье, обман.

Потом, когда приходит контролер,
 Пробьет компостер дырку наконец,
 Как будто запечатуя позор
 Пробьет висок расплавленный свинец.

Транзитом, от рожденья до кончины
 Без остановок ходят корабли
 Чтоб судьбы, словно сжатые пружины,
 Разжаться до последнего смогли.

1.03.2009

Химеры Нотр Дам.

Исчадья жуткого примеры
 Напоминаям Аз воздам!
 Больного скульптора химеры
 Собор обжили Нотр Дам.

Кого должны страшить их лики,
 Вокруг святого алтаря?
 Гонцы подземного владыки
 Не шевелясь, не говоря.

Где та черта, что разделяет
 Блаженный рай и страшный ад?
 Добро и зло? Никто не знает.
 Посланцы ж Черного молчат.

15.02.2009. Симферополь.

* * *

Я все сказал.
 Коротким словом Dixi
 Отчеркнута озвученная мысль.
 И может быть
 Она была не лишней.
 И может быть
 Не зря слова сплелись.

Кода ни будь
Как отраженье эха
Она возникнет снова на земле.
И может быть
Воспримется со смехом.
А может быть
Блеснет еще во тьме.

7.03.2010. Симферополь

III. В альбом Людмилы Александровны Гурнак. Часть 1. Письма из далеких краев

* * *

Я надеюсь, здесь своя планета.
Мир другой, в неведомой дали.
Где идут, уже какое лето
Мелкие холодные дожди.

В окна плеск негромкий океана,
Он сегодня Тихий, как в те дни,
Что под парусами Магеллана,
Окрещен в истории Земли.

Важен он для нас в такой же мере,
Как любовь, как ненависть, как боль.
Как ты там? В какой ты нынче вере?
Есть ли в ней мне маленькая роль?

Сентябрь 1976. о. Сахалин

* * *

Знаешь, Люда, – здесь все не такое.
И бывает немного странно
Сознавать, что встречаешь осень
В красках буйных и первозданных.
Непохожей, чужой палитры,
Непонятной сразу манеры,
С колорита скачущим ритмом:
Все цвета, кроме черного с белым.

Попросить Всевышнего разве,
Что бы жизнь наша брэнная тоже,
Не кончалась в маразме и страхе,
А была бы на осень похожа.

Октябрь 1976. о. Сахалин

* * *

У. Уитмену

Желтый дом осенней тайги,
Дом отчаяния и надежд.
Те дороги, что там – позади
В желтом доме осенней тайги.

Над заливом Терпения – осень.
 Эта осень – всех весен минувших.
 Не вернувшихся и не вернувших
 Над заливом Терпения осень.

Тихо падают листья в никогда.
 Листья падают в Лету. Скорее,
 Ничего не бывает новее.
 Тихо падают листья в никогда.

Октябрь 1976. о. Сахалин.

* * *

Мой материк далек, как Атлантида.
 Здесь ветры и колючие снега.
 И тучи чередой над океаном
 И словно луч, негаданно желанный
 Твои такие теплые слова.

Я не могу сказать благодарю
 Лишь потому, что это слишком мало,
 Но я, как драгоценность сберегу,
 Все то, что ты мне даришь наяву
 Магического времени кристалла.

Едва ль кому удастся оценить,
 Чем платят за сочувствие и ласку.
 Мне без оглядки память ворошить,
 Что может жизнь любую отразить
 Похожую на злую, злую сказку.

Но в каждой сказке доброй феи роль –
 Лечить всех тех, кто в сердце носит боль.

1976. о. Сахалин.

* * *

На берегах Тавриды дальней
 О чем ты думаешь? Печальна,
 Желта осенняя метель.
 Но будет впереди апрель,
 Как символ некий возрожденья.
 Ну а пока спроси себя
 Не лучше ль время сентября?

Октябрь 1976. о. Сахалин.

* * *

Здесь грязь и слякоть. Облака
 Повисли грязными клоками.
 И день, каких-то три часа.
 И Ленинградская тоска
 Приходит торными путями

Ноябрь 1976. Ленинград.

Ода опрощению.

К какому алтарю сложить
 Молву людскую и законы,
 О том, как надо нам ходить
 С кем спать и как есть макароны.
 И как не быть самим собой,
 И разговор вести пустой.

Нас все равно осудят – право:
 Поди попробуй угоди,
 Чтоб не чесали языки
 Соседи слева или справа.
 Прослойка, люмпен, высший свет:
 У всех «железный» этикет.

Что бы самим собою стать,
 Учитесь властвовать другими,
 Что бы заставить уважать,
 Себя вне рамок и фамилий.
 Быть выше чопорной толпы
 И не бояться простоты.

Конечно, надо обладать
 Лукавой формулой общенья,
 Что б всем уметь себя подать.
 И тем, кого до отвращенья
 Мы ненавидим. И тогда,
 Да будет честь вам и хвала.

Но сколь прекрасно, не сказать.
 Осла – ослом в лицо назвать!

Декабрь 1976 г. Ленинград.

О Крыме

Все так же Понт шумит волной
И тают дни над Чатырдагом.
И ветер времени густой
Уносит листья лет из сада.

Все также в ясной синеве
Плывет далекая Таврида
Где по нетронутой земле
Легко ступала Артемида.

То город детства снится мне
В тени акаций и каштанов.
Замешен воздух на вине
И зыбкой радуге фонтанов.

И я иду к нему сквозь бред
Всех будней наших – бесконечно.
И только в нем найду ответ,
Который ищется извечно.

Декабрь 1976 Ленинград

* * *

Наш горек мед,
Иллюзий и сомнений.
Но мы его лекарством
Живы днесь.

Так мало нам
Дано на этом свете,
Но шар земной
Хотим мы – только весь.

Март 1977. Ленинград.

* * *

Все развлечения – работа и кино.
Все остальное было и давно.
Будильник. Чашка кофе второпях
И обещанье – как-нибудь на днях.

От века так для нас заведено.
Что было и что будет – все равно
Как семечки в подсолнухе все дни
Пустые, или полые внутри.

Разбить бокал, не расплескав вино,
Шагнуть не в дверь, а выйти сквозь окно.
Купить билет Париж – Мадагаскар.
И сжечь мосты, прока еще не стар.

Все оборвут слова – пора вставать!
Сегодня ты не должен опоздать!

Март 1977 Ленинград.

* * *

Все впереди
Осенние цвета
На нашем флаге
Память запретила.
Пусть к нам теперь
Приблизится волна
Что в берег Кафы
Бег свой устремила.

Сквозь ночь и день
И тысячи тревог
Идти мне к ней
И... помоги мне Бог.

Апрель 1977. Ленинград.

Сосновка. Снег.

Снег нереальный, словно сны
 Такой торжественный и тихий
 На все прошедшие грехи
 На море мелкой суеты
 Снег нереальный, словно сны.

В фату одетые стволы,
 Как в храме, замершем, колонны,
 Хранят здесь святость тишины
 И непорочной белизны
 В фату одетые стволы.

Не в небесах, а на земле
 Покой мы вечный обретаем.
 И снегом времени земным
 Над прошлым саван расстилаем.
 Не в небесах, а на земле.

1977. Ленинград

* * *

Зловещей птицы
 Упала тень.
 И как в темнице
 Не греет день.

Я только верю
 На все века,
 Что будет рядом
 Твоя рука.

Июнь 1977 г. Симферополь.

* * *

В шаманский бубен стучит беда
 Что все не будет, что неспроста.
 И бьют по нервам как никогда
 Слова пустые, слова, слова.

Сломай проросшей беды росток.
 Взгляни сквозь слезы - горит восток
 .Со смертью ночи, со смертью зла,
 Что нам пророчат – все ерунда.

Июнь 1977

* * *

Наши кресты
 Тяжелы ли, легки ли,
 Мы их несли только к могиле.
 Как шрамы на сердце
 И памяти сколы.
 Мы – корабли
 И идем до прикола.
 Идем от причала,
 Идем до причала.
 И все же к приколу
 На склоне Абдала
 А все промежутки –
 Порты наших встреч,
 Что будем в себе
 Осторожно беречь.

Соленые волны
 От слез солоны.
 Мы что-то не вспомним,
 Мы что-то могли.
 Лишь светлой надеждой
 В пустынной дали
 Причальная стенка
 Крымской земли.

Июнь 1977. Ленинград.

* * *

Какая ты на самом деле?
 И ждешь меня ли одного?
 Сто дней моих в одной неделе
 Тебе не скажут ничего.
 Сто долгих лет, что врозь прожиты.
 И сто секунд, что был с тобой.
 И сто путей, что перекрыты.
 И путь один – к тебе одной.
 Сто журавлей к тебе летящих.
 Сто долгих лет мне ждать назад.
 Сто тысяч лиц не настоящих,
 Лишь твоему лицу я рад.

Сто тысяч лет до новой встречи,
 И сто минут к тебе пути.
 И сто печалей канут в вечность,
 Когда ты скажешь мне - приди!

Июнь 1977. Ленинград

* * *

Не прожиты листы календаря,
 Пусть наших встреч ростральные колонны
 Мне освещают пламенем зажженным
 Пути из мрака в дальние края.

Роняла осень наши хризантемы
 И ветер будней холодил лицо.
 Мы оживали снова, как антенны,
 Ловящие лишь звездное тепло.

Мы шли в снегах, потери не считая,
 Что лишь вдвоем оплакивать могли.
 И времени морщины, как медали,
 Легли на нас этапами пути.

И мудрость чувств, столь редкая в пустыне,
 Нам чуждых лиц, отозвалась в душе
 Сознанием, что от века и до ныне,
 Совсем не зря мы жили на земле.

Август 1977. Ленинград.

У могилы коллеги

Я ему не завидую – нелепо
 Гибнуть не в пользу, а спяна.
 Вечный якорь Колей брошен слепо
 Там где обрывается земля

Вроде бы коллег не беспокоя
 Все долги оплачены сполна.
 У могилы вечный плеск прибоя -
 Исполняет реквием волна.

6 августа 1977. о. Сахалин

* * *

Так далеко, как время,
Так глубоко, как сомнение.
Мне вспоминаются дни –
Дни откровения.

Мне вспоминаются дни
Черные, белые,
Дни, как ожившие сны,
Чтоб мы не делали.

Дни вечеров и ночей,
Дни ожидания,
Дни, что в улыбке твоей
Были признанием.

20 августа 1977 о. Сахалин.

* * *

Ровно год отстучали на башне часы,
На Московском вокзале среди людской суеты.

На Московском вокзале, год назад у купе,
Вы меня не узнали и не ждали в окне.

Но нежданное часто приходит опять,
Год прошедший, как в сказке, что другим не понять.

Говорю тебе ты, как в семнадцать пишу,
И путей простоты не ищу, не прошу.

Год – ни много, ни мало, но уже юбилей.
И часы у вокзала стали на год старей.

Но часы у вокзала считают не так,
У другого начала: все время – пустяк.

Его нет, у начала начал – его нет.
Ты все знала! Узнала. И кивнула в ответ.

7. сентября 1977. о. Сахалин

* * *

Нас греет надежда о прошлом.
 И мы вспоминаем о будущем.
 Грустим мы совсем не нарочно
 И может быть слишком легко.
 И в будни, и в праздники ветер
 Бьет нам в лицо постоянно.
 И только надежда и вера
 Вперед помогают идти.

Сентябрь 1977. о. Сахалин.

Разрушенный храм (отрывок).

...нужники сделали в алтарях.
 Слава вторая превыше первой.
 Что нам истории древний прах:
 Мы же свою историю делаем.

Россия, Россия – превыше всего!
 В неверье топили свое естество.
 Во славу звезды, молотка и серпа
 Не чтим красоты и не помним родства!

Сентябрь 1977. о. Сахалин

* * *

*Всем наградю за одиночество
 Должен встретиться кто-нибудь.*

В. Высоцкий

На нашей дороге – косые дожди
 И вечно крадется беда по пятам.
 Но если умеешь – ты все-таки жди.
 И встреча наградю ляжет к ногам.

Пути середина – и жизнь пополам,
 Цепочкой следов на зыбучем песке.
 И все-таки слышишь, сквозь будничный гам,
 Нас голос надежды зовет вдалеке.

И только идти к ней, назад не смотря,
 И верить, что память нам все сохранит.
 Пусть слезы смешаются с сеткой дождя:
 В пути одиночество нам не грозит.

1977. о. Сахалин

* * *

От северных елей, закованных в снег
 Несется метелей широкий разбег

И в Крымской степи, потом долетя
 Роняет их ветер горстью дождя.

К ногам твоим капли летят, как привет,
 В пути сохранившие Северный свет.

16.02 1978. Ленинград

* * *

И как же быть... Над бранными полями
 Развеян дым давно гремевших битв,
 Где мы свои знамена потеряли,
 И выиграла время для молитв

И снова ждать, чтоб тишина взорвалась
 Призывом медно вспыхнувшей трубы.
 И вновь идти в огонь, кому досталось
 Судьбою ране головы спасти.

Все это жизнь, дарованная свыше.
 И пусть она походит по стерне.
 До той поры, пока ещё мы дышим,
 Пока идем мы в хрупкой тишине.

26 04 78. Ленинград.

* * *

Ты не сердись, не злись, не обижайся!
 Так мало достается нам минут,
 Которым ты б сказала: возвращайся!
 И тех, что нас, по-видимому, ждут.

26. 4. 1978. Ленинград

* * *

Далеких звезд предначертанье –
Мой гороскоп.

Опять во тьме начать скитанья
Без торных троп.

Искать забытые приметы,
Считать шаги.
И как звезду на эшафоте
Ловить стихи.

В чеканных ритмах ждать награду
В напеве слов.

И восходить на эспланаду
Победных строф.

Потом одеть тебя стихами,
Как в лепестки.
И приходить к тебе дворами
В ночной тиши.

И верить, звезд предначертанье
Для нас одно.

И, что нас ждет в конце скитанья
Одно вино.

Июль 1978. Ленинград.

Изборск

Посадов догоравших дым
У ног стелился злым туманом
И звал набата медный гимн
На стены пониматься изборчанам.

Рогатины, дубины, топоры,
Сжимали огрубевшими руками.
И сумрачно смотрели мужики
На жадно полыхающее пламя.

Покуда подспеют псковичи,
Прольется кровь который раз на стены.
Иззубрятся тевтонские мечи,
Но не увидят среди нас измены.

*И истово крестясь на купола,
Неведая, в легенды шла седые,
Посконная мужицкая броня
За основанье будущей России.*

Август 1978.

* * *

Не раз ты вспомнишь Запсковье
И перси крома Пскова.
Бывает время ласково
И в отзвуках бывшего.

Бывает память медленной,
Бывает слово быстрым.
Мы проверяли временем,
Что оборвалось искрой.

Мы обновляем нежностью
На сердце горечь злую.
И то, что стало вечностью
Наверно не впустую.

Август 1978. Псков.

* * *

Надеяться и ждать, что грянет судный день
И всех нас повлекут на суд последний к Богу.
Я - просто не хочу, ведь может быть беда,
Заблудится в пути, к нам потеряв дорогу.

Судьбу не обмануть, но и принять как есть,
Мешают нам дела и разные заботы.
Когда за целый день, бывает не присесть
И думать о беде нет никакой охоты.

Пусть будет мир светлей,
Пусть будет мир добрей,
Пусть будет мир друзей
У нашего порога.

А если все не так,
Пусть в памяти моей
Ты будешь всех ценней –
Дней, посланных от Бога.

Декабрь 1978. Ленинград.

Ралли

Законы мудрости поправ
И осудив уже,
Судьба, нас в гонке измотав,
Заносит в вираже.

Гремят цилиндры вразнобой,
Отчаянно руль крутя,
Мы держим ближе к осевой
И дальше от столба.

Мы, где-то время растеряв,
Живем надеждой той,
Что должен кончиться вираж,
А дальше – по прямой.

И все б имело смысл и цель,
Когда бы знать могли,
Что пробиваясь сквозь метель,
Не сбились мы с пути.

Что тот последний поворот
Был верным. И в конце
Господь на финише возьмет
Нас в царствие свое.

3 марта 1979. Ленинград.

* * *

Как видно мы умеем быть порой другими:
Прощать, заботиться, любить. И жить: во Имя!
Знать – будет солнце нам светить, и небо синим.
И мир в глазах твоих открыть – иной отныне!

Не нарушая естества, не лицемеря,
Заставить временно себя – забыть потери.
И посмотреть со стороны, скрывая жалость,
Понять, осталась впереди – такая малость!

8 июля 1979. Ленинград

* * *

*Не берут его в муравейники –
С того берега муравей...*

Я жду для чего-то завтра,
Я жду для чего-то утра.
Звезда на пупе космонавта
В телевизоре смотрится тупо.
 Не звенят дураки бубенцами,
 Они теперь бьют в литавры.
 Когда-то они веселили,
 Теперь они стали главными.

А я – муравей с того берега,
Шевелю в ожиданье усами,
Пока на меня, правоверного,
Коллеги не свалят камень.
 Под камнем темно и тихо,
 Ни завтра нет, ни рассветов.
 От радости и до лиха
 Секунду одну доехать.

Скажи: в старину было проще:
За двадцать шагов по сигналу,
Лишь гулкое эхо над рощей,
Но это, увы, миновало.
 Как прежде звезду к эполетам
 Нельзя добывать на брюхе.
 Но кто призовет их к ответу
 В сегодняшней нашей житухе?

18. апреля 1980. Ленинград.

* * *

В карнавальном чаду силуэт,
Призрак мести и смерти бумажной.
Не обдуманый Богом совет
Вырос в призрак закона и жажды.
 Распилите звезду пополам,
 От короны, до самой глубинки.
 Почему бы не выжать бальзам
 Из незнания, с каплей горчинки.

Или немощи. Смутные дни
Умирают в желании вздора.
Оглянись – засверкал позади
Черный свет твоего светофора.

Май 1980. Ленинград.

* * *

Наши встречи, увы,
Так редки и по времени кратки.
Меня ждут поезда,
Самолеты, упряжки, такси.
Шум столиц,
Тишина не отмеченных точек на карте.
И тоска ожидания,
И радость от встреч впереди.

26 июня 1989. Лазаревское.

* * *

Ты все рано уедешь. Океаны
И вся земля принадлежит тебе.
Оставив ожиданье телеграммы
О том, что возвратишься ты ко мне.

Июль 1980.

* * *

Нас в круговерти
Южные ветры
Гладят и вертят.
Письма в конверте...
Только поверьте!

В жизни и смерти,
Как по перрону
Поезд уходит –
Мы не знакомы.
Только поверьте.

Шагом измерьте,
Стуча каблуками,
Дальние версты
Своих ожиданий.
Только поверьте!

Из круговерти,
Мы по билету
Кресло займем
Улетая из лета,
Только поверьте

6 августа 1980. Лазаревское.

Сочи.

Краткое описание нашей Всесоюзной Здравницы.

Экзотика, эротика,
Вино, антибиотики,
Конюшня общей спальни,
Клозеты и едальни
Похожи друг на друга
Под знойным солнцем юга
Работаешь ли, пьянствуешь,
С путевкою ли странствуешь
По неживой природе
При солнечной погоде,
Не выйдешь ты из круга
Под знойным солнцем юга.

У моря – акварели,
Хапуги и газели,
Слоны и носороги,
В обличии двуногих.
Скоты в часы досуга,
Под знойным солнцем юга.
Все стадо обывателей
Считает обязательным
Во всесоюзной здравнице
Погреть на пляже задницы.
И этими задами забита вся округа.
Под знойным солнцем юга.

6.08. 1980. Лазаревское.

Светлой памяти Алексея Сергеевича Клименко

Неведомы нам многие причины
И что стоит за гранью бытия
Но падают, как листья годовщины
Со древа жизни – память бередя.

Все это так обыденно и просто,
Как плеск неумирающей волны.
И наши дни считаются с погоста,
Чью память мы с тобою сберегли.

Он завещал нам мудрость и прощенье,
Душевное тепло и доброту
Он нам дарил любовь и утешенье –
Мы перед ним всей памятью в долгу.

А этот день был и его по праву.
И в смутные и светлые часы,
Мы знаем, доцветают у Абдала
Две розы возле мраморной плиты.

7.09.1980. Симферополь.

* * *

*Пошли нам сад на старость лет...
Марина Цветаева.*

Под старость мы мечтаем получить
Спокойствие и брег обетованный,
Но, как мираж, далекий и желанный
Он тает, что бы снова воспарить.

Мы миримся с несчастьями и болью,
В надежде, что минует нас гроза
Но та гроза давным-давно прошла,
А нынче, морось плачет над зимовьем.

И мокнет лес осенний у разлива,
Природа спит, чтобы проснуться снова.
Так почему судьба нам так сурово
Одну весну и лето отпустила?

Не потому ль, так страстно, горячо,
Пошли нам сад – та женщина просила.
Не обрета – свой час определила,
Так страшно кончив это бытие.

27.09.1980. Лазаревское.

* * *

*«Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль..» А. Блок. Скифы*

Рядиться ли нам в родственники скифам?

Они ушли давно и в никуда.

Где ветер гривы комкал кобылицам

Раскинулись большие города.

Но горький запах прошлого тревожит,

Звенит в душе тугая тетива.

А может - быть, мы родственники все же,

И это пепел нашего костра?

Не знаю! Но представить может каждый –

В полынный запах падала звезда.

И степь изнемогающая жаждой

Летела, под копытами звеня.

Она страшила грека и ромея,

А им была и домом и судьбой.

И умирали, в вечности алая

Закаты над ковыльной сединой.

Не плуг и не ярмо считалось честью,

А длинный меч. Их песнь была горда.

И много раз летела страшной вестью

В закованные в стены города.

Каким он был? Неаполи не скажут,

Живая кровь на острие клинка?

Иль, закопченные столетней сажей,

Осколки позабытого горшка?

Но, время тклет над миром паутину.

Мы обживаем свой двадцатый век.

А там... колчан, закинувши за спину

Своих коней он направляет бег.

11 ноября 1980. Ленинград

Алушта

Причудливы фантазии ума:

То память вспыхнет серебром Алоли,

То отзовется звонкая струна...

Какую чушь мы в те часы молили?
 Как мимолетны были два следа
 На тающем снегу. И укололи
 Ненужные на празднике слова.

Мне кажется, уставшая земля
 Старинной Лусты жаждала покоя.
 Зеленая январская волна
 Одеда берег в кружево прибоя,
 Чертили чайки в небе письма...
 И это все, теперь уже бывшее,
 Осталось в нас на долгие года.

Не в правоте и времени спасенье:
 Нас некому прощать или судить.
 От генуэзских башен в отдаленье
 Мы знаем то, что просто надо жить!
 Хотеть в судьбе немножечко везенья.
 Но, прошлое уже не изменить.
 И может в этом есть благословенье?

16 декабря 1980. Ленинград

Байдарские Ворота

Тут сам Господь задумал отличиться,
 Тавриды создавая берега.
 Внизу, под солнцем, море серебрится.
 Здесь, ночью спят в ущельях облака.

У скал – дорога старая змеится,
 Творцов её, не зная имена.
 Лишь их труду мы можем поклониться,
 А их самих давно уж нет следа.

На высоте, над суетой курорта,
 Все также тихо шепчется листва.
 И для людей Байдарские ворота,
 Не, как и в Кремле – открыты навсегда

Но, худшее, что может приключиться,
 Коль для себя, мы злейшие враги:
 Заброшен храм, что памятником чтится,
 А рядом процветают кабаки.

Декабрь 1980. Ленинград

Старый Крым. На могиле А.С. Грина.

Со смертью, ты – принадлежишь Тавриде.
 Она дала последний твой приют.
 И до сих пор, любя и ненавидя
 Твои герои здесь еще живут.

В осенний день стучат в твою могилу,
 Созревшие плоды твоей земли,
 Что вдохновила суетному миру,
 Дарить цветы чистейшие мечты.

Теперь к тебе приходим мы с цветами.
 Но, что теперь? Они были нужны,
 Когда ты задыхался от отчаянья
 Среди людской, безумной слепоты.

Декабрь 1980. Ленинград.

Офицерские сборы

Седые лейтенанты у доски.
 Военкомат не знает исключений.
 Мы снова занимаем рубежи.
 Штабных воображаемых сражений.

Задача наша буднично проста –
 Прогноз погоды в южном направлении.
 На стол ложатся карты шелестя
 И данные последних наблюдений.

Хоть скучно, делать нечего – рука
 Уже сама считает градиенты:
 Здесь может быть. А здесь - наверняка.
 А вот координаты эпицентра.

И сразу тишина в душе. Молчу.
Хотя доклад готовится по срокам.
И лишь через минуту прошепчу:
Полковник! В эпицентре Симферополь.

Не понял! Повторите! Повторить?
Я повторю: Гроза! И мне понятно,
Что вдруг судьба решила подшутить
Со мною элегантно и приватно.

Три дня назад Январская гроза
(Та самая) гремела надо мною.
А ныне, за окном у нас Нева,
Под ледяной, застывшая бронейю.

Коллеги удивляются: гроза!
И по расчетам, вроде бы, как надо.
А я молчу: да не гроза – судьба
Гремит из Крыма в окна Ленинграда.

22.01.1981. Ленинград

Прошлое – рядом. (Херсонес).

Не сразу, не завтра, Не слушая мессу,
К нам мудрость приходит от стен Херсонеса.
Как время, по капле, не слышно, не зримо.
Потомки Эллады и мы – побратимы.
 Источенный мрамор ветрами и морем.
 И прошлое рядом за счастьем и горем.
 За шагом, за стоном, на камнях Тавриды
 Покрытые пылью следы Артемиды
Под солнцем палящим, в тени капители
Узоры мозаик нежней акварели.
И прошлое рядом! Все также лениво
Понтийские волны шумят у обрыва
 Не стоит пытаться вернуться в былое.
 Но стоит осмысливать время иное.
 К античным колоннам на миг прислониться
 И юности мира за все поклониться.

Принять красоту и любовь, Как награду.
И помнить всечасно, что прошлое рядом.

26.01.1981. Ленинград.

* * *

Все понимаем «что и как»
Но обстоятельства сильнее.
И вот мы делаем тот шаг,
Нас уводящий прочь от цели.
 Все варианты «может быть»
 Реализованы абстрактно.
 Не всем в житейском море плыть
 И знать, что не плывешь обратно.

Одним на фордевинде везет,
Другие, галс меняют галсом.
Один до финиша дойдет,
А кто-то скажет, что пытался.

6.02.81. Ленинград

Время

Весь этот мир умом немножко тронут.
Лишь Время вечно в шуме бытия.
Последний век гуляет по перрону
И в прошлое уходят поезда.

До нас и после. Посредине – малость.
Вся мудрость, от начала до конца.
Наш там привал – где свалит нас усталость.
И в прошлое уходят поезда.

Не замечаем, не хотим, не ценим,
Как будто вновь отсчет ведем с нуля.
А за окном давно спустилась темень
И в прошлое уходят поезда.

Март 1981. Ленинград.

* * *

Как солнца луч не удержать в ладонях,
Он все равно пойдет своим путем.
Но уходя, струну в тебе затронет –
Не для того ль на свете мы живем.

Ты, как всегда, права за гранью знания,
Где магия живет и колдовство.
И я в одном лишь твердо убежден –
Твоя струна ответит в унисон.

Март 1981. Ленинград.

* * *

Ты как всегда права, мой милый друг.
И не пора ль уверовать в знаменье?
Случившееся много лет назад
В осенний Ленинградский листопад.

Душа и разум требуют признанья,
Но Хронос скупко дарит нам часы.
Из целой жизни, прожитой в изгнанье,
Но все-таки сумевшей нас свести.

1 апреля 1981. Ленинград.

Часть 2. Симферопольский синдром.

* * *

Не предсказуемо, не предугадано,
Как логика моей любимой,
Пройдем годами, как анфиладами,
По откровениям необъяснимым.

Приходят вечером, приходят ночью,
Слова незрячие и сны воочию.
И будет, поздно ли, и будет рано ли,
Что было осенью, что стало раною.

Ни сном, ни духом, Тропой незримою,
Но ты останешься неповторимою!

29. мая 1981. Симферополь.

Дорога к песне

Живет, не рождаясь на белой бумаге,
Строка недотрога,
Строфа недотрога.
Поэты повесили белые флаги –
Ведь песня от сердца,
А сердце от Бога.

Есть песни живые у моря и ветра,
Есть песни разлуки
И песни привета.
В улыбке любимой.
В порыве ответа.
Поэты – забудьте про белые флаги.

Живите полнее, не бойтесь презренья,
В отчаянье – удача, а жизнь – откровенье.
И скажет вам – здравствуй!
Однажды с порога
Строка недотрога,
Строфа недотрога.

Живите от риска, Живите от ритма.
 Не ждет вдохновенья
 Оккамова бритва.
 Падучей звездой заветное слово
 Падет вам в ладони,
 Зажжется сверхновой.

И только тогда, миллионы на свете,
 Вдруг скажут: он кажется сам не заметил.
 Ведь песня родилась.
 Слова в ней от Бога.
 Строка недотрога,
 Строфа недотрога.

10 июня 1981. Симферополь.

Оливы в Никитском Саду

Анатолию Сафроновичу Коверге

Давным-давно на Полисах Эллады
 Стеклянная застыла тишина.
 И в гаванях Тавриды не спускают
 Усталые триремы паруса.
 Но память их живет в названьях древних.
 И много лет еще на берегу
 Оливковые старые деревья
 Плоды роняли спелые в траву.
 Где шелест ваш, оливковые рощи?
 Мы забываем, время торопя,
 Что древние решали дело проще,
 С собой в дорогу саженцы беря.
 И к ним была щедра земля Тавриды,
 Оливы и эгейская лоза,
 Кормили тех, кто храмы Артемиды
 Оберегал до самого конца.
 На той земле, златым и первым веком,
 Античности пролился звездопад.
 Но в память нам оставленную греком,
 Хранит оливы лишь Никитский сад.

Декабрь 1981. Никита – Симферополь.

Шторм.

Волны удар и ветра стон.
 Сарматских скал стоит заслон.
 Встречая грудью каждый шквал.
 Кагель стоит - Джангуль упал.

Туч грозowych – зловеща синь
 Верхушки волн – летят в полынь.
 Соленой пеной Чорный Понт
 Стирает близкий горизонт.

Декабрь 1981. Тарханкут.

* * *

Не говорить, не думать и не ждать.
 Желать одно – уйти от треска буден.
 И праведность свою провозглашать.
 И знать: по всем законам – неподсуден.

Изменчивую память приглушить
 Суровой волей четкого решенья.
 И приказать себе, того – забыть.
 А к этому придет поминовенье.

И, смутное спокойство обрета,
 Своих друзей расставя по ранжиру,
 Не спрашивать, по ком колокола
 Звонят у дней застывшего обрыва.

Печальный звон не принесет с небес
 Того, что мы просили испуленно.
 Раскопана душа, как Херсонес
 И сердце снова бьется обнаженно.

25 февраля 1982. Симферополь.

* * *

*Лишь лжец нам истину несет,
 Лишь праведник глядит лукаво.
 Всего на свете горше мед.
 И лишь влюбленный мыслит здраво.
 Франсуа Вийон*

Весна шестая, или первая?
 Что б приходить – должна уйти.
 Луна весной бывает нервной
 И сны приходят нележки.

Я за тебя придумал доводы.
Сказала ты – наоборот.
На подоконник сели голуби
С весенним бременем забот.

А где зимы прошедшей проводы?
Ведь опоздают поезда!
Водитель пульса был «на проводе»
И не пришел на «табака».

Не уходи, чтоб быть неискренней.
И говори, чтоб не смолчать.
Все звезды мнимые. Единственной
Звезде коньячной воссиять.

Февраль 1982. Симферополь.

* * *

Репродукторы плачутся
Вселенской жалобой –
Такой абстрактной!
А в дневник одиночества
Упадет настроение – кляксой.

Занавескою спущенной,
За прошедшим и будущим,
Радуга.
И не много же, в сущности,
То, что не доотпущено
Надо нам.

Июнь 1982. Симферополь.

Такая жизнь

Такая жизнь - сегодня и вчера.
Кому-то в морг, кому-то в санаторий.
И очень важно знать, где и когда
Циклоны сходят с точных траекторий.

Холодный фронт. Но вот опять тепло.
 До Чатырдага видимость - что надо.
 Ну, как дежурство? Вроде ничего!
 Но не вздремнуть вторые сутки кряду.

Еще по дому сделать кучу дел.
 Звонок. Алло? - пилюли на комод!
 Ты слышала, роман тот, прогремел?
 А я его давно читала вроде.

К кому-то с радостью идут, ко мне с бедой
 Сестра сказала - косы входят в моду.
 Звонок! По две конечно. Да, перед едой.
 Погромче звук! Послушаем погоду.

Февраль 1984. Симферополь.

* * *

Едим ли пиццу за углом,
 Иль кофе пьем в кофейне старой –
 Воспоминания потом:
 Подарком, или страшной карой
 Предутренним восстанут сном.

А жизнь, рисуема углем
 Ложится контуром графичным,
 На все, что мы считали личным,
 На что смотрели безразлично,
 И что грядущим скрыто днем.

Там, где судьба развесит тень,
 Как кипарис между цветами.
 Дни белизны, до черноты,
 Разлад душевный гасим мы
 Между полярными словами.

8 марта 1984. Симферополь.

* * *

Пролиты Крымские дожди,
 Над годом – уходящим в Лету.
 И что б «светило» впереди –
 На счастье, в полночь брось монету.

Теперь нас эти рубежи
 Уже не радуют как прежде.
 Но ты, назло врагам, – живи!
 И в полночь дверь открой надежде.

Нас не лелеяла судьба:
 Война и Мир – не по роману.
 И, что бы даль была светла,
 Поднимем в полночь по стакану.

Нальем шипучее вино
 Своей десятой годовщины.
 И выпьем, - пить же не дано
 Нам в эту полночь без причины.

Потом, ты улыбнись светло,
 Что было нашим – то осталось.
 И поцелуй меня еще,
 Что б эта полночь повторялась.

31 декабря 1985. Симферополь.

* * *

*Зима тревоги нашей позади
 К нам с солнцем Йорка лето возвратилось.
 Шекспир*

Зима тревоги нашей впереди.
 Нам время не приносит утешенья.
 И эти новогодние дожди
 Оплаканы, но не ушли в забвенье.

Зима тревоги нашей на челе.
 Воздушных замков мы уже не строим.
 Хотя давно уверились в себе
 И в жизни этой мы чего-то стоим.

Зима тревоги – горечью живет,
 Как пониманье, что приходит поздно,
 Как опозданье, для того кто ждет,
 И как желанье жизни невозможной.

Теперь, еще немного подожди:
 В природе смена года непреложна.
 Зима тревоги нашей позади
 И в лето нам опять поверить можно.

31 декабря 1986. Симферополь

* * *

Нас лимитирует погода –
 Зима, считается весной.
 Снега с заката до восхода
 Накрыли город пеленой.

К чему, казалось, мы причастны –
 Лежит под белым полотном,
 Не разделенные на части
 Зима и лето. До – потом.

Как любим мы искать границу
 В условных домыслах паря:
 Где старость? Юность? – Нет, не в лицах,
 А то, как чувствуем себя.

И в старой истине порою
 Мы утешение найдем.
 Я все пойму. Вино открою
 И мы обсудим все вдвоем.

И мир, летящий в бесконечность,
 И всю земную суету,
 И окаянную беспечность,
 И жизни бег меж рандеву.

Не правда ли, совсем не мало,
 На фоне мелочной грызни...
 Хотела б ты начать сначала
 И вновь прожить все эти дни?

Ах, мысли делают зигзаги.
 Сегодня праздник. Разреши,
 Забыть затупленные шпаги,
 И к ручке белой допусти.

8 марта 1987. Симферополь.

Поверить трудно

Памяти Л.А.

Ты понимаешь – жизнь абсурдна,
 Порой в ней вовсе смысла нет.
 И, все-таки, поверить трудно
 В один лишь правильный ответ
 И, все-таки, поверить трудно,
 Что друг, с которым много лет,
 Делил по-братски соль и хлеб
 Ушел. И больше его нет.

И, все-таки, поверить трудно,
 Что не на час, а навсегда,
 Мир вдруг становится безлюдным
 И наступает пустота.

 Пройдут старинные обряды,
 Поставят свечи у икон.
 А в осень, у твоей ограды
 Заплачет только старый клен.

И, все-таки, поверить трудно,
 Что лишь природа начеку:
 И листьев желтых орденами
 Украсит скромную плиту

22.05.2010. Симферополь

IV. Из цикла «Времена года».

Календарь

Январь

Начало года. Календарь
Всегда безжалостен и точен.
Прожить его бы до конца.
Хорош он будет, иль не очень?

В туманном зеркале лица
Почти не видно. Напророчен
Обряд заклания тельца.
Хорош он будет, иль не очень?

От гордеца и подлеца
Не жди поддержки. Меч наточен.
Все скроет снежная пыльца.
Хорош он будет, иль не очень?

Дар королевского венца –
Горчайший плод. Хоть он и сочен.
Начало долгого конца.
Хорош он будет, иль не очень?

Начало года. На костях прошедших лет.
Срок жизни явно укорочен.
Кто знает правильный ответ
Хорош он будет, иль не очень?

20.03.09. Симферополь.

Февраль

Февраль. Достать чернил и плакать.
И лучше не сказать о нем никак.
В России понимает каждый лапоть,
Что строчкой отличился Пастернак.

Он месяц поэтических мгновений.
 В февральских окнах запахи весны.
 И отголоском наших настроений
 В нем снятся удивительные сны.

20.03.09. Симферополь.

Март.

Холодный март – шkodливый мальчик
 На побегушках у весны.
 Он над сосульками начальник
 В истоках Волги и Десны.

Бросает снегом, бьет ветрами.
 И дарит первое тепло.
 Как детство, оставайся с нами,
 Каким бы не было оно.

18.03.09. Симферополь.

Апрель.

Апрель качает колыбель
 Богини мирной – девы Флоры.
 Синь добавляет в акварель,
 В свои небесные просторы.

На север движутся полки
 Лихих кочевников пернатых.
 Готовят сети рыбаки
 И смолят лодки на закатах.

Апрель помирят день и ночь,
 Как брата с кровною сестрою.
 В нем даже старый пенъ непрочь
 Обзавестись своей листвою.

19.03.09. Симферополь.

Май

Когда из облачного края
 Ударит первая гроза
 Знай, Геба юная играя
 На землю кубок пролила.

И мы, как будто бы впервые,
 Оставив обувь, босиком,
 Шагнем по лужам, молодые,
 В тот мир, что с детства нам знаком.

1.05.09. Симферополь.

Июнь.

Июнь, как пойманный елец
 Блестит и бьется на ладони.
 Пусть обживется, наконец
 Тепло и лето в нашем доме.

Черемух белых облака
 В зеркальных водах отразятся.
 И школе скажем мы: Пока!
 Пора на волю выбираться.

Прощай рутина городов
 В карманы спрятаны билеты.
 На скромный сервис поездов
 Мы поменяем кабинеты.

Стучит по рельсам колесо,
 Мы уезжаем, уезжаем...
 И чье-то милое лицо
 В толпе перрона оставляем.

Вернемся? Или навсегда
 Уйдем мы, словно в сорок первом.
 И нас падучая звезда
 Ударит выстрелом по нервам.

26.03.09. Симферополь.

Июль.

Июль весь в солнечном пожаре.
 Он так же пылок, как и встарь.
 Прославлен Джулио Чезаре,
 Что переделал календарь.

Мир тонет в золотистом свете,
 Как будто смотришь сквозь янтарь.
 И только он за все в ответе
 Что переделал календарь.

Прошли столетья на планете
 И галльских войн остыла гарь.
 Но он остался в каждом лете
 Составив новый календарь.

25.03.09. Симферополь.

Август.

Был, как и дядя, строгих правил.
 Великодушен. В меру строг.
 И много лет он Римом правил
 Среди раздоров и тревог.

Казалось, царствуй себе смело!
 Греши, воюй, казни и правь.
 Но, продолжая дяди дело
 Взял и исправил календарь.

Логично лето завершая
 Он выбрал месяц неплохой.
 И дней, как будто не считая
 Отсыпал щедрою рукой.

Так, до сих пор гримасы Рима
 Над нами властвуют незримо.

27.03.09. Симферополь.

Сентябрь.

Пора минора, желтых листьев,
 На лужах первого ледка.
 Цветной отмеченная кистью.
 Приходит к нам издалека.
 Швыряя пригоршнями краски
 И гроздь рдеющих рябин.
 Сентябрь подобен нежной ласке
 Губ, не боящихся седин.

30.03.09. Симферополь.

Октябрь.

Октябрь. Ну, с чем его сравнить?
 Кончерто гротто листопада.
 Реки серебряная нить
 И настоящая прохлада.

В багрец и золота леса
 Одеты в Болдино поэтом.
 Костров рябиновых краса
 Другого сердца не согретом.

И слов других не подобрать.
 И не прибавить, не убавить.
 Литературную тетрадь
 С благоговением отставить.

18.03.09. Симферополь.

Ноябрь.

Покатилась осени корона.
 Голый лес и мокрое жнивье.
 Чужая смерть осеннего сезона
 Каркает на ветках воронье.

Но не смерть, а долгое забвенье
 В ледяных объятиях зимы
 Неспроста послало провиденье
 На поля, долины и холмы.

Все пройдет. Как ночь сменяет утро,
 Зимний сон опять прервет весна.
 Отчего тоскливо так и смутно
 В ноябре на сердце у меня.

28.03.09. Симферополь.

Декабрь

Не постучат под вечер в окна други,
 Не принесут от миленькой письма.
 Зимовье замели по крышу вьюги,
 Хозяину недужится весьма.

В ночи мороз. Стекло заиндевело.
 Трещат в лесу сосновые стволы.
 Луна гало цветастое надела
 И россыпь звезд, достав из подпола.

Давай волчище вместе мы повоем
 Настроив голос в унисон тоски.
 Над этим мертвым, стынувшим покоем,
 Над тишиной, вонзившейся в виски.

17.03.09. Симферополь.

* * *

Голубые мартовские тени
 От берез и елей на снегу.
 Месяц переменных настроений,
 Не любить его я не могу.

Голубые мартовские тени
 И сосуллек слезы на ветру
 Положил на холст когда то гений -
 Левитан, не спавший поутру.

Голубые мартовские тени,
 Неба оживающая синь.
 Ради этих сказочных видений
 Ты меня родная не покинь.

10.03.2010. Симферополь.

Геологическая весна 2009 года

Весна. Смотри, какая штука:
 Исчезли льды, сошли снега.
 Из норки выползла гадюка
 Погреть на солнышке бока.

Весна. В пруду проснулись жабы.
 В лесу ожили ежаки.
 Похорошели разом бабы
 И нос задрали мужики.

Весна. В садах взошли цветочки.
 А нам на лирику плевать:
 В своих отчетах ставим точки,
 В полях готовимся пахать.

Достанем рюкзаки и бродни,
 Штормовки, карты, компаса.
 Уедем. Только не сегодня.
 Отметим – все-таки весна.

Поднимем кружки и стаканы
 За начинающийся год
 У нас начальники бараны,
 Но мы отчаянный народ.

Нам не в новинку тяжесть поля,
 Нас не сожрали комары.
 У нас в чести стальная воля
 И мы дождемся до поры.

Поры, пока поймут невежды,
 Что без сырья стране кранты.
 Давайте выпьем за надежду,
 За наши светлые мечты.

Весна. Смотри какая штука:
 Куда ни кинь – везде пролет.
 Но Геология – Наука
 В глобальный кризис не умрет.

01.04.09. Симферополь.

* * *

Мой друг! Не кажется ль, ужель,
 Что в гости к нам пришел апрель?
 По Симферополю метель
 Цветущих вишен, дрока, сливы
 И ветра теплого порывы.

Капризно – ласковый апрель.
 Маршрутка мчится на Бахчель.
 А там, на юге спит Кастель.
 И до поры к пустынным пляжам
 Не подъезжают экипажи.

Как прихотливая кокетка
 Нам кружит головы весна.
 И манит старая беседка
 Испить мускатного вина.

04.2009. Симферополь.

* * *

Февраль. Все дни наперечет.
 Мои, тем более.
 Пересчитал их звездочет
 Своею волею.

Все звезды говорят одно
 Мол, не надышишься,
 Считай рассветы. Пей вино.
 Ты не ослышался.

Но я, судьбе наперекор,
 Живу по-старому.
 Люблю не гаснувший костер,
 Дружу с гитарою.

И пью коньяк, а не вино,
 Играю с вечностью.
 И всем чертям живу назло
 Со всей беспечностью.

* * *

Последняя неделя февраля
 Трефового кончина короля
 А к проводам угаснувшей зимы
 Издревле полагаются блины.

Перед постом, чего б не погулять?
 На плечи кинут праздничный платок.
 И вот уже подвыпившая рать
 Потешный осаждает городок.

Заметно прибавляют время дни,
 Все ближе к нам смещается восток
 Вот где то из оттаявшей земли
 Подснежник поднимает свой росток.

На небесах густеет синева
 Валет козырный – главная из карт
 И, значит, начинается весна
 В свои права вступает месяц март.

28.02.2009. Симферополь

* * *

Июль.
 В окне недвижен тюль.
 От солнца,
 Как от вражьих пуль
 Стремимся в тень.
 Вершина лета.

Июль,
 Кладет лениво руль
 В обратный курс
 К кончине года.
 Компаса стрелка
 смотрит в нуль,
 С пригорка катится карета.

В нем антиподом для тепла
 В хрустальном куполе света
 Горит полярная звезда
 В мирах совсем иного рода.

Июль – он времени патруль,
Из бездн летящая комета.

8.04.09. Симферополь.

* * *

Осень. Первый холодок.
Паутиночка.
В отношеньях говорят
У них льдиночка.

Еще ясна синева
Летняя.
А о них уже молва
Сплетнею.

Еще слово не сказал
Подданный.
А вокруг уже скандал
Подлинный.

Вроде бархатный сезон.
Благостно.
Да мириться не резон –
Гадостно.

16.03.2009. Симферополь.

* * *

Сентябрь, как первенец осенний –
На толстой ножке боровик.
Приводит грибника в смятенье,
Ведет к везенью напрямик.

Плодит оранжевых лисичек
Замысловатый хоровод.
И тоненьких опят – сестричек
На пень взобраться позовет.

Прекрасна тихая охота.
 И ярк наш осенний лес.
 В них грибников идет пехота
 С лукошками наперевес.
10.09.09

* * *

Прохладны рассветы
 У врат сентября.
 Рисует портреты
 Природа не зря.
 Из вечности тонким,
 Но точным мазком,
 То звуком негромким,
 То ярким мазком.
 И цикл завершая
 Готовит холсты,
 Как будто играя
 На лике Земли.
 От темперы осени
 К маслу зимы
 Кармина и просини
 В цвет седины.
 Мой час аналогий
 Ушел и пропал.
 Я странник убогий
 И здесь мой причал.
30.08.1995

Апрель в Симферополе
 Говорит мне дворник: Апрель!
 Это ж сколько надо мести!
 Да туды же его в качель,
 Снова начало все цвести!
 Вам-то в радость – кругом цветы,
 Ну а мне – подметай, подметай,
 Эти почки и лепестки,
 Вон и бак уже через край.

Ах, как много твоих забот
 Гонит ветер по мостовой!
 А по мне – так пускай цветет,
 Я ведь видел и край иной.

Только скалы и синий лед:
 Не сколоть его не смести...
 Нет, уж лучше пускай идет
 Наш апрель, чтоб всему цвести.

Но в словах дворника суть,
 Как Бодлера в «Цветах зла» -
 Лепестки, их в последний путь
 Кляча времени повезла.

2000 г.

Гроза в Тавриде

Белый бархат укутал платаны,
 Доцветающий розовый куст.
 Над Тавридой сгустились туманы,
 Заклубились у каменных уст.

Тают в тучах черты Чатырдага.
 И в горах, набирая разбег,
 Наполняет желанная влага
 Берега многочисленных рек.

Первый снег освящен гулким громом
 И раскатом осенней грозы,
 Для кого-то еще не знакомым,
 Проявленьем пророка Ильи.

Что вещает пророк, непогоду?
 Опоздал. Для Тавриды она
 Существует лишь только в угоду
 Даме, с именем древним – Зима.

Ноябрь 1995 г. Симферополь.

* * *

Маме

Вспахал циклон воздушный океан.
 Под лемехом невидимого плуга
 Деревья гнулись к вымерзшей земле
 От крымских скал до Западного Буга.
 Эстамп писала мартовская вьюга.

И юный март, потворствуя беде,
 Искал среди молний признаки погони
 От уходящей к северу зиме,
 Не забывая давних церемоний
 О передаче скипетра весне.

И вот утихло. Сад преображенный
 Застыл в алмазно-голубом венце.
 Вновь горизонт до метра приближенный,
 Умчался в даль. И влагой напоенный
 Тавриды воздух замер на щеке.

Март 1996 г. Симферополь.

* * *

Люде

Дожди, дожди все той же пеленой.
 Над Сахалином царствуют циклоны
 Туманы над убогой слободой
 И близких сопок вымокшие склоны.
 Который день в падучей океан
 У черных скал ревет до исступленья.
 И я пишу тебе из этих стран,
 Что у залива имени Терпенья.

1977. Сахалин.

V. Романтика нехоженых дорог

* * *

Подберу я себе рюкзачок,
Не велик чтобы был и не мал.
Потянуло меня на восток,
Потянуло меня за Урал.

Той землицы услышал я зов,
Европейцы мы все чуть-чуть.
Да полно тут своих якутов
И саами живут и чудь.

Север - севером, ну а восток
Дело тонкое – знают все.
Мне приснился Владивосток
И восточных морей плиссе.

То плиссе – океанская зыбь,
Что качала меня не раз.
Там черна океанская глыбь
И циклоны идут на заказ.

Там и нерка живет и трепанг,
Иваси и морской гребешок.
Надо взять с собой акваланг,
Ласты с маской сложить в мешок.

На прощанье скажу - пока,
До конца допью посошок.
И ни пуха мне, ни пера,
На восток лечу, на восток

15.02.04. г. Симферополь

* * *

Благослови идущих по земле,
Ныряющих в бездонные глубины.
У каждого из них свои причины.
У каждого по собственной судьбе.

Не каждый вклад отмерен на весах
 И воплощен в решающее слово.
 Сдается, незаслуженно сурово
 Иную мысль мы обращаем в прах.

Но все равно, однажды по весне
 Зовет нас голос дальних экспедиций.
 И хочется мне низко поклониться,
 Благословя, идущих по земле.

1997.

* * *

Бомбите аэродромы!
 Чтоб не взлетели черной тенью
 С них словно демоном ведомы
 Неверие и подозренье.
 Бомбите аэродромы!
 В рассветных сумерках надежды,
 Где те, себя считают дома,
 Где носят черные одежды.
 Бомбите аэродромы!
 И вы избавите заранее
 Мир от засилья скопидомов,
 От боли, желчи и отчаяния.
 Бомбите аэродромы!
 Насилья, пошлости и злости,
 Не дайте выстроить хоромы,
 Где наших предков скрыты кости.
 Бомбите аэродромы!
 И отдавая пыл атаке,
 Увидите черты знакомых
 Под маской дружеских симпатий.
 Бомбите аэродромы!

1993.

Колпак шута – корона мудрецов

Ты у меня - последняя надежда
 И ставка в необдуманной игре.
 Рискую всем, Страховка плохо держит,
 И карабин не пригнан на ремне
 Пусть карты врут. И в темную нет счастья.
 Но не дано других путей в огне.
 В небитых картах - Джокер, он без масти,
 Везение в шутовском колпаке.
 Мне не снести короны с бубенцами:
 Усмешка убивает наповал.
 Который день под белыми крылами
 Метель на юг скрывает перевал.
 Мне только ждать, надеяться, Надежда!
 Чего и как, ведь я не знаю сам.
 Рискую всем. Страховка плохо держит.
 И жизнь, как стенка к черным небесам.
 Мне не снести короны с бубенцами...
1958 г. Ленинград

* * *

Мои каравеллы убоги, как встарь.
 Заплатанный парус весло и фонарь.
 И блеклые звезды в рассветном огне,
 И белые гребни на темной воде
 И только сменю я ружье на мушкет,
 И только плюмажа примятого нет.
 Но также, закрывшись от солнца рукой,
 У скал чужедальних я вижу приборь.
 И также ночами у дальних костров
 Я улицы вижу больших городов.
 И также в снастях басовито гудя
 Скитания ветры уносят меня.
1991.

Александр Манкевич (или портвейн под водой).

Саша, Саша! Мое ты солнышко!
 На подводной полянке в иле,
 Затыкая пальцами горлышко
 Мы портвейн из бутылки пили.

Сливы были закуской святой,
 Коль не мялись, не размокали.
 Так меня в шестьдесят девятом
 Посвящали и причащали.
 Принимали в подводное братство,
 Для себя устроивши роздых,
 Гулко стучали по баллонам,
 Где написано сжатый воздух.
 Искуситель и искушение
 Были скрыты морской водою.
 Лишь потом я узнал: причащение
 Оказалось моей судьбою.
Июль 1969. Сухуми

* * *

Да, наверное, это главное:
 Не теряя надежды нить,
 Постараться прожить внепланово,
 Постараться не навредить.

Да, наверное, это хлопотно
 То, что мы сохранить могли,
 Уезжая в поля безропотно,
 Восхищение ликом Земли.

Да, наверное, это искренне
 Если вдруг чужая беда
 Отмечается в сердце рисками
 Сквозь эфиры и провода.

Да, наверное, это правильно
 И безумствовать и любить.
 Соблюдая одно лишь правило:
 В душу близким не насорить.

1988. Казантин

Экспромт в инфарктном отделении

Помяните меня земли крымские,
 Хоть туманами, хоть дождем.
 Эпопеями Усть – Илимскими
 Мы давно уже не живем.

Помяните меня земли Севера,
 Хоть морозами, хоть пургой.
 Если раньше хоть в что-то верили,
 То теперь уже мир другой.

Тает звук гитарной струны.
 Окончательно все равны.
 И идем по этой равнине
 Не забыв еще той страны.

Той где поле не было горем,
 Где штормовки и бродни в ряд,
 Выставляя в палатках строем
 Не считая чинов и наград.

Приближаются те апрели,
 Где не будет сборов «в поля».
 Значит дни мои отлетели
 Мимолетно, как тополя

1997. Симферополь.

Вокзалы

Окошки выдачи разлук
 И приглашений на свиданья.
 К ним тянут деньги сотни рук
 Во исполненье обещанья.

Уйти, вернуться, воскресить
 Былые чувства и мгновенья.
 Кому прощенья попросить,
 Кому найти уединенье.

Бурлит судеб водоворот,
 Перроны встреч и расставанья.
 Их кто-то ждет, а кто не ждет
 В постылом зале ожиданья.
 Здесь смех и слезы не редки.
 Тоска и радость ходят рядом.
 И лишь одни проводники
 С устало равнодушным взглядом.

18.10.2008.

* * *

В каждом галсе крена, крена...
 Встать бы снова на ровный киль.
 А такая жизнь - на хрена?
 Выкинь парень её в утиль.

Где там скука, когда азарт
 Все подзуживает: Обгони!
 Если жизнь - это лишь фальстарт,
 То такую и не бери.

Все же хочется доказать
 Хоть себе, а хоть всем другим,
 Что умеешь ты побеждать.
 Что умеешь быть не таким.

Круче к жизни! Вишь – пронесло,
 Только нервы щекочет риск.
 Ну, а если не повезло –
 Подавай Севышнему Иск.

1999.

* * *

*Наветренный пролив
 И остров Гваделупа.
 А. Городницкий.*

Ты вовсе не погиб,
 Ты вовсе не устал,
 Перо и пистолет
 Надежно держат руки.

Победу нам сулит
 Магический кристалл,
 А, в случае чего,
 Возьмут нас на поруки.

Пусть черен горизонт
 И день такой настал,
 Что, кажется, пора
 Подумать о подмоге.
 Но посмотри еще
 В магический кристалл
 И снова ты в бою
 И поднят по тревоге.

Родится день другой,
 Исчезнут словеса –
 И будет жить страна
 Как прежде нам не снилось.
 И пена за кормой
 И в кубрике покой
 И на листе строка,
 Как сад в цветах открылась.

Давайте говорить,
 О том, что чудеса,
 Имеют место быть
 А мир ещё не понят.
 И надобно забыть
 Что эта полоса
 Зовет мечту любить,
 А смерть нас не догонит.

1999.

* * *

Круче к ветру. Судьбу не ищут.
 Эх не встать бы сейчас в левентик.
 Пусть в лицо мне все ветры свищут
 Если в спину – я не привык.

Эй, на шкотах! Вы что, заснули?
 Жизнь не сложишь без заковык.
 Пусть в лицо мне летят все пули.
 Если в спину – я не привык.

Что увижу я снова землю,
 Знаю точно из старых книг.
 Все упреки в лицо приемлю.
 Если в спину – я не привык.
 Парус белым крылом заслонит.
 В сжатом горле подавлен крик.
 Пусть навстречу мне солнце всходит.
 Если в спину – я не привык.

1999

Воспоминания о первой геологической практике.

(база Ленинградского университета в поселке Саблино).

Мы что-то не допили, не допели.
 Шумят над нами бронзовые сосны.
 Мы может быть, чего-то не успели
 На берегах забытой речки Тосны.

И вот теперь у желтого заката
 Оценены победы и потери.
 Профессия геолога – расплата,
 От первых дней студенческой артели.

Мы вывернули жизни наизнанку.
 Кому-то и покажется – так просто.
 Встают еще рассветы спозаранку
 Над речкою с простым названьем Тосно.

Работа в заполярье не подарок,
 Но мы тогда не ведали насколько.
 Слагалась жизнь из триумфальных арок,
 Кому-то и не столько и не только.

Мы верили, мечтали, мы любили.
 Мы искренне хотели в те апрели
 Романтики полярных экспедиций,
 Того, что все другие не сумели.

Прости нас строгий Питер. Где-то в море
 Качают нас другие бригантины
 Мы говорим: О темпоре, о море,
 У маяков, что оказались мнимы.

Забытый вальс студенческого детства,
 Как сладостны его шальные звуки.
 Но нам уже давно не отвертеться
 От искушений тягостных Науки.

Я не жалею. Пройденные весны –
 Прелюдия достойному финалу.
 А где-то у прекрасной речки Тосно
 Другие станут к нашему началу.

1998

* * *

*Придут другие времена...**Ю. Визбор*

Романтика отмерена рублем
 В тех строгих дозах, что необходима.
 Эмоции и дни проходят мимо,
 Не трогая не ныне, ни потом

Как скучно мы кончаем этот век,
 Восславив меркантильные заботы.
 Нас ни Байкал не манит, ни Певек
 Ни радость завершения работы.

Мир обретает грозные черты
 Бездушия и нового начала.
 Отхлынула назад волна мечты,
 Что раньше нас на палубах качала.

Все это так. Рисует прагматизм.
 Свои законы и свои картины.
 А мне, как прежде, дорог романтизм
 И паруса забытой бригантины.

1997

* * *

Мы сели только с пятого захода...
 Когда ещё так падали борты?
 И, вроде бы, приличная погода
 Но только не для этой полосы.

На ней и Смог, и свой туман морозный,
 Подходы лишь с восточной стороны.
 Построена была в период сложный
 Для нашей незадачливой страны.

Ну, так и что? А то, что хоронили
 Здесь каждый месяц наших корешей.
 Мы всё же сели. Сбегали. Налили.
 Но на душе не стало веселей.

24.01.66. г. Мирный. Якутия.

* * *

Виктору Юдину

Друг отправился черте куда –
 Поезда, самолеты, машины...
 На закате скатилась звезда
 За чужие для Крыма вершины.
 А у нас ослепляющий май,
 Отцветают в аллеях каштаны.
 Не меняй ты его не меняй
 На далекие южные страны.
 Может там хорошо, как в раю,
 Может, платят охальные бабки,
 Я за это тебя не корю,
 Лишь ворчу, как ворчали прабабки.
 Что посеяно, то и пожнешь.
 Что потеряно, то не найдется.
 Хорошо, если что-нибудь ждешь,
 Хорошо, если друг улыбнется.
 Время тянет незримую нить
 И грозит мне вот-вот оборваться.
 Нам скорее бы к месту доплыть
 И почаще за рюмкой встречаться.

23.06.2006. Симферополь

VI. Путевые заметки

Псков

*В память о многочисленных осадах города,
в том числе в 1581-82 годах Стефаном Баторием*

Тевтонский меч не лучше топора.

Опять набат зовет идти на стены.

Сегодня, точно также как вчера.

И нет убитым воинам замены.

О перси крома Псковского храни

В своей твердыне веру и отчаяние.

Далекие сигнальные огни

И тягостное битвы ожиданье.

Такая видно у тебя юдоль

Прошедших битв хранить на сердце шрамы

А по погибшим, приглушая боль

Звонят твои намоленные храмы.

Сентябрь 1976 г.

Ещё о Пскове

Обожженные порохом стены

История – всадник Апокалипсиса.

На морозном ветру зарево

Полотнищами дымными плещется.

Воронье не боится пушек –

Больно много здесь нынче падали.

Возносились в Валгаллу души

Там где ядра русские падали.

А еще топоры да плахи

От московских царей в избытке,

Уходили в скиты во страхе

От петли, навета и пытки.

У слиянья Псковы с Великой

Дремлют башни и стены крома.

В простоте славянского лика

Ни изъяна нет, ни урона.

Смотрят в Завиличье бойницы

Настороженными глазами.

Приходите сюда молиться

Об ушедшей Руси россияне.

Сентябрь 1976 г.

Изборск

*Из трех варягов: Рюрика, Синеуса, Трувора,
последний княжил в Изборске*

Как будто мы жили
И жили всегда,
У каменных стен
Где звенит тишина.
Трава – мурава
У Славянских ключей,
Незванных и званных
Встречала гостей.
Над нею гремел
Перезвон и набат
Над нею немел
Иноземный солдат.

Трава – мурава
У Славянских ключей –
Зеленое знамя
Над слоем костей.
Над знаменем славным
Святых этих мест –
Издrevле поставленный
Труворов крест.

Сентябрь 1976 г.

Мурманск

От самых Мурмашей,
Как горсть песка,
Поземка нам взашей
И даль близка.
Мелькнут не яркие огни,
Как звезд обман.
За поворотом корабли
И океан.
Здесь щит, поставленный навек,
Здесь наш форпост.
Сюда пришедший человек
Совсем не прост.

Гранита холод он впитал
И сопок синь.
Он наш полярный капитал,
Поди, осиль.

Попутчик сразу мне сказал,
Что замкнут круг.
Я оставался, Он же брал
Билет на юг.

1977 г. Мурманск.

Воркута

Ты видишь, Воркута уже не та,
Под прошлым подведенная черта.
Спроста все это, или неспроста,
Не понимаю, просто ничерта.
То было время ссылок и наград,
Никто ему особенно не рад,
Хотя и пели много лет подряд,
Про скорый поезд, шедший в Ленинград.
Ах, Воркута! Ох, Воркута! Эх, Воркута!
В последовательности вздохов – прямота.
Здесь есть и слепота и глухота.
Ну, приезжай.... А в трубке немота.

1978

Елабуга

Марине Цветаевой

Елабуга
Ела Буга.
Дуга – радуга,
Нет друга.
Елабуга
Ела время.
Жила с петлею.
На коленях.

Елабуга
Ела деву.
Что с Ладую –
Гвоздь в древо.

Елабуга
 Ела память.
 Ей нечего
 Нам оставить.

1960. август. Пристань Елабуги

Тикси

Посвящается борт-гидрологам полярной авиации.

*«Четвертый день пурга
 Качается над Диксоном...»
 песня «Морзянка»*

Диксон говорит, мол непогода,
 И циклон уносит на восток.
 Там у них давно такая мода
 Ничего не оставляют впрок.
 В Тикси тоже вроде бы не жарко
 И прижатый ветром на земле,
 Стынет ИЛ-14 с яркой
 Полосой на стареньком крыле.

То ли будет! Облачная пена
 Набирает темные цвета.
 И дрожит растяжками антенна,
 И собаки жмутся у крыльца.
 Есть РД с Большой Земли. Однако,
 На полет «добро» не выдают
 И ледовой кромкою распяты
 Корабли до Тики не дойдут..

Скинь унты и привались у печки.
 Отдыхай теперь бродяга впрок.
 Утешайся, что по-человечьи
 Сделал для проводки все, что мог.

1966 г. Якутия.

Кара-Даг

М. Волошину

Что говорил ты Максус?
 Он остался
 Возле тебя,
 Навек среди камней.

Безумный Сфинкс!
 В твой пьедестал впитался
 Соленый вкус
 От Тетиса морей.

Ты помнишь
 Времена гипербореев.
 Лишь избранным
 Из смертных говоря
 Свои загадки.
 В душах их посеяв
 Божественный огонь
 Небытия...

Ты видел все
 И мудрость неземную,
 Отобразил
 Беззвучным строем скал.
 И тишину.
 Я без тебя тоскую.
 Верни меня,
 Как Макса ты позвал.

Декабрь. Коктебель. 1995

Остров Врангеля

Остров Врангеля. Все не ново:
 Ледяные поля и снег.
 Ну скажи, на черта какого
 Забредает сюда человек?

Все ему, понимаешь, мало
 Островов, где тропический рай.
 Накачало ему, накачало,
 Заполярный увидеть край.

Ну, смотри же, чудак – так просто
 И ложись на обратный курс.
 А я думал – мечта, а не остров.
 Но сюда я еще вернусь.

На борту ИЛ-14 Полярной авиации. 1966 г.

Сыктывкарский синдром (экспромт).*Городу моих Друзей*

Серебристая нить
 Сысолы за бортом.
 Как его пережить
 Сыктывкарский синдром?

И понять и принять
 Эту белую ночь.
 Головы не терять,
 Другу срочно помочь.

Сыктывкар, Сыктывкар –
 Имя странно на слух.
 Я не молод, не стар,
 Для любимой не глух.

Город снов и надежд,
 Ты и ночью и днем,
 Мудрецов и невежд
 Сыктывкарский синдром.

Знаю не избежать
 Возвращений назад.
 Это наша печать
 Это рай наш и ад.

Сыктывкар, Сыктывкар
 В белом мареве вьюг...
 И любовь и кошмар,
 И разорванный круг.

1998 г.

Монастырь Сурб-Хач

Там бережет глухая ночь
 Покой колоколов.
 Туман рассветный, наволочь
 И свист перепелов.

Притвор оставленных шагов
 Во тьме молчит
 Увел отсюда крысолов
 Тех, кто не спит.
 Колеблет память огонек
 Святых лампад
 Ушедшим были невдомек
 Дни невтопад.
 Смерть торжествует, желт рассвет.
 В соцветьях трав.
 Искавших святость больше нет..
 И мир не прав.
 1986.

* * *

Я собирался ненадолго –
 На год, на два.
 Осталась за плечами Волга,
 Алдан, Амга...

Но только две реки из детства
 Как два крыла
 Как бы завещаны в наследство –
 Салгир, Нева.

Впадают в разные заливы,
 Да и в моря
 Они по-своему счастливы,
 Как счастлив я.

Двух берегов уже не мало
 Четыре – плен.
 Ине провиденье предлагало
 И пыль и плен.
 Тот плен души идет от Бога
 Плес, пережат.
 В воде бурлящего порога
 И рай и ад.

Четыре берега вобрали
 Весь лик Земли
 В конечном жизненном причале
 Они мои!

Март 1996. Симферополь.

Прага. Витражи

Полуправда – хуже лжи...
 И каждому отмерено,
 Что к сердцу вновь не приложить
 Во всемогущем времени.

И что суду не подлежит
 Земному и небесному.
 В дождях осенних витражи
 Горят мне вечной песнею.

Гремит аккорд цветных лучей,
 Что сквозь века несут
 Безумным праздником огней
 Грядущий Страшный Суд.

Сентябрь 1968 г. Собор святого Витта.

Дунайская Венеция

Алисе

Мне б хотелось тебе показать
 Будапешта красоты и Греции.
 Еще б стоило нам побывать
 В недалекой Дунайской Венеции.

Это Вилково – городок,
 Целиком состоит из каналов.
 Или может Дунайских проток –
 Им едва ли найдется аналог.

Тротуаров там нет – вдоль домов
 Две жердины висят над водою.
 Городок - из причудливых снов,
 С необычной и трудной судьбою.

По утрам там поют петухи,
Люд встает на работу с зарею.
И достоинства местной ухи
Оценить нам придется с тобою.

Покачать на Дунайской волне
Свои грешные души и тело.
Там экзотики этой вполне
Нам хватило б, и не надоело.

В общем, тихий такой городок
В дельте мощной Дунайской трапеции.
Я б вернулся туда, если смог,
К этой самой Дунайской Венеции.

Сентябрь 1998 г. Измаил – Рени – Вилково – Одесса.

VII. Стихи о России

Память

*«Пальнем ка пулей в Святую Русь
В кондовую, в избяную, в толстозадую»*

А. Блок. Двенадцать

Карая памятью народ задуренный,
Не оглянись, не зови усладою,
Пальнем ка пулей в Святую Русь
В кондовую, толстозадую.
 Кто понимал, кто не хотел.
 Этот устал, этот запел.
 Этот учел, этот удрал.
 Улица – вой, в шахте – завал.
Вер Кавалер – гнута спина,
Стой старовер – это спьяна.
Все пути – ветрами трогая,
Русь ты моя – не молчи недотрогою.
 Мы не стрельцы,
 Но плах – площадь полна.
 Эй, подноси, огольцы
 Штоф зелена вина.
Выше топор возноси
Публику радуя,
Да не робей, пальни
В Русь толстозадую.
 Вон пронеслась картечь
 Вдоль по Сенатской –
 Правдою той, сиречь
 Кривдою нахлебаться.
Ну ка еще пальни
В белый парламент.
Матушка Русь, внемли!
А как же память?
 Бунт – порождает бунт,
 Пламя пожарищ.
 Это последний пункт
 И господин и товарищ.

И не опомнится нам,
 Не отвертеться.
 Где у нас тот сезам
 Выйти из детства.

Октябрь 1993 г.

Русь

С выплуканными глазами
 В истоках великих рек
 Молится пред образами
 Русь моя целый век.

Глянь, что Валдай, что Вологда
 В гроздьях красных рябин....
 Но для меня ты молода
 Даже в снегах седин.

Каликой перехожею
 Мне б по тебе ходить
 Ни на кого не похожую
 Мне бы тебя любить.

Только вот ветер осени
 Словно сухой листок
 Мчит меня в неба просини
 К югу и на восток.

И уж к тебе обратно я,
 Видно не доберусь.
 Что за судьба превратная,
 Матушка Русь.

Симферополь, декабрь 1999.

* * *

«У меня есть один Бог – Россия». В. Пикуль. Моонзунд.

Не надо, не надо, не надо
 Речей, монументов и слез.
 Уходим с лихого парада
 Под белые свечи берез.

И будут рассветы другие,
 И будут цветы на ветру...
 Возьмите на память Россию
 На каждого только одну!

Не надо, не надо, не надо
На память останетесь ВЫ.
Все вместе богатства земные
Без Вас никому не нужны.
И это совсем не бравада
И только одно я прошу:
Возьмите на память Россию
На каждого только одну!
1970

О России

Сгорит ли Мир в безумстве новой бойни,
Иль разум победит на всей Земле –
Но будем мы истории достойны.
Мы, русские, платящие вдвойне.

Бездарные правленья, голод, смуты.
И страшной кровью каждую войну,
Проходим. За победные минуты,
Платя двойную каждый раз цену.

И мы – полурабы своей свободы,
Полутюрьму и рабство понося.
Пойдем на бой, на смерть, в огонь и воды,
Российское величие храня.

21 ноября 1981. Москва – Симферополь.

VIII. Простые истории в стиле баллад.

Помбур

Жизнь – сплошной Каламбур.

В поле время – в обрез.

Этот парень помбур

Перманентно не трезв.

Вахта пашет всерьез,

А его не ищи.

Сладко спал и не мерз

Ел вчерашние щи.

И нелепо погиб,

Угодив в полынью.

Мастер выдал «загиб».

Я – заначку свою.

Он не друг и не брат,

Но обидно до слез:

Почему не напряг

С уменьшением доз.

И ругал просто так,

И не ставил ни в грош.

Вроде я виноват,

А его не вернешь.

Якутия 1966.

Пилот Володя.

В пилотской – колотун или жара.

В столовке – опостылевший обед.

Нелетная – нелегкая пора,

А в минус шестьдесят, так просто бред.

Все надоело, спирт и преферанс.

Пилот Володя веровал в одно:

Что если в карты не уловит шанс,

То в небе не упустит он его.

В соседней койке вечно он зевал,

Прикидывая ночи напролет,

Как бы пополнить скудный капитал

И выполнить положенный налет.

В полярной авиации не счесть
 Не писанных параграфов, примет.
 Обычно люди тратят все что есть
 А если денег нет, то, значит, нет.
 Вдруг распогодило. Простились мы легко.
 Ледовая разведка – это мне.
 Ему досталась почта, где легко
 На МИ-1 поправить реноме.
 Его нашли весной. Как злую весть
 Вершина сопки приняла удар.
 А было ему ровно двадцать шесть
 По нашему, совсем еще не стар.
 С тех пор минуло три десятка лет.
 И все равно, он словно бы живой
 Последний посылает мне привет
 У вертолета поднятой рукой.

г. Мирный 1966 – Симферополь 1996.

Ночной гость

Ко мне пришел он с рюкзаком
 Однажды ночью
 Хоть был со мной едва знаком
 И то заочно.
 Он здесь проездом, в первый раз
 В командировке.
 К тому же я живу как раз
 У остановки.
 Я помню: долго пили чай,
 В окно курили...
 Потом, как будто невзначай
 Заговорили.
 Он мне поведал о себе
 Довольно скупо.
 Какая жизнь там, вдалеке
 И как наука.
 Что изучал. Что проходил
 И лед и пламень.
 А на прощанье подарил
 Мне странный камень

Под цвет взметнувшейся волны,
 Бегущей в море,
 Достав его из-под полы
 При разговоре.

Минули годы, Я узнал
 Он стал известен.
 Он где-то Что-то защищал
 На новом месте.

Потом уехал за рубеж
 Не в США, в Канаду.
 Коттедж имеет цвета беж
 Три года кряду.

И вдруг, как будто бы мельком,
 В конверте синем,
 Шлет поздравленья с Рождеством
 Гуляя в Риме.

И пишет: стала жизнь пуста,
 Все надоело.
 Но начинать ее с листа
 Уже не дело.

Что он меня благодарит
 За ночь на кухне,
 За чай, который не горчит,
 Огонь не тухнет.

Что умирать ему теперь
 Уже не дома.

А ностальгия верь, не верь,
 Вполне весома.

Тот образец, что подарил,
 Он помнит тоже,
 Но после этого не жил
 Полней и строже.

И коль его не исключать,
 Знакомство наше –
 То больше некому писать
 Письмо на рашен.

Где мне теперь его искать
 В бурлящем мире?
 Но дома ждет его кровать
 В моей квартире.

Ленинград, 1980 г.

IX. Шутливые строчки

К эпиграфу А.С. Грина

*«О Дезирада! Как мало мы обрадовались тебе, когда из моря
Встали твои склоны, поросшие менценоловыми лесами.»*

Теперь уж вовсе все равно,

Созвездья юга, севера.

Пьем водку, ром или вино,

В что верили, не верили.

По курсу выросла земля

С названьем Дезирада.

И вся команда корабля

Была отнюдь не рада.

Нас менценоловых лесов

Не волновали прелести.

Земля без времени, без снов,

В богопротивной ереси.

Зачем эпиграфам таким

«Обрадовал» Степаныч?

Ведь это значит просто в дым

И, к сожаленью, на ночь

Что б очутиться не Гель-Гью,

Не в шумном Зурбагане.

А в той же Мальцевской к утру

Роскошной старой бане.

И отправлялись мы туда

Чуть раньше или позже.

Зачем, Степаныч, ты тогда

Не взял эпиграф строже?

Отмена командировки

Вот, спеть бы им сейчас эпиталаму!

Богине Встреч и Богу Возвращений,

Когда, лишась иллюзий и сомнений,

Свои билеты добавляю к хламу.

И падая в привычную кровать

В лавину снов и полуночных бдений,

Хранительницу дум и настроений,

Я буду рад еще раз помечтать.

О том, что где-то некая страна
 Лежит в кругу волшебных превращений,
 Где люди ждут лишь добрых сообщений,
 Где радость не исчерпана до дна.

Там сладко жить, вкушая добродетель,
 Не ведая пороков, прегрешений.

Но сон и явь не терпят совмещений:

Кровать моя тому немой свидетель.

Мети песок по древнему Эламу,
 Струись река по профилю смещений,
 Пусть тот, кто жаждет острых ощущений
 Другим богам поет эпиталаму!

Май, 1998.

Дополнение к «Расписанию» Евгения Рейна.

Закрой глаза и одинаково
 Стучат колеса электричек –
 В Белоостров, или Песочную,
 В Севастополь, или Джанкой
 Но для каждого время знаково,
 В одурении обезличек,
 Протекает водой проточной,
 И Господь его упокой.

Расписание устаревшее,
 В большинстве отправлений – прочерки,
 Если к Господу, то вне очереди,
 В кассе нет никаких проблем.

А коль правила не обоснованы,
 То сиденья не нумерованы.

Мы комфортом не избалованы –
 Ни к чему он, да и зачем?

Отчуждение – расстоянием,
 Отлучение – расставанием.
 Помяните нас всех вставанием,
 Портвешком, пирожком, халвой.
 В ожидании электричек,
 Исключайте модных певичек,
 Не имейте дурных привычек
 Останавливаться на одной.

Декабрь 1997 г.

Проснись в Фамагусте

*По поводу фантастической
«Страшилки» Е. Парнова.*

Когда вам постель говорит о Прокрусте,
Тревожные сны навевает незримо,
А ночь на кофейной отравленной гуще
Гадает.

Оставь в заповедной и сумрачной пуще
Неясные страхи.

Проснись в Фамагусте.
Светает.

Чей шепот услышан в хоральном стоустье,
Чьи демоны в плоти, чей голос витает,
Чью память орехом расколотым луцат?
А жизнь догорает.

То голос безумия. Хуже ли, лучше –
Все сгнуло в прахе.

Проснись в Фамагусте.
Светает.

* * *

Королевству Непал

И не палец, и не палка
И не то и не другое.
Оттого их очень жалко.
Оттого мне нет покоя.

Все мне видятся непальцы,
Непаленки и непалки.
А под боком есть китайцы,
Тайцы, зайцы и мочалки.

Все вокруг на самом деле,
Да и всегда готовы
Доказать в любой постели
Что не пальцами здоровы.

Морская геология.

Ну, она всегда такая –
 Геология морская,
 Тут кому как повезет.
 Кто на палубе ишачит,
 Кто на пляже дни батрачит,
 Кто в круизы попадет.

Шанс примерно одинаков:
 В ПОА – зришь в иллюминатор,
 А прибрежной полосе –
 Через маску – как в пенсне.

Что за доля, если годы
 Ждешь у моряшка погоды.
 Чайки бродят по песку –
 Моряку сулят тоску.

Шторм ли, зыбь у океана –
 Вся команда вдребезг пьяна.
 Штиль – работа и работа
 До семнадцатого пота.

Акваланг набит сверх меры,
 Водолазные химеры.
 Нож, мешочки пояса,
 Невезенья полоса.

Дни прессуются в минуты
 И в подводные маршруты.
 Под водой жизнь коротка
 Эх, доплыть бы до буйка.

Ну, она всегда такая –
 Геология морская.
 То работа, то загул,
 Лишь бы кто не утонул.

Не порвал в подъеме уши,
 Баротравмочку не скушал,
 Не уделался о борт
 И живой вернулся в порт.

В остальном же все как в песне,
 Напиши отчет, хоть тресни.
 Поброди меж изобат
 И считай, что ты богат.

Март 2008 Геленджик

Виллюй ГЭС строй.

В 1965 г Канада согласилась продавать СССР зерно только за алмазы. Виллюйская ГЭС, первая в мире ГЭС на вечной мерзлоте, строилась для обеспечения энергией обогатительных фабрик. Когда зашкаливало за -55°, дни актировались. Как участник стройки свидетельствую.

Когда мороз под пятьдесят,
То при народе
Интеллигенты говорят
Прохладно вроде.

А посетивши туалет
Из трех дощечек,
Что отопреют, а что нет
У теплых печек.

И этот факт никак не скрыть,
Печальна повесть.

А запретить туда ходить
Мешает совесть.

А работяги нам в ответ
Все кроют матом.
При этом помянув весь свет
И мирный атом.

Что если градусов пять – шесть
Еще натянет,
То им опять не пить не есть –
Работа станет.

И вся великая страна
Враз станет раком,
Поскольку нам из за бугра
Ответят: маком!

На хлеб хоть карточки вводить,
А хошь – таблички.

Но им важнее сохранить
Свои яички.

Якутский климат не по мне.
Всем жить бы в Сочи.
Аборигенам он вполне.
А нам не очень.

Так, в переполненном балке
 Народ базарил.
 Я юность в этом бардаке
 Свою оставил...

Но не жалею, не тужу
 Хоть было лихо.
 По бабам, все же, я хожу,
 Но только тихо.

Якутия 1965 – Ленинград 1970

* * *

Ну не растёт осина в Палестине!
 За что ж её так оболгал народ?
 И вовсе не на ней, не на осине,
 Повелся тогда Искарот.

Ну почему, обидней не бывает,
 Коль обзовут кого-нибудь козел.
 А то, что животину обижают,
 Задуматься о том никто не счел.

Или когда кого-то злобно хаот,
 То говорят, что имярек свинья.
 При этом однозначно забывают,
 Что жрет свинину каждая семья.

А тот мол, сукин сын, собака,
 А тот – упрямец, истинный осёл.
 Имейте совесть, господа, однако
 Не портите божественный глагол.

Оговорили этих бессловесных.
 Создал их Бог, такие они есть.
 И некому противу слов нечестных
 Вступить за поруганную честь.

Никто не пострадал за злоязычье.
 Кому ещё, как им, не повезет?
 А я бы, невзирая на обличье,
 Клеветников тащил на эшафот.

И там лупил по попе батогами,
 Публично, чтоб позор уже не смыть.
 Чтоб неповадно. Чтобы знали сами
 Нельзя безвинных попусту чернить.

28.06.2009.

Полина

Полина. Пол ина.

Всего половина

Какого то ина.

Но Целая ина

Другая картина.

Она – целина.

Февраль 2008.

* * *

Немного печали,
 Чуть больше надежд
 Колеса стучали
 Для умных, невежд.
 Везли помидоры
 И слезы любви
 И все уезжали,
 И ждать не могли.

Немного печали
 Чуть больше надежд
 И в путь провожали
 Не ворох одежд,
 А то, что словами
 Нельзя передать,
 Нельзя обозначить,
 Нельзя забывать.

Сентябрь 1969

* * *

Хорошо устроились попы –
Все-то им и ясно и понятно,
Потому, что там, на небеси
Их дела решаются приватно.

Гладит их житуха или бьет,
Подводя к последнему порогу,
Поп спокойно все переживет:
Значит, так угодно было Богу.

Все мы виноваты перед ним,
Все до одного грешны с рожденья,
После смерти избранным (святым)
Может отломиться утешенье.

Только после смерти. Ну, а до?
До того прописано терпенье.
Даже если очень припекло
Пой ему хвалу до опупенья.

Хорошо устроились попы.
Но попы не мы. Мы не попы.
А за что страдают наши по'пы
Объяснят доходчиво попы.

14.01.07.

Х. Посвящения, поздравления, завещание

Тане

Приду я греться к твоим кострам,
В твой снега я лицом паду.
И будут искры светить, кружа,
И будут губы шептать в бреду.

И будет песни твоей намек.
И будет горечь дымка в словах.
И будет утром гореть восток
Над серым пеплом на головнях.

1966 г. Якутия

Маленькая ода Евгению Ефимовичу Марценюку

в день 60-летия

Что мне сказать тебе Евгений?
Впервые с именем таким
Явился ИМР-у добрый гений
Пью за него и вместе с ним.

А юбилей, как четкий повод
Давно используют затем,
Для сочинения хваленых
Стихов, а также од, поэм.

Но как с Державиным тягаться
Гаврила в этом был мастак,
Ты можешь вволю посмеяться
Коль все окажется не так.

Все ж буду краток. Накачало
Тебе уже не мало лет,
Побед одержано не мало
И много съедено котлет.

Заслуга главная не в этом,
А в том, что в сей жестокий век
Ты был в душе всегда поэтом
И носишь имя Человек.

Знай, первая большая буква
Дороже званий и наград
В ней все сложилось совокупно
И за тебя я горд и рад.

В чем заключается твой гений -
 Почти всегда – навеселе,
 Ты чужд минорных настроений
 И знаешь истина в вине.

Богат семьею и друзьями
 И неизменен в доброте
 За правду ляжешь ты костями
 И сам не прост ты в простоте.

Что пожелать тебе Евгений?
 Здоровья, счастья рыбака
 И долгих лет без злоключений
 И вот тебе моя рука!

18 июля 2002 г.

Алексее Ивлеву

*Когда нам сильно не везет
 Хоть вой, хоть ахай,
 Мы выпиваем коньячок
 И шлем всех на*

Фольклер

Будь здоров, дружище Алексей
 На сотню лет.
 Чтоб жизнь казалась веселей –
 Пей наш «привет».

Согрей в ладонях малыша,
 Чуть подыши,
 Он выбирался не спеша
 От всей души.

Он Крымским воздухом вспоен,
 Водой, землей,
 Не хуже, чем «Наполеон»,
 В добавок свой.

Потом еще чуть - чуть добавь,
 Но не греши.
 Коль не понравится – оставь
 И не взыщи.

Его бы «усидеть» втроем
 В Крыму иль Коми.
 И чтобы Мир царил кругом
 И в нашем доме.

Июль 2007 г. Симферополь.

Поздравление с Новым 2010 Годом

Моим друзьям и коллегам

Нас ни о чем не спрашивает время.
 Неумолимо тикают часы.
 Оно воспринимается как бремя
 Теперь, когда становимся стары.

Те давние, лихие передряги
 Аукаются ныне по ночам.
 А мы с тобой, как истые трудяги
 Завидуем элитным рысакам.

Мы не хотим копить свои болячки,
 Инфаркты, выставляя напоказ.
 Решаем сами сложные задачки,
 А мишуру спускаем в унитаз.

И правильно. Живем, как прежде жили.
 Другая жизнь нам вовсе не нужна.
 И свой коньяк ещё мы не допили.
 И наша мысль по-прежнему важна.

Как говорят в народе – «Не дождетесь!»
 Пока живем - работаем, творим.
 Ну, с Новым Годом! Знаю, улыбнетесь
 И выпьете за наш прекрасный Крым.

29.12.2009. Симферополь.

Виктору Юдину - 50.

Что сказать тебе? Без перил
 Эта лестница наших лет.
 Где-то что-то, да натворил,
 Где-то взял в никуда билет.

Пятьдесят – далеко не предел,
 Хоть и памятный Рубикон
 Посчитай, что это задел.
 Посчитай, что это закон.

Будто бы на душе печать,
 До полсотни, а это – за,
 Вот тому-то пора начать,
 А вот этому – за глаза.

Но при всем, при том – не грустить,
 Не печалиться, не стареть,
 По земле не склоняясь ходить
 И хорошие песни петь.

Что сказать тебе? Юбилей –
 Это только большой вопрос.
 Ни о чем, старина, не жалею –
 Что-то кончилось и началось.

1997. 4 сентября. Симферополь.

В. Юдину в день рождения.

Во глубине судебных пут
 Храни ты гордое терпенье.
 Тебя, надеюсь, не сожрут,
 Ведь смехотворно обвиненье.

Получат язву стукачи,
 Невыездные дни отменяют,
 Вернут нетленку палачи,
 Изображая сожаленье.

Я верю – этот день придет
 Навады подлые растают
 И пусть собаки злобно лают,
 Но караван таки идет!

4.09 2011 г. Симферополь.

Другу, вернувшемуся с севера.*В. Юдину*

Дорогой мой! С возвращением тебя!

С наших незабытых северов.

Как, горит еще полярная звезда?

Да горит она, горит на сто пудов!

 Как друзья? Еще по-прежнему друзья?

 Да нормально. Только нет уже иных.

 Забывать о них, конечно же, нельзя,

 Слишком поздно находить себе других.

Как враги? Они по-прежнему враги?

Ну конечно! Ведь без них не обойтись.

Да, такие вот имеем пироги,

Не сойтись нам с ними и не разойтись.

 Ты поймешь. Как не поймет никто другой.

 Кое-что набедокурить мы смогли.

 Я вчера коснулся прошлого рукой.

 Видел отблески костров, что мы сожгли.

Помешал с весельем грусть напополам,

Ощутил под самым сердцем холодок.

Нашу юность узнаю я по шагам.

Так случилось. До свиданья Северок.

20.04.2009. Симферополь.

Новогоднее.*Александру Прусову*

Что пожелать тебе, мой друг?

Была б работа и досуг.

Хотя, последний и не важен.

 Куда важней надежный круг,

 Чтоб отказаться от услуг

 Врачей. И мы друг другу скажем:

Ну, с Новым Годом!

Не жалею коньячных капель

Мимоходом.

 Теоретическим подходом

 Мы субмарины победим

 С тобой вдвоем, а не с народом.

Ведь мы еще не так стары
И не настолько же больны,
Чтобы заниматься огородом.

В науке, что-то мы смогли.
Да и сейчас еще не вечер:
Эол пошлет попутный ветер
И выйдут в море корабли.

31.12.2011 Симферополь

Любе

О старость, это перебор
Болячек, немощи и злости.
Вблизи кладбищенский забор
Где закопают мои кости.

Пусть это все невдалеке,
Но ведь пока еще мы живы:
В обед гуляем налегке
И любим старые мотивы.

И я хочу сказать ещё,
Что не останется в забвенье
Как Ты подставила плечо
В моем отчаянном положении.

Прости за всё! За все слова,
Что были сказаны в запале.
Не все закончены дела,
Не все отринуты печали.

Пусть Новый Год Нам принесет
Как можно меньше огорчений!
Господь от недугов спасет,
От бед и прочих потрясений.

За дней неспешным хороводом
Мы проживем его без слез.
А ныне, Люба С Новым Годом!
Сказал бы Дедушка Мороз!

31. 12. 2011. Симферополь.

Коту Баське

Товарищ Кот!
Прижмурьте левый глаз.
А хвост держите строго вертикально.
И будет жизнь кошачья в самый раз.
И с кошками сравнительно нормально.

Товарищ Кот!
Ты трескать не дурак.
Все норовишь забраться на колени.
Лишь жаль, что не избавишься никак
От блох и от своей врожденной лени.

Товарищ Кот!
Гуляйте до утра.
По всем окрестным крышам и помойкам,
Ведь ночь такая славная пора
Задать другим котам головомоюку.

Товарищ Кот!
Но помните одно,
Хозяин твой кормилец и спаситель.
И посему кошачье говно
Пожалуйста, в песочницу кладите.

Люде

Что хорошо, что вовсе плохо -
То знает только Бог отец.
У каждого своя Голгофа
И свой шипованный венец.

Свои печали и заботы.
И боль своя, чужой больней.
Но наши прошлые субботы
Остались в памяти моей.

Проткнули небо минареты
И золотые купола.
На жребий падали монеты,
А наша - на ребро легла.

И наши светлые минуты
Все оказались не просты -
По жизни разные каюты,
По смерти разные кресты.

Пусть жизнь не мед, а горстка соли.
Прошла сквозь пальцы, как песок.
Мы от своей счастливой доли
Чуть-чуть оттяпали кусок.

Совсем чуть-чуть. Но нам хватило.
Хоть мы не ведали тогда:
За все, что небо нам ссудило
Расплата будет жестока.

31 декабря 2008 г.

Виктору

Приходят юбилеи не спросясь,
Неважно: дома пашешь ты, иль в поле
Ты отмечал согласно общей доле
Ты разно, от забот отгородясь.
И, если геологии судьба
Тебя за рюмкой сильно волновала,
То это значит, что она полна
И жизнь не надо начинать сначала.
Нас вряд-ли с похмельюги будут петь.
Труды в конце концов съедают мыши.
Но не работать – значит не гореть,
И голос твой пусть дольше будет слышан.
Прекрасно, если где-нибудь друзья,
Налив спиртяги в кружки, оглянутся,
И скажут: дальше так нельзя,
Пора б сюда и Юдину вернуться.

И помянут за то, что был и есть,
 И, что весьма полезен в нашем деле.
 Дай Бог тебе, какой он ни наесть,
 Удачи и здоровья в брэнном теле.
 Свершить все, что задумал до конца
 Не ставить точку в поисках, в азарте.
 И может быть на новой Крымской карте
 Еще напишут наши имена.

Людмиле.

Мы не можем смириться,
 Что с уходом друзей
 Так же петь будут птицы
 Будет звонок ручей.
 Будут ночи пустые
 Без звонка и речей.
 Будут лица чужие
 И тоска все сильней.
 Не спасешься в стакане
 Не заметишь беды.
 Исполненье желаний –
 Вновь воскресшие Вы.
 Справедливость не свойственна
 Миру людей.
 С каждым годом настойчивей
 Не хватает друзей.
 Дефицит неизбежности –
 Посмотри мне в глаза:
 Даже капелька нежности
 Как в пустыне гроза
 30 августа 1995 г. Симферополь

Алексею Короткову

Как было здорово на Беринга
 У Алексея Короткова,
 Мы дружно не сбивались с пеленга,
 И все считали – что такого?

Чекушки шли под разговоры,
 Последние, как объявлял хозяин.
 И были пляски, были споры.
 И свежий чай всегда заварен.
 Какие годы не ценили!
 Какие песни проморгали!
 Хоть водку все-таки допили
 И прежний пыл не растеряли.
 Иные где? Уже далече,
 Нашли себе судьбу иную.
 А я почти что каждый вечер
 О дальнем Беринге тоскую.
 Сквозь годы и завал работы
 Все вспоминаю, вспоминаю
 И вкус божественной субботы
 И вкус божественного чая.

23.07.1996. Симферополь – СПб ул. Беринга

Редакционному совету

*К выходу пятого литературного
альманаха
Института Геологии Коми НЦ
УРО РАН*

У нас, коллеги, нынче юбилей.
 И этот юбилей – литературный.
 Кто говорит, что мы писали дурно?
 Лишь тот, кто наших не видал полей.
 Скажу Вам по секрету: без души
 Труды и в геологии убоги.
 Геологов не только кормят ноги
 Но и стихи, рожденные в тиши.
 Спасибо Вам, за то, что Вы зажгли
 «Звезды Полярной» самый первый сборник,
 За то, что строф не чистили как дворник,
 За то, что Вы хотели и смогли.
 Спасибо тем, кто помогал, чем мог,
 Кто разделял заботы и тревоги,
 Готовя праздник от немногих – многим,
 Романтикам нехоженых дорог...

1998. Симферополь.

А.А. Беляеву и А.А. Иевлеву

Приемля и поэзию и прозу
 Вы создали такой конгломерат,
 Что всем друзьям, уставшим от мороза,
 Теплом дохнуло в зимний снегопад.
 Да, ваша мысль ни с чем не примерилась,
 И скептикам науки вопреки,
 В профессии не впали Вы в немилость
 В полях кропали новые стихи.
 Вполне понятно старое желанье:
 Скрестить коня и трепетную лань
 Но для того и создано призванье,
 Дан молоток в мозолистую длань.
 У Вас, друзья, отлично получилось,
 Вы, явно, поработали не зря.
 И что бы дальше с Вами не случилось,
 Я верю: будет новая строфа...

1998. Симферополь.

Елене Гелиевне к юбилею.

Дорогая ты наша Елена!
 Нам хотелось тебя повстречать,
 Когда в ВУЗе, увы, от полена
 Обучали разрез отличать.
 Мы заложники вечного плена –
 Время мчится вперед, а не вспять.
 Но с тех пор научилась Елена
 Все задачи на «компе» решать.
 Зреют в бочках прекрасные вина.
 Как уменьье твое – не отнять!
 Да к тому же прекрасного сына
 Ты сумела еще воспитать.
 Что желать тебе, солнышко, Лена?
 Оставайся такою, как есть.
 Чтоб решалась любая проблема.
 И плохая не тронула весть.

Чтобы не было сплина и крена.
 Чтоб здоровьишко было о'кей.
 Оставайся такой же Елена
 Для людей, для коллег и друзей.

В. Юдину к полевому сезону
 Расстаться с другом на сезон
 Обидно, право!
 Но есть в работе свой резон
 И есть отрава.

Отрава каторги полей,
 Костров, палаток.
 Идей рожденья и статей,
 В чем ты, брат, хваток.

А коли так, то не ропщи,
 Что в круговерти
 Несешься камнем из пращи
 До самой смерти.

Но если честно говорить –
 Другой не просим.
 Нам можно только погрустить
 Что возраст – осень.

А потому – удач тебе,
 Скажу лишь взглядом.
 Хочу в той дальней стороне
 С тобой быть рядом.

9.03.2004. Симферополь

Тост ко дню геолога

(стенгазета)

Господа геологи, виват!
 Ваши перья – летопись планеты,
 Заполняют много лет подряд.
 Вы и работяги, и поэты.
 Господа геологи, Виват!

Коллективный Пимен каждой строчкой
 Оживляет древние пласты.
 И еще его последней точкой
 Рукописи не завершены.
 Прошлое воскреснет в настоящем.
 До сверхновой надо бы успеть.
 Расстараться творческим причастьем,
 Долюбить, допьянствовать, допеть.
 Господа геологи виват!
 Поднимите кружки за науку,
 За удачу, за любовь, за муку...
 Господа геологи, виват!

1997. Симферополь

В День Геолога

Весна! Геолог торжествуя
 В свой праздник принимает чуть.
 Его желудок, спирт почуя,
 Закуску варит как-нибудь.
 Пусть язва ноет и суставы,
 Опять грызет хребет радикулит.
 Плевать ему сейчас на переправы.
 Рюкзак его совсем не тяготит.
 Друзья мои! Профессия прекрасна.
 Издержки начинаются потом.
 Я вас люблю! Погода нынче ясна,
 Но мы в маршрут сегодня не пойдём!
 Мы соберемся, выпьем рюмку чаю.
 И вспомним всех, ушедших и живых.
 От всей души коллег я поздравляю,
 Все тосты исключительно за них!

2008. Симферополь

Саше Беляеву

Тебе, брат, вечно недосуг,
 Но, все же, славно
 Знать, что живет на свете друг
 И Ярославна.

Она поплачет и простит,
 Руки коснется...
 А друг немного поворчит
 И улыбнется.

И эту малость не купить,
 Как счастье в доме.
 А лишь бесплатно получить
 В Крыму и в Коми.

И если трезво оценить –
 Тебе фартило.
 А это повод не грустить
 И выпить пива.

Май 2000. Симферополь

Памяти Саши Беляева

Та весть по сердцу, словно плуг
 Прошла коряво.
 Был у меня хороший друг,
 Теперь не стало.
 И бьёт то горе невпопад,
 Наотмашь, справа.
 В Крыму и в Коми снегопад,
 Как черный траур.
 Ты был мне друг, ты был мне брат,
 И с первой встречи
 Я стал душевнее богат
 И человечней.
 Я боль потери ощутил,
 Как на войне.
 Мне ненавистно слово был
 Теперь вдвойне.

27 апреля 2004 г Симферополь

К юбилею-90 академика РАН, В.Е. Хаина

Строительство придумала природа
И чтоб возникла прочная кора,
Планетой была создана порода
И ранее - архейская пора.

На ней уже возникли океаны
И начали свой дрейф материки,
А желоба и горы словно шрамы
Возникли на поверхности Земли.

Известно, что тектоника – основа
Всех дисциплин про гео- и вокруг,
А в ней всегда весомым было слово
Российской Академии наук.

Ну, скажем так, описан лик планеты,
В котором Зюсс, как юный Рафаэль,
Дотошно рисовал её приметы,
В штрихах, предпочитая акварель.

Потом за дело взялся Виктор Хаин
И маслом нанеся свои мазки,
Изобразил, до самых до окраин,
Другую геологию Земли.

Пусть два портрета в памяти науки
Живут самостоятельной судьбой,
И Ваше дело продолжают внуки,
Мечтая написать портретик свой.

22 февраля 2004 г.

В. В. Юдину по случаю присуждения премии АРК

Ну, что ж, дружище, ты по праву
Все получил. Добился. Смог.
А коль кому то не по нраву,
Тот просто кирзовый сапог.

Все описать, конечно, можно.
Трудней втемяшить дураку,
Что Крым построен очень сложно:
Приплыл террейн к материку.

В нем есть меланжи и сутуры,
 Олистоостромы и поп ап.
 И все творения натуры
 Возникли в ней не просто так.
 За 20 лет Родному краю
 Ты много дал. И я сейчас
 Тебя сердечно поздравляю,
 А, впрочем, и обоих нас.

19.01.2013 г. Симферополь

Поздравление с совершеннолетием Н.В. Беляевой

Мы называем ее – наша,
 Куда ни глянь, куда ни кинь.
 Ведь ты, Беляева Наташа,-
 Звезда среди геологинь!
 Звезде и юной и почтенной,
 Ни в чём не знающей преград,
 Дай Бог тебе блага Вселенной
 И всех заслуженных наград.
 Простого Счастья. Мира в доме.
 Здоровья. И друзей тепло.
 И все, что ты захочешь кроме.
 И чтоб во всем тебе везло.
 Привет и в щечку - поцелуй,
 Вдали от Крыма - не тоскуй.
 Пусть в этот славный юбилей
 Бокал твой будет попопней.

Тост на встрече с ветеранами войны

Друзья мои!
 Я не погиб
 Ни до, ни после
 Минувшей той
 Злопамятной войны.
 И не мои разбросанные кости
 Отбеливают ветры и дожди.
 Но память вдруг
 Вернет то звук, то краски.
 Забытых лиц мундиры, ордена.

Привычку говорить
И жить с опаской,
Которая отчаяньем рождена.

Я помню лишь одно,
Что было детство,
Узнавшее бомбежки и стрельбу,
Болезни и одну мечту – наесться.
И долго, долго
Слушать тишину.

Я помню
Эшелон под Будапештом,
Мгновенно обжигающую боль.
Отрывочно, конечно, буду честным.
И то, что в чай
Мне положили соль.

К чему бы все?
Наверно к юбилею.
Причем тут соль?
Её полно сейчас.
Разговорился. Очень сожалею.
Но тост хочу поднять сейчас за Вас!

Людмиле

Терпение – из лучшей добродетели,
Конечно, Вы случайно не заметили,
В подвижничестве тоже есть свидетели,
Советчики, как лучше нам прожить.

Не важно, постарели ли апрели.
Не этого завистники хотели ли?
А что дорог немало мы намеряли,
Так это не избыть и не забыть.

В январской завывающей метели ли,
В событиях, что дружно нас метелили,
Прокладывая тропы ли, тоннели ли
Старались не казаться мы, а быть.

Не спрашивай, допили ли, допели ли
Но эти “ли”. Я превращаю в лю!

Симферополь

Дмитрию Ремизову

Сулят картишки: в дальнюю дорогу,
 Меня наверно вскорости пошлют...
 А я и так, готовясь понемногу,
 Собрал рюкзак за несколько минут.

Чего гадать? Отчалю завтра в поле.
 Вот только бы завелся вездеход.
 Всю зиму он томился на приколе,
 Все ждал, когда начнется ледоход.

Как перелетной птице мне не надо
 Посадочных площадок и огней.
 Пришла пора и вместо снегопада
 Теперь погодой правит Водолей.

Оставь тоску, ей в рюкзаке не место.
 На посошок - по рюмке коньяка.
 Хорошая примета, как известно.
 Давай обнимемся, до осени, пока!

Тектонисту В.Ю. в день рождения.

Как память древних океанов
 На лике нынешней Земли
 Лежат сутуры в виде шрамов
 Давно исчезнувшей коры.
 Лежат, с наглядностью напомним:
 Ничто не вечно на Земле.
 Смысл бытия собой наполнив,
 Судьбы, дарованной тебе.
 Ни христианством, ни исламом,
 Ни сонмом всех других божеств.
 Но из твоих любимых самых
 То были Гея и Гефест
 Не изменяя смысл творенья
 Они заведовали тем,
 Что возводили гор строенья
 И создавали пенеппен.

Но все ж, ухабиста дорога
 С того ЮБЛО на ЮБК –
 Своеобразный спрединг строго
 Разделит два материка.

И твой террейн болтают волны
 Житейских мелочных забот,
 Ведь ход был задан - самый полный,
 А курс, конечно же, вперед.

Так и держи. В соленых брызгах
 Из славных Тетиса морей
 Мы вновь причалим к русским избам,
 Где всем нам кажется теплей.

4 сентября 1996 г. Симферополь

С 8 Марта!

Каким бы днем весна не начиналась,
 Какой бы сон не снился на рассвете,
 У нас у всех весна в душе осталась.
 И локон Ваш на правом эполете.

Но дело же не в том, что праздник - малость,
 А в том, что нет Вас краше на планете!
 Так дай Вам Бог всего, о чем мечталось
 И то, что сами цените на свете.

Завещание, написанное в инфарктном отделении 6-ой Горбольницы

Умирая в нищете поэт - песенник Пьер Жан Беранже узнал, что друзья собирают деньги на его памятник. По этому случаю, он написал великолепное стихотворение с рефреном: «Пропьем друзья надгробный камень мой!»

Прислушайтесь к призыву Беранже,
 Пропейте же мой памятник надгробный.
 Ведь мне досталось краткое УЖЕ,
 А Вам ЕЩЁ не ясен смысл подробный.
 Я буду с Вами. Сопредельный мир,
 Должно быть, тоже слышит звон стаканов.
 Я буду с Вами в этот славный пир
 У всех спиртных и винных океанов.

Я кроме песен завещаю Вам
 Любовь и уважение друг к другу.
 Я просто задержался где-то там,
 В делах своих, или найдя подругу.
 Я Вас не тороплю. Но встретив вдруг,
 Спрошу о том, исправно ли все было?
 И часто ли, среди широтных дуг
 Вам мое имя в память приходило?
 Потом же разговор продолжим мы
 С амброзиєю местного разлива...
 Так делали великие умы
 Всегда спокойно, просто, терпеливо.

25 января 1997 г. Симферополь

* * *

Не люблю ходить я той дорогой,
 Что кружит без цели по земле.
 Мало ли осталось, или много,
 По прямой идти хотелось мне.

Воздух пить наполненный дурманом,
 Из старинных кубков - сладкий мед.
 И лететь с гусиным караваном
 И сбивать сосулек светлый лед.

Подставлять лицо весенним шквалам,
 С солью океанов всех широт.
 И бродить в лесу по лужам талым
 И бросать машину в поворот.

Просто жить. Без горя, без оглядки.
 Не считая прожитые дни.
 И дойти к могиле без оградки,
 Не призвав на помощь костыли.

1.03.2009.

С новым Дедом

В. Юдину.

Поздравляем с новым званием,

Ныне ты законный дед.

Зачинать детей – призванье

Только не на склоне лет.

Пополнение семейства

Обеспечивает сын.

Сколь веревочке не виться,

А конец всегда один.

Годы капают на темя,

Убегают вдаль смеясь.

Наконец настало время

И сменилась ипостась.

Быть отцом всегда почетно.

Дедом, стало быть, вдвойне.

Обрастя семейством плотно,

Больше нравишься ты мне

21 января 2008. Симферополь

Друзьям

Друзья мои, спасибо вам,

Что, не забыв анахорета,

Спеша по собственным делам,

Не забываете привета

И в письмах важного ответа.

Друзья мои, спасибо вам.

И, походя, снимая боль,

Души, отверженной от мира,

Не сыпете на раны соль

И наша дружба тем красива,

Что, не в словах, а молчаливо

Мы, походя, снимаем боль.

Какой бы ни был Новый год,

В нем нового – всего лишь дата.

И к хронологии моей

Поверх пришитая заплата -

Погончик на плече солдата.

Я точно знаю наперед,

Что Новый год – всего лишь дата.

Спасибо вам за то тепло,
Что, не скупясь, Вы мне дарили.
Я выжил всем чертям назло,
Поскольку Вы меня хранили.
Не бросили, и не забыли
Спасибо вам за то тепло.

31 декабря 2002 г. Симферополь

Реквием Ремиру Харитонову -
художнику, скульптору, ювелиру и моему соседу и другу

Я все мечтал, вернусь домой –
Зайду к соседу.

Обнимемся и вразной
Начнем беседу.

Поставим рюмки, закусон,
Коль не завязка.
Слова и мысли в унисон,
Общенье – сказка.

Там на девятом этаже
Две двери рядом.
И сорок лет теперь уже
Мы дружим кряду.

Нам есть о чем поговорить:
За что в ответе,
И что успели натворить
На белом свете.

Вот вышла книга. Вот тираж.
Плюс две статейки.
И что заплатит Эрмитаж
Тебе копейки.

Но, вдруг звонок к исходу дня,
Как трасса пули.
И говорят, слез не тая,
Сосед мой умер.

Как умер? Что произошло?
Никто не знает.
Наверно сердце подвело.
Да, так бывает.

Ох, эти старые сердца
В рубцах и шрамах...
Они стучали до конца
В житейских драмах.

Блокаду и войну пройдя,
Другие беды.
Что я скажу теперь входя
Жене соседа?

Что мир внезапно опустел.
И тьма упала.
Так много я сказать хотел.
Сказал так мало.

Ты так любил свои цветы,
Искусство, камни...
За все меня, мой друг, прости,
Закрылись ставни.

Я так мечтал, вернусь домой –
Зайду к соседу...
Я, вроде, еду в дом пустой,
Все не доеду...

22 августа 2008. Симферополь

XI. В альбом Алисе

Погода

Стучит в окно ореха ветка,
 Что означает лишь одно –
 Погода, вечная кокетка,
 Советует одеть пальто.

Ее капризы постоянны,
 А подведенные глаза
 То синью блещут, то чернеют,
 Когда надвинется гроза.

Всегда не вовремя, некстати
 Ее меняется настрой.
 И вылезая из кровати
 Бубнишь со сна стишок простой.

Не прав Рязанов утверждая,
 Что все погоды – благодать.
 Когда до нитки промокаю,
 То говорю мать!

2 марта 2008 Симферополь

* * *

Прощающих – прости. И ты прощен
 За то, за это и другое действие,
 За мысли, за стихи, за лицедейство,
 За то, что был любимой укрощен.
 И звон в ушах. И колокола звон,
 Звонящем о тебе и о прожитом.
 И тающей любви злещенный трон,
 Во небеси, дождями перемытом.
 Перестели постель прожитых лет,
 Оставь следы на тропках к перевалу.
 И в этом и прощенье и ответ
 Девятому взметнувшемуся валу.

Апрель 1997 .

* * *

Здравствуй!
 Это доброе слово,
 Пожелание от души.
 И хотя наша жизнь сурова,
 Проклинать ее не спеши.
 Здравствуй!
 Не смотря на удары ветра,
 Ностальгию о мире том,
 Где платана, качнулась ветка,
 И прибоя рокочет гром.

Здравствуй!
 В памяти всех прощенных,
 И оставшихся вдалеке,
 Причащенных и осужденных,
 Уезжающих налегке.
 Здравствуй!
 Ныне и здравствуй присно.
 И во веки веков! Аминь!
 У причалов замшелых Лисса
 Ждут тебя паруса бригантин.

1996. Симферополь.

* * *

Короткими стали и зимы и весны,
 Общенья так не хватает тепла...
 О чем мне шептали карельские сосны?
 О чем мне кричали в ночи поезда?
 Я полон отравы забот ежедневных.
 Живу эмигрантом в своей же земле.
 Бегу в одночасье от помыслов гневных.
 И весь этот мир завещаю тебе.
 От много знания – многи печали
 И многое надо забыть и простить
 Ты выйди ко мне в кашемировой шали,
 Мы будем до утра «за жизнь» говорить.
 Помянем ушедших и вспомним живущих,
 Плохие, хорошие те времена.
 Мы можем еще, напоследок, грядущих
 Других экспедиций напиться вина.

Спасут нас от краха терпенье и вера.
 Святая надежда на лучшие дни.
 Пиши мне, пожалуйста. Высшая мера -
 Вдали тосковать и разгадывать сны.

Июль 1995. Симферополь.

* * *

Как тебе живется там, вдалеке?
 Не тревожит ли тоска по ночам?
 От меня ушла в дождь, налегке,
 Разорвав любовь пополам.

Нет, не шутка то была, а всерьез.
 Предпочла моей мечте – былль.
 Бьет цветы осенние мороз.
 Гонит по полю ветер – пыль.

Я вернуть тебя назад – не берусь
 И позвать тебя к себе – я боюсь.
 Вслед смотрю твоему кораблю.
 Едва слышно шепчу – люблю.

Эхо пулею бьет в висок.
 Наповал, как разит палач.
 А любовь, как вода – в песок.
 А слова, как надрывный плач.

Как тебе живется там – вдалеке?

20.04.09. Симферополь

* * *

На раздражительный пустык
 Ложится импортный коньяк
 И нам становится теплее.
 И просто жить. И просто так

Гулять по парковой аллее.
 Смотреть и слушать листопад
 И дождь осенний. Невпопад,
 Осядут капельки на шее.

Нам подает природа знак
 Дышать и чувствовать смелее.
 Струна ослабила натяг.
 Попросит мира старый враг.

И скажет тост на юбилее
 Такой вот маленький пустяк
 Но все покажется милее,
 И все представится не так.

31.10.09. Симферополь

* * *

Осень. Дожди по ночам.
 Пасмурное настроение.
 Годы мои – где-то там,
 Краткие как мгновения

И проходя через парк,
 В лужах ловлю отражение.
 Клены, как Жанна д'Арк
 Осуждены на сожжение.

Лживым не верю речам,
 Воздуха пью упоение.
 Осень. Дожди по ночам.
 Пасмурное настроение.

18.11.09. Симферополь

And if forever...

«Farewell, and if forever...»

G, Byron

И если навсегда
 Накроет мир египетская тьма
 Мы и во тьме глухой найдем друг друга,
 И встретимся, придя издалека.

И если навсегда
 Обрушится на город тишина,
 Найдем друг друга по теплу ладони,
 Не помешает свет и темнота

И если навсегда
 Оставит нас земное притяжение,
 В космической дали найдем друг друга:
 На зов души откликнется душа.

Фаворит

Поручик гвардии шагал
 Из будуара в полководцы
 И все же некоим нейметя
 Что он с царицей переспал

А он за юбку не держался
 И поднимая в бой полки,
 Совсем не для нее старался,
 А лишь для славы и страны.

Пусть фаворитом знаменитым
 Он доживал свои года.
 Остался Крым соединенным
 С землей Российской навсегда.

Век париков и кринолинов
 Наивным не был и назвал
 И подлецов и подхалимов
 И тех, кто оными не стал.

Потомки судят однобоко,
 Хотя им помнить не грешно
 Что и они не без порока,
 А мертвым, право, все равно.

Согласно Монтеню

Мне не надо наград,
 Мне приятно другое,

Что растет виноград
 Над окошком дугою.
 Он смягчает жару
 И в зеленом квадрате
 Я смотрю в синеву,
 Где небесные братья.
 Мне готовят постель
 В облаках на рассвете,
 Мой последний отель
 Самый лучший на свете.
 Все, что здесь я имел –
 Оставляю на память
 Всем, кто жизни сумел
 Не предать, не слукавить.
 Тем, кто любит стихи,
 Вкус вина и победы,
 Кто не лезет в верхи,
 Знает горе и беды.
 Это люди, дружок,
 Настоящие люди!
 Я ж отдал свой должок,
 А другого не будет.
 И согласно простому
 Совету Монтеня,
 Просто выйду из дома
 Со своим поколеньем.

7.09.2013. Симферополь.

Мифы.

*Что в цель попало – то история,
 А где туман – там тайна.
 Старая английская поговорка.*

Чужие сказания, глухие речения
 А есть ли о них адекватные мнения?

Что ж, верить, как Шлиман уверовал в Троию?
 Пешком к Арарату наведаться к Ною?

В помпезном для всех историческом мнении
Цинично зияют провалы забвения.

Мифы! Мифы!

Идут

Бездорожьем времен.

Снегом, пылью запорошены.

Забыты.

Заброшены.

У обочин истории

Пали – не нужные.

Идут столбовою в золоте –

Нужные - в нужник!

Старик Геродот, без штанов (ну и мода!)

Записывал пьяную речь морехода.

Папаша истории древней, брадатый
Какую же правду огреб ты лопатой?

Была ль Атлантида, иль не было вовсе
Пишет папаша. Разбираются - после.

Мифы! Мифы!

Идут

Бездорожьем времен

Снегом, пылью запорошены.

Забыты.

Заброшены.

У обочин истории

Пали – не нужные.

Идут столбовою в золоте –

Нужные - в нужник!

Сарматские скалы над Понтом Эвксинским

Удар по щиту – тишину уже выпил.

А где-то к восходу, где Руссы и Россы
Туман разрывается голосом выпи.

Примятые травы ударом копыта
Полынная степь, что ветрами прошита.

Гудя табунами – являются скифы
 Какие вы скифы? – Как мифы, как мифы.

Из мрака небытия входят в историю
 Красивые мифы, являя теорию.

Пылятся в соседстве музейных диванов
 Разбитые чаши из древних курганов.

Истлевшая сбруя, мечи и колчаны,
 И гусли, что верно служили Баяну

И тени легенд растворяясь веками,
 В полуденном мареве тают за нами.

Дорога ведет нас от каменной бабы
 К зарытому рядом с Кораном арабу.

Он был Магометом – всего с него проку,
 Что молится ныне треть мира пророку.

А раньше его иудей Ханаана
 Другую треть мира учил без Корана

И плавилась ересь неверных и верных
 В бесчисленных войнах, усобицах скверных.

Мифы! Мифы!

Идут

Бездорожьем времен

Снегом, пылью запорошены.

Забыты.

Заброшены.

У обочин истории

Пали – не нужные.

Идут столбовою в золоте –

Нужные - в нужник!

О, времени бег над полями, холмами,
 Разливами рек и морскими волнами.

В века Золотые, к Истории строги
Вершили ее Олимпийские боги.

Чуть раньше Титаны, чуть позже Тираны,
А ныне, наверно, – отдельные страны.

Стал маленьким мир и в преддверии шока
История стала предметом порока.

Как падшая женщина ждет подаянья.
К ней нет состраданья – украдено Знание!

Под тенью ракет в обезумевшем мире
Живем мы единственным Мифом о мире.

Он ныне единственный. Самый реальный
Официальный. Иррациональный.

Мифы! Мифы!

Идут

Бездорожьем времен

Снегом, пылью запорошены.

Забыты.

Заброшены.

У обочин истории

Пали – не нужные.

Идут столбовою в золоте –

Нужные - в нужник!

Балтийские ветры

Балтийские ветры зовут нас в дорогу
Геолога в поле, в Париж недотрогу,
А штурмана в море, а летчика в небо
Балтийские ветры зовут нас в дорогу.

Вдогонку, с причала, иль с остановки
Догонит сначала нас запах Сосновки.
В пути же, на крыльях, играя судьбою,
Балтийские ветры летят за тобою.

9 сентября 2013 г. Симферополь.

* * *

Как зимний лес, написанный углем,
 Так наша жизнь из черно-белых кружев.
 А память бродит по изгибам нужным,
 Плохое оставляя на потом.

Что в прошлом – не стереть, не повторить.
 Что в будущем – для нас покрыто мраком.
 Вопрос извечный - быть или не быть,
 Лик будет светел, или же заплакан.

Все сложно в простоте из черно-белых кружев
 Зеленый зверь из моря, синий ужас,
 Паденье в пустоте, удачи тень
 И ночь сменяя, наступает день.

И нам летит в лицо прозрачный иней
 И рвется круг безжалостным резцом.
 В переплетенье черно-белых линий
 Над мраморным от холода лицом.

3 декабря 2012 . Симферополь.

Позор

Две вороны на заборе
 Говорили о позоре
 Васьки - черного кота
 Из соседнего двора.

Он был бит своим собратом
 Наглым уличным пиратом -
 Рыжим, рыжим, конопатым
 Грязным, да еще кудлатым.

Васька драпал без оглядки
 Через лужи, через грядки.
 Ну, а рыжий по дороге
 Все кусал его за ноги.

Хохотала вся округа -
 Ваську бросила подруга.
 Он забился под крыльцо
 Потеряв навек лицо

Обсудили две вороны
 Заодно свои резоны
 И решили впредь подружки
 Есть из Васькиной кормушки.

30 сентября 2009 г. Симферополь.

Чеширский кот.

Чем знаменит Чеширский кот?
 Обычный кот, казалось,
 Но он исчез. И только вот
 Улыбка же осталась.

В Стране Чудес легко упасть
 И совершить ошибку.
 Но прежде, чем совсем пропасть
 Оставьте хоть улыбку.

Друзья уходят в мир иной
 И мне б хотелось малость:
 Что бы как память, но со мной
 Улыбка их осталась.

9 сентября 2013 г. Симферополь.

Крымская осень

Ах, осень рыжая лисица
 Бежит неслышно по лесам
 То в чаще сумрачной резвится
 То вдоль опушки по кустам.

Махнет хвостом – и вдруг осины
 Зардеют в пламени листвы,
 А гроздь спелые рябины
 Окрасят просини холсты.

Ей одинаково по нраву
 Задеть корявые дубы
 И шустрим белкам на забаву
 Отдать последние грибы.

Осыпать грецкие орехи
 Лещину, шишки, семена,
 Оставив словно для потехи
 Угрюмых елей письмена.

Ах, осень рыжая лисица
 Обманет нас как хитрый зверь.
 Твои проделки будут сниться
 В контексте собственных потерь.

Октябрь 2009. Симферополь.

Первое декабря

Уже декабрь. Как будто бы зима
 Но ей назло в лесу растут мышата,
 На улице по прежнему тепло
 Еще звучит осенняя соната.

С орехов белки теребят ясак.
 Востребованы старые качели.
 В погоде происходит все не так
 И небо - итальянской акварели

Вот ты свидетель маленьких чудес,
 Которые дарит природа Крыма.
 Как жаль, что неизбежен твой отъезд,
 А жизнь одна. И та проходит мимо

С вокзала шаг в метельную кипень,
 Гонимую Балтийскими ветрами,
 А здесь в апреле расцветет сирень
 И соловьи зальются вечерами.

И я опять - пойду своим путем,
 Осиротеет старая квартира.
 Мне будет не хватать тебя во всем,
 В многообразье суетного мира

1 декабря 2009. Симферополь.

Еще раз на тему советов Монтеня

Участились звоночки оттуда,
 Неприятные в общем, звоночки.
 Это ведь непростая простуда
 Или мелкие заморочки.

Это инсульты и инфаркты
 Мне напомнили: мол ты не вечен.
 Очевидные, в общем-то факты,
 И расплата, что был я беспечен

От звоночков пора бы проснуться,
 Подвести кой-какие итоги.
 Подвести и назад оглянуться,
 До того как протягивать ноги

Словом вовремя, до отъезда,
 Чтоб спокойно, без слез и соплей,
 Ну, как раньше, к дню энного съезда
 Отчитаться о жизни своей.

Оптимисты кричат: не дождетесь!
 Только это пустая бравада,
 А когда вы к утру не проснетесь
 Ничего уже будет не надо

Ну, а я отношусь без иллюзий
 В отношении отмеренных сроков.
 Обойдусь без душевных контузий
 Наставлений и скучных уроков

2012. Симферополь.

Строфа

Строфа всплывет из глубины
 И ровно ляжет на бумагу.
 Пера, затупленную шпагу
 Я осторожно отложу,
 Прочту. И лишь затем пойму.

Что в простоте обычных слов
 Сокрыто тайное значенье,
 Где шифр давно забытых снов
 В подстрочник встроиться готов,
 Посеяв смутное сомненье.

Строфа двулика станет в них.
 В ней что то от миров иных,
 Живущих в нашем подсознание...
 А я – посредник для глухих,
 Несущий некое послание.

Я лишь посланник, лишь гонец
 К вниманью слышащих сердец.

20.02.2010. Симферополь.

* * *

О нас ведь судят только по делам
 И по-другому просто не бывает.
 Словесной мишуры ненужный хлам
 Еще быстрее люди забывают.

И то, что в тайниках твоей души
 Скрывают театральные кулисы,
 Приоткрывать подругам не спеши.
 Не стоит знать все помыслы Алисы.

В конце концов, единственный ответ
 На все вопросы спишет настроенье.
 А повезет нам в жизни или нет –
 Наверняка решает провиденье.

Пока что, жизнь мы делим пополам:
 Что было до, и что случилось после.
 И что свершить еще придется нам?
 О нас ведь судят только по делам.

18 сентября 2013 г. Симферополь

* * *

Ну и сентябрь! Сплошные дожди!
 Капли бегут по стеклу.
 Бабьего лета больше не жди,
 Плащ одевай поутру.

Что-то испортился климат в Крыму
Раньше он был не такой.
Время настало меняться ему,
Мне уходить на покой.

Раньше погода меняла сезон
Плавно, как ходит брегет.
Ну, а теперь, словно ей не резон
Режет как острый стилет.

Словно бы пес, ни с того, ни с сего,
Бег свой меняет на шаг.
Будем считать – нам не повезло,
Ждите других передряг.

24 сентября 2013 г. Симферополь

ХII. Портретные наброски.

Омар Хайям

Какой колоритный, не к стати и к стати
Сидел он в духане во рваном халате.

Ходил по базарам в надежде послушать
Что там говорят мусульманские души.

И в шумной толпе, вроде бы не свои,
Как золото сыпал в народ Рубаи.

И даже фанатики ересь узрев
Боялись узнать его яростный гнев.

Легенды – цветистей восточных ковров
Насмешник стихом зарабатывал плов.

В то давнее время он верил в одно,
Что в мире есть только любовь и вино.

Пески засыпали дворцы и мечеть,
Но рифмы его продолжали звенеть.
Звучание строк не подвластно векам.
Спасибо тебе незабвенный Хайям.

Франсуа Вийон

Бродяга и пройдоха
Он кончил где-то плохо.

Скорей без погребения,
Но только без сомнения.

Не знала Галльская земля
Еще такого гения.

Ему не реквием писать,
А с ним под дудочку плясать.

И пить до изумления,
Не ждать успокоения,
Как он тогда плясал в Блуа,

Плясал до иступления.

Пусть он был на руку не чист,
Пусть по три дня не ел артист –

В тюрьме кормили скверно.
Вся жизнь была Инферно.

Но и сейчас полет стиха
Звучит свежо и верно.

Да, он отмечен волшебством.
 Был от рожденья стариком,
 И вечно прав и юн.
 Он умер, но живет сейчас
 В лохмотьях подлинный алмаз,
 Как птица гамаюн.

Руже де Лиль.

*Это было время,
 Когда жили поэты...*

Слова писались сами.
 Коротка
 Ночь вдохновенья.
 Свечка оплывает.
 И только завтра Франция узнает,
 Что родилась бессмертная строка.
 Ни Господу, ни маме
 Не объяснить,
 Слова писались сами,
 Их не забыть.
 Однажды и навеки,
 Так суждено,
 На грозном рассвете
 Испить вино.
 Испить вино восторга,
 Вино – порыв.
 Отчаянно и гордо
 Пропеть призыв.
 И кануть в безызвестность
 На много лет.
 Все так и было. Честно.
 И был поэт.
 Коварна муза Клио,
 Иногда, она молчит,
 Заранее не скажет,
 Что через пять минут тебе прикажет
 Войти в ее чертоги напрямик.
 И там, среди чуткой тишины
 Составить новый гимн страны.

Роберт Бёрнс

Нет, рангов табели не чтит
 Святая муза, посещая
 Своих избранников. Играя.
 Она приходит в сельский дом,
 Не реже, чем в дворцы и замки,
 Её избранник не молчит.

Как не молчал шотландский Робин,
 За плугом медленно идя,
 А вечерами допоздна
 Перо гуляло по бумаге...
 И был он полон той отваги,
 Что лишь талантом рождена.

Не чтил он знать. А та, кривясь, внимала.
 Не слишком бал обласкан и упрям.
 Его слова острее острой шпаги
 В язвительности дерзких эпиграмм
 В шуточных строках будничного быта
 Крестьян – соседей, или светских дам.

Кто, как не он, народные преданья,
 Восславил, лучше триумфальных арк?
 И полные чудес и обаянья
 Нашли его герои пониманье,
 Как молодая ведьма Катти Сарк,
 И Макферсон, и Джон из кружки эля.

Английская поэзия мертва
 Без двух героев – пахаря и лорда.
 История их утвердила твердо
 В своих скрижалях. И она права.
 И я снимаю шляпу: сквозь века
 Привет тебе неси моя строка.

Джордж Гордон Байрон

Мятежный дух, мятежный стих.
 На произвол судьбы –
 Гарольдов плащ. Как рано стих
 Бег штормовой волны.

Блестело шпаги острие,
 Горели две свечи.
 И завещание твое
 Составлено в ночи.
 В чужих краях, где ты искал
 Свободы и невзгод...
 И берег Англии пропал
 Среди кипящих вод.

М.Ю. Лермонтов

*После убийства Пушкина и Лермонтова,
 древо Русской поэзии пошло в сучья... Тютчев*

Первый – убит в Тегеране,
 Второй – у черной воды.
 Там, где Машук в тумане –
 Третий, поручик, Вы.
 Где же в России траур,
 Отданной на позор?
 Ведь убивал не мавр
 Шедшего на костер.
 Так и остался тайной
 Всех ужаснувший рок.
 Сладостный и печальный
 Ритм гениальных строк.
 То от чего так тяжко
 Ныла его душа
 Не басурманской шашке,
 А палачу предана.
 Вот и звучит, поручик,
 С тех улетевших пор
 Ивой у вод плакучей
 Ваш золотой минор.
 Словно верша навечно
 Краткий Ваш, бурный век...
 Демон бал человечней,
 Много добей абрек.

Велимир Хлебников

Родина поэзии - будущее. Оттуда веет ветер богов слова.

В. Хлебников

Невероятно? Неважно. Не читайте невежды,
 Мог он верить отважно, рыцарь в черной одежде.
 Тасовать словно фокусник фразы и звуки;
 Не поймут современники, расстараятся внуки.
 Председатель какого? Земного же шара!
 В кубки рифм наливал колдовского отвара,
 Указал нам откуда, из мира какого
 Дует ветер Богов, ветер дерзкого слова.
 Неприкаянный в жизни, в окруженьи царевичей
 Успокоился маг в земле Новодевичьей.
 И на лестнице храма, повторяя ремарки,
 Запалите поэты в поминанье огарки.

Марина Цветаева

В тебе начало,
 В тебе движенье
 Бунтарь – стрелец.
 Все отмечало
 Богам служенье
 И Муз венец.
 Как подкачало
 То продвиженье
 На трон сердец
 Как ты писала –
 До потрясения.
 Пророк – не лжец.
 Не изменяла,
 Не выбирала
 Себе колец...
 Претерпевала,
 Переживала –
 Допек малец.
 Что ты шептала,
 Когда качала
 Верьвя конец?

Когда не стало
Земля узнала
Каков певец.

Эдуард Багрицкий

Поет по утру птицелов,
Контрабандисты ставят парус.
Век не улыбчив и суров
И далеко Одессы кров.
 Как на излете тишины
 Мне тоже хочется «пройтиться»
 По тропам сказочной страны,
 Бегущих к нам из старины.
И отыскать аккорд простой
В наборе дремлющей гитары.
Затем сказать тебе: постой,
А этот вечер не пустой?
 Кто помнит эти времена,
 Тот не осудит и не спросит
 И осветленного вина
 С тобой отведает до дна.
И скажет: этот одессит
Был очень бережен и тонок
Бокал поднимет: прозит Бард,
Романтик старый Эдуард.

Александр Галич

Ты не вернулся. Лишь душа
Твоя все бродит возле дома,
Где затихают голоса
Твоих друзей, твоих знакомых.
 Хотя тебя еще поют
 Те, кто был юн в шестидесятых...
 Жаль, не на Волковском приют -
 Приют убогих и распятых.
Я всех бы там похоронил,
Кто знает это поколение.
И общий памятник сложил
От нас, от всех – во искупленье.

За то, что промолчал, не смел,
 Не поддержал тебя расстригу.
 И в том и в этом хоре пел,
 Как все держал в кармане фигу.
 Но что теперь? Иных уж нет.
 И вроде бы страна другая...
 Ах, Саша Галич! Дальний свет,
 Сент-Женевьев – земля чужая.

Сергей Есенин

Жил легко, забубенно и жарко,
 Раскрывая ладони стихов.
 Не за это ли помер так тяжко,
 Тридцати не дождавшись годов.
 Закатилось рязанское чудо
 В Англетере, вдали от берез.
 Словно глас тебя кликнул оттуда
 Из персидских завянувших роз.
 Точно. Там ни любви нет, ни водки,
 Видно сам это он понимал.
 Но мешали полету колодки,
 Убивали они наповал.
 Ах ты Русь! Велика ты смертями
 Убиенных поэтов твоих.
 И в земле ты хранишь под крестами
 Свою Славу, свой Голос, свой Стих.

Анна Ахматова

Кружилась лепестков метель
 И осыпала то и дело
 Твою холодную постель,
 Твое остынувшее тело.
 Другой весны не встретишь срок
 Обозначаемый природой,
 Но победишь всеильный рок
 Всеи несгибаемой породой.

Души исполненный наказ
 Звучит как реквием печально,
 Тобой, написанный для нас
 По нам звучащий изначально.
 Всю жизнь гонима и горда
 Вдова расстрелянного мужа
 Ты не сгибалась и тогда,
 Когда в лицо дышала стужа.
 И в память о тебе строка
 Живет в Цветаевском наследстве,
 И мне звучит издалика
 Напоминанием о детстве.

Федерико Гарсия Лорка

Цветные сновидения
 И тонкий аромат
 Живут как наваждение
 Поэм, баллад.

Строфа всегда в миноре
 Скрипичный ключ.
 Гитара плачет в горе
 Последний луч.

Испания, Испания! Грани света и тьмы
 Зарыдать бы заранее, во хмелю у корчмы.

Маэстро Федерико!
 Зачем? В расцвете сил?
 Земля зашлась от крика
 И сумрак наступил.

Не склеить чашу утра,
 Не отвести свинец
 Луна взошла как будто
 И не стрелял подлец.

Испания, Испания! В списке лучших имен
 Черный день покаяния в бесконечность продлен.

Александр Грин

Прочти его легко или с усилием,
 Как открывают баночку сардин.
 Мечты, не затуманенные былью
 Отшельника, который звался Грин.
 Бродяжий дух и жажда дальних странствий
 Пером водили без других причин.
 В проливе Бурь на мостик капитанский
 Входил, слегка прихрамывая, Грин.
 Отвергнутый, забытый и воспетый,
 Творец не умирающих картин.
 В них странный мир куда продаст билеты
 Дорогой в никуда все тот же Грин.
 Как в яви сна солены брызги моря,
 Мир разделен, иль все-таки един?
 Где ничего не требуя, не споря
 Остался Александр Грин.

Павел Коган

Погиб в 24 года под Новороссийском

На войне романтикам не место.
 Что бы выжить - нужен прагматизм.
 А романтик из такого теста
 Не душа – сплошной идеализм.
 Вот теперь, не говорить, не спорить,
 Не смотреть в усталые глаза.
 Без тебя в далеком синем море
 Бригантина поднимает паруса.
 И уйдет она, тебя оставив,
 С пулей в сердце на сыром песке.
 Навсегда от выдумки избавив
 Бьющейся в еще живом виске.

Томас Гейнсборо

Туманы Дувра, Уэллса вереск
 Со всех сторон. Как мне увидеть,
 Как мне поверить,
 В ночь всех времен?

Жемчужно - серый, немного лунный
И голубой.

Из дальней веры, из дыма серы,
Из мглы морской.

О спесь и гордость. И духа твердость,
Со льдинкой взгляд.
И цвета годность. И невозможность
Смотреть назад.

О чем ты думал, мешая краски
И тон лова?
Как ветер дунул Тебе из сказки
Дверь отворя.

Бартоломео Франческо Растрелли

В век сленга и рока
Я славлю барокко.
Без толка, без прока,
Но нет в том порока.

Резные решетки, цветы капители
Изящны и чисты, как звуки свирели,
Вы в камне, Маэстро, могли и умели
Увидеть прозрачность и тон акварели.

И массу изыска придать непременно
Для тех, кто их строил легко и надменно.
Для тех, кто потом проживал в них отменно.
Все было прекрасно. И все было верно.

Не знаю, какой ожидали награды,
Но только одной были б искренне рады:
Подчеркнуто снятою шляпой другого
Великого зодчего града Петрова.

Огюст Монферран

Он очень здорово чертил.
Был мастер легкой акварели.
Почти не пил и не курил.
Кто он такой на самом деле?

Француз. Как многие из них
 В снегах Империи великой,
 Царем обласканный жених
 Для Исакового лика.

Его и хвалят и клянут,
 Но подходя к ступеням храма
 Подумаем хоть пять минут
 О тонком запахе обмана.

Сорокалетие интриг
 Среди двора. И ожиданья
 Увидеть незабвенный миг
 Великой стройки окончанья.

Пока она еще нема
 На фоне царственного града.
 И невозможна. И чужда.

И ждет взыскательного взгляда.

Он знал одно. Пройдут века,
 Исчезнет горечь сожаленья,
 Но вновь Россия никогда
 Не повторит его творенья.

*Монферран умер через 20 дней после окончания строительства
 Исаакиевского собора.*

Бертель Торвальдсен

*Темпоральная fuga- обрисована вальсом
 Улыбаются музы работы Торвальдсена*

Девять муз с Аполлоном –

Темпоральная fuga

Что считать эталоном

Себя, или друга?

Вся эстетика мира

Ощутима на фоне

Восприимства эфира

И прочтенья симфоний.

В наших чувствах тревоги,

Удивленья - иное...

Олимпийские боги

И запах левкоя.

Все, что вне восприятия
 Принесет поражение,
 Как проказа заклятья,
 Как кошмар наважденья.

Темпоральное поле –
 Это только лечение,
 Где Торвальдсена музы
 Ушли в ополчение.

В глубине родников,
 У истоков сознания,
 Запрятали Боги
 Ключи пониманья.

А загадка в смещении
 Воды из притоков.
 И, конечно же, вод
 Из начальных истоков.

Река временная
 Планета иллюзий
 Проходит играя
 В космическом шлюзе.

Мария Луиза Анидо

Сольный концерт в большом зале Ленинградской филармонии.

Кому это надо,
 Что ночь так чернильна?
 Что в говоре струн
 Оживает Гранада?
 Кому это надо
 Так сильно, так сильно,
 Скажите Маэстро,
 Кому это надо?

И танец огня,
 И листва Арагона,
 И небо Альгамбры,
 И хотя, и хотя...
 Шесть струн изливают
 И дробь барабана,
 И голос трубы,
 И свечу у киота.

И пряные звуки
 Кастильского танца
 У каменных стен
 На вечернем пригорке.
 Мне кажется ты
 Говорила с Мачадо,
 А голос струны
 Изучала у Лорки.

Аккорды слетают
 К притихшему залу.
 И гаснут как искры,
 Уходят как сказки.
 Я, кажется знаю
 О чем ты играла
 И чьи на палитре
 Замешаны краски.

Пабло Сарасате.

*«Так как звучит его скрипка, так она
 Никогда ни у кого не звучала».*Л. Ауэр

Как в вечернем прибое,
 В повседневной утрате,
 Мы приходим с тобою
 В чудный храм Сарасате.
 Там и справа и слева
 Арагонская хота,
 И цыганок напевы,
 Андалузская нота.
 Если ж дремлет в покое
 Сталь навах из Толидо,
 То соцветья левкоя
 Мы срываем для вида.
 Для любви, для букета
 На сиреневом платье.
 В смысле тайном ответа
 На аккорд Сарасате.

Эварист Галуа

Ты не успел!
 Ты сам не понимал,
 Сколь велико
 И дорого наследье
 Перо отбросил
 С сожаленьем встал,
 Еще не зная
 этот час последний.

И этим
 Был отложен старт ракет
 Земное,
 оборвавших притяженье.
 Тяжел в руке
 Дуэльный пистолет
 И смерти
 Роковое приближенье.

Вдруг закружилась
 Мокрая трава
 И утреннее небо
 В переверть.
 Смерть не закрыла
 Юные глаза,
 Глядящие, теперь уже
 в бессмертье.

Жак Ив Кусто

Моему наставнику и учителю

Выделяли четыре стихии
 Мудрецы еще до Рождества:
 Это твердые недра земные,
 Также воздух, огонь и вода.
 Их отдельно для нас представляли
 Божества с незапамятных лун.
 И для моря такого назвали
 Царь морской и воитель Нептун

Охранял царь морские пучины
 И русалок спускал как собак.
 Если в них без серьезной причины
 Собирался проникнуть чужак.
 Но однажды в приморском Марселе
 Без пророчества пифий и Ванг,
 Не в мечтах, изобрел в самом деле
 Некий Жак для людей акваланг.
 И открылся, закрытый доселе,
 Нам шестой голубой континент.
 Все земные блага побледнели
 В погруженья прекрасный момент.
 Годы шли. Субмарины скучали
 Без внимания к ним моего.
 Море синее – море печали,
 Если нет у него никого.
 Я шагнул в этот мир без боязни
 И теперь до меня лишь дошло
 Хуже мне не бывало бы казни,
 Если б я не увидел его.
 А сейчас у античных развалин
 Нептуном позабытых давно
 Я бы новую стелу поставил
 С галльским профилем Жака Кусто.

Андрей Рублев.

Как удалось
 Застывшей Византии
 Сломать канон?
 И к древнему письму
 Добавить краски
 Подлинно живые?
 Я этого наверно не пойму.
 Что говорил он
 Строгим иерархам,
 Какие подбирал тогда слова?

И видно жил
 Не гордостью,
 Не страхом,
 А только ощущением себя.
 Не спал ночей
 И к сумрачному Богу
 Искал свой путь.
 Славянская душа
 Его вела
 Неведомой дорогой,
 К познанию иного бытия.
 Увы, не все,
 Потом, спустя столетья,
 Мы поняли, завещанное нам.
 Дошедшее,
 Сквозь горечь лихолетья,
 Послание
 Открывшее сезам.
 Сезам
 В великий мир
 Российской кисти,
 Что нам явила
 Чудо сотворя,
 И девы обаяние пречистой,
 И троицы святой у алтаря.

Петр первый

Пиши указ: Руси не быть без флота!
 Трость тяжела и взгляд его суров.
 Походным строем шведская пехота
 Будила Нарву грохотом шагов.
 Но он еще их призовет к ответу,
 Крича войскам: не за меня! За Русь!
 Команда всем – примкните багинеты!
 На флоте – погибаю, не сдаюсь!
 Эй, Алексашка! Чарочку перцовой!
 Несу, мин-херц! А этого пускать?
 А, воровал! Познаешь кол дубовый.
 Встань Шереметьев, дай поцеловать!

Как тяжела родительская ноша...
 Что, Алексею смерть? И аз воздам!
 Хоть с нас в двойне отныне больше спросу,
 Но я ему престола не отдам!
 Трудяга царь. И воин и строитель.
 И мрачны, и светлы его дела.
 Он пушек гром, не тихая обитель.
 Виват его сподвижникам, друзьям.
 Таких, как Петр, история рождает
 Раз в тыщу лет, быстрее не дано.
 Они как будто время побеждают
 Их именам жить вечно суждено.

Николай II

Ах, лучше б не стараться угодить
 Тем и другим.
 Бесцельные вопросы,
 Как дым забытой папиросы...
 И общий стон: Остановись!
 Династия кончалась в крутеже
 Февральских вихрей
 Надвигался хаос.
 Здесь вежливость придворная казалась
 Совсем не своевременной уже.
 Стыл Петроград от голода и слез.
 Империю ничто не волновало,
 Как только мир.
 Сознание изменяло –
 Приближен человеческий навоз.
 Несчастья – лишь в себе.
 Чужим умом
 И злым, и истеричным,
 Представленном в родном тебе обличье
 Не выиграть бессмысленной войны.
 Концом своим, ты предварил не славу,
 А ужасы другой империи – зла.
 Корона покатила на забаву
 Кровавым палачам.
 А после – тьма.

Петр Врангель

Ох, как далеко до Москвы.
 Беда со всех сторон.
 Но Вы иначе не могли,
 Не правда ли, барон?
 Тех лиц, которых больше нет,
 Кружил водоворот.
 Вы зря готовили ответ,
 Да и плацдарм не тот.
 Не укрепили Сиваши –
 Конечно, мало сил...
 Барон! В них не было души
 И Бог им не простил.
 Потом, Вы, глядя на Париж
 Сквозь папиросный дым,
 До смерти думали: могли ж
 Не отдавать им Крым.
 И все стоял в глазах простор,
 Россия за кормой,
 Не завоеванный Босфор
 И Ваш последний бой.

Адмиралы 1854 г.

Четыре плиты во Владимирском храме...
 Андреевский стяг покрывает лафеты
 Великою честью почли они сами
 Остаться в земле Севастопольской этой.
 На брустверах желтых под ядрами стоя,
 Они заслоняли свой город собою.
 И чести и славы являя мессию
 Они заслоняли собою Россию!
 Их не увенчали победные лавры.
 Их флагманы стали на грунт. Не поднимут!
 В них нет ничего кроме доблестной правды.
 И мертвые, все-таки сраму не имеют!
 Люблю Ваши лица в суровых портретах.
 Вы знали свой долг не в веночке сонетов.

Крестясь, отдавали Вы бренное тело
За наше, родное За Русое дело!

Симферополь 1995.

Евгений Мравинский

Подтянутость – это культ.
Язык – говорит поклоном.
Твой дирижерский пульт
Голгофою был и троном.
 Движеньем руки рев
 Взнуздан всех духовых.
 Легкой тканью богов
 Струнных взметнулся вихрь.
В паузах – четкость фраз,
В слитности – вечный гимн.
В цвете игры – топаз.
В цвете туше – рубин.
 Кончилось. Тишина.
 Плотная, как завал.
 Две минуты спустя
 Вздохнет изумленный зал.

Август 1996

Эдгар Дега (голубые танцовщицы)

И вся в голубом. Знаком?
Законна как Ом. О ком
Рисуешь мелком даль,
Где всё в голубом.
 Как будто мельком речь.
 Изящество форм сберечь.
 И над камельком стечь
 Слезой восковых свеч.
Небрежный мазок. Синь.
Язык, как песок – сгинь.
Прими этот мир, отринь
Сатиров, богинь.

Август 1996

Исаак Бабель

Мне кажется, Вам пишется легко.

Да ну! Вот девяносто вариантов!

Кому из нас головку напекло,

И кто идет по жизни на пуантах!

А Бенья Крик – да он такой и есть,

Как сын родной у мамочки Одессы.

Евреи тоже ведь хотели есть

И тоже уважали интересы.

И что с того, что на носу очки?

Они вам не мешают видеть пиво.

И тети Брони черные зрачки,

И знать еще, что ваше тело живо.

Скажи Исаак, та осень на душе

Действительно одесского разлива?

Чтоб Вам так жить! И не писать вообще,

А только то, что в самом деле было.

Одесса, июль 1998 г.

Ольга Берггольц

Сдавлено горло города

Холодом вражьих кольц,

Но вопреки им гордо

Голос звучал Берггольц.

Впаяны на Пискаревке

В строгий гранит слова

Значит в любой расстановке

Ольга еще жива.

Нами ничто не забыто,

Нами никто не забыт.

Милостями горлита

Лишь метроном стучит.

Снова легла пороша.

Ночь на Неве тиха.

Видно историей спрошен

Зов твоего стиха.

Ленинград, 1974 г.

Памяти Ивана Ермолина,

сорок лет отдавшего Северу

Гасите свечи. Не по заказу,
 Не по указу кого-то свыше.
 Оставьте речи про плач гитары.
 Он просто вышел, Он просто вышел.
 Земным знакомым скажите – больно!
 И в горле комом – с меня довольно!
 Баланс невольный на грани света.
 Живи спокойно, в иные лета.
 Кто увядает, кто процветает.
 Другие песни звучат в округе.
 Все было просто, дружище Ваня,
 В житейском круге, в житейском круге.
 Осталась горечь. Полынь, травинка.
 И не поспоришь – во рту горчинка.
 И не поверишь - опустишь плечи.
 Гасите свечи – Не вечеринка...

К Вергилию

Вергилий! Проводи меня по всем кругам,
 Не откажи и мне в последнем праве:
 Узнать, что в вечности, что в нашей брэнной яви
 Имеет цену равно и ЗДЕСЬ и ТАМ.
 Что сущий хлам? Что обретает вес?
 Не все равно ль, почил ты в громкой славе,
 Или тебя нашел облезлый бес
 На свалке или в мусорной канаве?
 Вергилий! Не отказывай! По мне
 Была твоя поэзия прекрасна.
 Но, почему тебя, как стало ясно,
 Сослали в Ад? Чьи вины на тебе?
 Темнил старик. А где теперь он сам?
 Он все узнал. И что за этим стало?
 К каким он там приписан небесам,
 Или с тобой беседует устало?

Конечно, лучше было бы не знать,
 Но для меня еще страшней незнание.
 И как тебе мне правильно сказать:
 Прощай мой друг, иль только до свиданья?

Апрель 1996 г. Симферополь

Владимир Высоцкий

Оставляем редуты, сдаем города,
 Все на свете сжигаем живое.
 И последняя пуля в стволе как всегда,
 Чтобы разом забыть все бывшее.
 Но всегда позади еще есть рубежи,
 Подготовлены кем-то окопы.
 Кто-то третий, кто очень далек от войны,
 Навязал нам военные тропы.
 Он твердит нам, что ты защищаешь свое,
 На поверку выходит чужое.
 И приходится верить ему все равно,
 Если мы не вернемся из боя.

1982. Симферополь

Декабристы

*«Крест деревянный иль чугунный
 Назначен Вам в грядущей мгле...
 Не обещайте деве юной
 Любви вечной на земле!»*

Булат Окуджава

Романтики и рыцари надежды –
 Ей жизнь и смерть была озарена.
 Вас не сейчас не поняли, ни прежде –
 Была такая доля суждена.
 Свечей к обряду! Коней в метель!
 Пишите письма мадмуазель.
 О, Вы, и генералы и корнетты,
 За Вами поле брани и картечь.
 Вы с честью носили эполеты
 А жизнь и не пытались уберечь.
 Свечей к обряду! Коней в метель!
 Пишите письма мадмуазель

И молодость, и пылкую отвагу,
 Игру со смертью и игру в мечту...
 Не расплескав накопленную влагу
 Вы встали на Сенатской поутру.
 Свечей к обряду! Коней в метель!

Пишите письма мадмуазель.

В Вас жертвенность горела изначально,
 Но мы завет, увы, не берегли.

Над Вашими могилами печально
 Березы плачут по всея Руси.

Свечей к обряду! Коней в метель!

Пишите письма мадмуазель

Ноябрь 1998 г. Симферополь

Томмазо Кампанелла

*Буйная фантазия этого монаха
 кое в чем перехлестнула социальные эксперименты
 военного коммунизма, коллективизации в России
 и нацистские идеи третьего рейха.*

Кампанелла. Зачем Утопия?

Это просто сироп с отравой!

Вот ращу огурцы в Конотопе я

И солю их с редкими травами.

Город Солнца – тюряга явная.

У меня же под рюмку беленькой,

Есть закусочка не халявная,

Для тебя и твоих подельников.

Что удумал – забудешь сразу же,

Пропустив стопоря под неженский.

Слава Богу, не быть нам в казусе,

Твоей правды не быть по трезвости.

Понтий Пилат

Кто говорил свои идеи,

Кто им внимал?

О, прокуратор Иудеи,

Ты это знал.

И без того тебе хватало
Своих забот.
Лишь интуиция сказала,
Что это – тот.

Пускай неправ первосвященник,
Но вечен Рим,
Да и не ты, а Он изменник,
На том стоим.

И смуту лишнюю для Рима
Такой ценой
В тот день ты отвратил вестимо,
Но стал другой.

Тебя посмертно осудили
Сквозь тьму веков.
И как-то странно позабыли
Кто ты таков.

Что не гнался за легкой славой
А лишь хотел
Большую кровь отставить малой
И не сумел.

Шарль Талейран

Лукавый царедворец! Как точны
Убийственные фразы, афоризмы.
Во Франции менялись механизмы
Верховной власти. Оставался ты.
Слегка хромая, в черном сюртуке,
Со шлейфом недомолвок и интриг,
Ты различал и без оккультных книг
Фальшивый звон властительных вериг.
Осталась полуправда, полуложь,
Ума неординарного и злого,
Ты доказал одно, что острый нож,
Опасней в жизни, менее чем слово.

Борис Пастернак

«Февраль. Достать чернил и плакать...».

Твой плач, Борис, совсем не о себе.

Ты знаешь, что снегов лежалых мякоть

Печальна, как и в прошлом декабре.

Причуды Переделкинской погоды –

Исходный мрамор стихотворных строф

Где каждый миг запечатлен на годы

И в вечность поэтических миров.

Полутона и ясные рефрены

Февральской грусти. Белизна

Листа бумаги отражает сцены

Из лицедейства именем зима.

Поэзия, как жизнь – метафорична.

Теперь я плачу в этом феврале.

Хотя моя слеза, увы, отлична,

Как тот февраль в узорчатом окне.

Андрей Вознесенский

Сказать не могу образнее,

Видимо, не дано:

Пусть слово твое образом

Глянет в мое окно.

Метелями мотыляемый,

Слова изводя на блуд,

Жду твоих слов как знамени,

Отданного под суд.

А все, что тебе не венчано,

Как принято на Руси

Сплюсуется Новодевчьем

В полдень, или нощи.

Облапанная, затрепанная

Юдоль наших лучших слов –

Хоть ты оживи, как Тьеполо

Выдуманных богов.

Аркадий и Борис Стругацкие.

Далекая Радуга вспомнилась мне:

Планета, горящая в черном огне.

Ребята, сменявшие благо на риск.

И прошлое ставшее, как обелиск.

Вчера, или завтра, как в медленном сне

Улитка на склоне, трубач на заре.

Десантные старты над жизнью иной

И гадкие лебеди, здесь, над землей.

Анатолий Носсель

О нем писали. Я того не знал.

Десятки их менялись за сезон.

Но боже мой, как лихо он летал

И улыбался, как Ален Делон.

Десантные посадки в «пяточок»,

Немыслимые. Помню как сейчас.

Он был в тайге давно не новичок,

А в воздухе – неповторимый ас.

Он может и теперь еще в строю.

Таежных зорь багряная черта

Зовет меня на взлета полосу,

Где рубят воздух лопасти винта.

Иосиф Бродский

Ни свечи, ни погоста, ничего не видать.

На Васильевский остров я приду умирать.

И. Бродский

Как и положено

На Руси пострадать

Предрасположенным

Творить и писать.

Каруселью судеб –

Судов карнавал.

И не кто-то и где б

А на лесоповал.

И в чужую страну –
 Мол наплачешься.
 Не пойму почему –
 Русь и мачеха.

 Не изжилась в умах
 Та опричнина.
 Да цветут на стенах
 Неприличия.

Горький запах и вкус
 Чужеземных наград
 Предлагает искус
 Возвращения назад.

 Вот и улица Росси
 И Фонтанка в снегу.
 Все чего не попросишь
 Все в сосновом гробу.

29.01.1996..

Поручик

Не мычит и не телится
 Эта шлюха – судьба.
 Гонит в спину метелица,
 От столба до столба.
 Пробираюсь околицей,
 По колено увяз.
 Та, что хочется – колется
 Изменяла не раз.
 Где ты песня цыганская,
 Легких струн перебор?
 Заваруха гражданская
 Молча целит в упор.
 Где теперь моя родина?
 Толь Париж, толь Берлин.
 На ея благородии
 Ярко красный муслин.
 Вся Европа – обочина,
 Вся Россия – пожар.
 На душе червоточина,
 А в крови перегар.

Где ж ты песня цыганская,
Струн лихой перебор?
Заваруха гражданская
Молча целит в упор.
Что во льду, что во пламени
Эта жизнь - как не жизнь
У склоненного знамени
Не меняют Отчизн.
Хоть свинец мне достанется,
Хоть клинок, хоть петля.
Но хоть дома расстанется
С грешным телом душа!

ХІІІ. Авторские комментарии к циклу «Портретные наброски».

1. **Омар Хайям.** Полное имя Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури. Родился 18 мая 1048 г в Нишапуре, умер 4 декабря 1131 г, там же. Персидский поэт, философ, математик, астроном, врач. Современники обращались к нему - "Величайший из мудрых!", так же "Мудрейший из великих!". Жил и работал в Самарканде, Бухаре, Исфахане. Из последнего был изгнан за безбожное вольнодумство в 1092 году. Чего стоит лишь одно из приписываемых ему Рубаи: "Вхожу в мечеть. Час поздний и глухой. Не с жаждой чуда я и не с мольбой. Когда-то коврик я украл отсюда. А он истерся – надо бы другой!"

Омар Хайям знаменит во всём мире своими четверостишиями «Рубаи». От более поздних классиков ирано-таджикской поэзии Саади и Хафиза они отличаются неслыханной для мусульманского мира дерзостью.

В алгебре Хайям построил классификацию кубических уравнений и дал их решения с помощью конических сечений. В Иране, Омар Хайям известен также созданием более точного календаря, по сравнению с европейским, который официально использовался с XI века. Многие исследователи полагают, что поэтическое творчество О. Хайям считал забавой и занимался им в свободное от науки время. Однако, именно его стихи пережили века, династии и не зная границ дошли до наших дней. (Впервые напечатано в литературном сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

2. **Франсуа Вийон.** фр. François Villon (настоящая фамилия - де Монкорбье́ (de Montcorbier), или де Лож (des Loges); родился между 1 апреля 1431 и 19 апреля 1432 в Париже. Время и место смерти неизвестно (но не позже 1491 г.). Гениальный поэт французского средневековья. Произведения: «Баллада поэтического состязания в Блуа», «Большое завещание», множество других стихов и баллад.

Прожил жизнь полную лишений. С 8 лет остался сиротой. Оказался в среде «деклассированных». Замешан в уголовных преступлениях. Сидел в тюрьме, подвергался пыткам. Однако, первой книгой французской лирики, выпущенной типографским способом, были стихи Вийона. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

3. **Руже де Лиль К. Ж.** (фр. Rouget de Lisle) Клод Жозеф (1760 - 1836) - франц. поэт и композитор, автор революционной песни

«Марсельеза». Этот инженер и офицер за одну ночь написал марш «Рейнской армии», названный затем Марсельезой. Вскоре марш пела вся страна. Он стал гимном Франции. А вот сам автор больше ничего стоящего не написал. Начало гимна звучит так: «Идем, сыны страны родные! День славы взрезывает мрак...» Перевод Н. Гумилева (Н.Гумилев Стихотворения и поэмы. Сов. писатель Ленингр. отд., 1988. – С. 473). (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

4. **Роберт Бёрнс** (англ. Robert Burns) (25.1.1759, деревня Аллоуэй, близ г. Эр, Шотландия, - 21.7.1796, Дамфрис). Выдающийся шотландский поэт – самородок. Родился в бедной крестьянской семье. Катти Сарк – лучший в мире парусник (чайный клипер) был назван в честь героини его стихотворения – ведьмы. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

5. **Джордж Гордон Но́эл Байрон**, С 1798 6-й барон Байрон (англ. George Gordon Noel, 6th Baron Byron), обычно именуемый просто лорд Байрон (Lord Byron). Родился 22 января 1788 года, Дувр; умер в 36 лет 19 апреля 1824 года, Миссолунги, Османская Греция. Лорд – бунтарь. Что-то вроде английского «декабриста». Но, в отличие от русских декабристов, у него основной конфликт с обществом возник на почве многочисленных любовных походов. В том числе с родной сестрой. Некоторое время жил в Италии. В письмах на родину делал такие приписки: Я знаю, что цензурная сволочь обязательно будет читать это письмо. Активно выступал на стороне Греции в войне против турок.

«Байронизм» - оказал огромное влияние на всю Европейскую (в том числе Русскую) литературу. Основные произведения: роман в стихах «Паломничество Чайльд Гарольда», «Дон Жуан». Поэмы: Гяур, Корсар, Манфред и др. На тему «Корсар». Д. Верди написал оперу, А. Адан – балет. Симфонические произведения на тему «Манфред» написали Р. Шуман и П.И, Чайковский. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

6. **Михаил Юрьевич Лермонтов** (1814 – 1841). Гениальный русский поэт и прозаик. Поразительно много успел написать подлинных шедевров, прожив всего 27 лет. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

7. **Велимир Владимирович Хлебников** (1885 – 1922). В предисловии к однотомнику Велимира Хлебникова («Творения» М.,

Советский писатель, 1986. - 735 с.) написано следующее: «Неповторимость и странность судьбы Велимира Хлебникова сделали его легендой в истории поэзии XX века. Писать о Хлебникове только как о поэте или даже как о “поэте для поэтов” (В. Маяковский) было бы крайне односторонне и, скорее всего, ошибочно. Хлебников - прежде всего реформатор, искатель новых путей в лирике, в эпосе, в прозе и драматургии. Многогранность его литературной одаренности не укладывается в пределы предвзятых теорий и не ограничивается рамками футуризма» И далее: «Жизненный и творческий путь Хлебникова стремителен и краток. Главным качеством этого яростного и одержимого труженика, поэта, прозаика, драматурга, исследователя глубин времени, теоретика языка, была ни с чем не сравнимая парадоксальная оригинальность».

По некоторым данным он умер от голода. На Новодевичьем кладбище меня поразила его могила. Маленькая табличка у изголовья лежащей «скифской бабы» и все. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

8. Марина Ивановна Цветаева (1892 – 1941). Трагическая жизнь и смерть этого выдающегося русского поэта и переводчицы слишком хорошо известна. Многие историки и литературоведы считают, что к самоубийству её подтолкнул конфликт с сыном. Тончайшая лирика этого мастера слова – неподражаема. (Впервые напечатано в литературном сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

9. Эдуард Георгиевич Багрицкий (Дзюбин). (1895 – 1934). Автор нескольких поэтических сборников: «Юго-запад», «Победители», «Последняя ночь». Одессит, романтик. Лично мне больше всего нравится его стихотворение «Контрабандисты». (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

10. Александр Аркадьевич Галич (Гинзбург). (1918 – 1977). Поэт, сценарист, драматург. Некоторое время работал в геологических экспедициях. Автор пьес «Вас вызывает Таймыр», «Пути, которые мы выбираем» и др. Автор сценариев к ряду фильмов. Вполне успешная карьера. Однако он пишет крамольные с точки зрения Советской власти стихи, авторские песни (с моей точки зрения отличные). За что следует Запрет на работу, исключение из Союза кинематографистов (1971), затем вынужденная эмиграция (1974). Очень тосковал по Родине: песня «Когда я вернусь...». Умер в Париже при странных обстоятельствах.

Похоронен на русском кладбище Сен - Женеви́ев - де - Буа. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

11. **Сергей Александрович Есенин** (1895 – 1925). Гениальный русский поэт – самородок. Певец уходящей крестьянской Руси (родился в рязанской деревне) и русской природы. Потрясающая, неповторимая, буквально рвущая душу лирика. Внешне – истинно русский тип мужской красоты и души. Стихи его настолько музыкальны, что автоматически переключаются на вокал. Таким талантам на Руси уготовлена короткая и трагическая жизнь. Вот и он повесился (повесили?) в Ленинградской гостинице «Англетер». Похоронен 31 декабря 1925 г в Москве на Ваганьковском кладбище. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.)

12. **Анна Андреевна Ахматова (Горенко)** (1889 – 1966). Выдающийся русский поэт и потрясающая по силе духа и нестигаемости характера женщина. По выражению Н. Струве «Последняя представительница великой дворянской культуры» Родилась в Одессе, но вскоре семья переехала в Царское Село. В 1910 г. выходит замуж за Николая Гумилева В 1912 г. выпускает первый поэтический сборник «Вечер», затем в 1914 сборник «Четки», в 1917 «Белая стая». Далее вся ее жизнь – сплошные испытания и личная трагедия. В 1921 г в ЧК расстрелян Николай Гумилев, яко бы за участие в Кронштадском мятеже. Не смотря на то, что еще в 1920 г она была признана классиком русской литературы, уже с 1922 г Ахматова подвергается замалчиванию, травле, цензуре. Второй ее муж Н. Пунин погибает в лагерях. Единственный сын Лев Гумилев, арестован и отбывает ссылку.

Осуждая политику репрессий, Ахматова пишет автобиографическую поэму «Реквием» (1935 – 1940), которая издается в Мюнхене только 1963 г. В 1946 г ее и М. Зощенко исключают из Союза писателей (решении оргкомисии ЦК ВКПб). Умирает А. Ахматова в 1966 г., в Домодедово, под Москвой. Похоронена в курортном поселке Комарово под Петербургом. Она очень любила этот город и писала о нем: «А я один на свете город знаю и ошупью его во сне найду!». В настоящее время памятные музеи Ахматовой созданы в городах: Одесса, Париж, Санкт-Петербург, Москва, Бежецк. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

13. **Федерико Гарсиа Лорка** (исп. Federico Garcia Lorca) (1898 – 1936). – Выдающийся испанский поэт, драматург, музыкант. Это был очень страстный поэт. Он сам говорил: «Чего поэзия не терпит, ни под каким видом - это равнодушия. Равнодушие - престол сатаны, а между тем именно оно разглагольствует на всех перекрестках в шутовском наряде самодовольства и культуры». И еще он говорил: «Миссия у поэта одна: одушевлять в буквальном смысле - дарить душу». Лорка всю свою страсть, душу вложил в стихи и песни, которые в Испании знает каждый. Если бы он написал только Цыганские Баллады (Romancego Gitanas), его бы уже знал весь мир. Чего стоит только одно стихотворение: «Начинается плач гитары – разбивается чаша утра...» (перевод Марины Цветаевой)

Федерико Лорка не состоял ни в одной партии. Но на 4-й день франкистского путча, он вместе со школьным учителем и двумя матадорами был расстрелян в овраге Виснар в предгорьях Сьерра Невады. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

14. **Александр Степанович Грин** (Александр Степанович Гринеvский).(1880 -1932 г.) – замечательный русский писатель – прозаик, поэт. По оценке литературных критиков – яркий представитель неоромантизма. Скажите любому ребенку или взрослому «Алые паруса» и он сразу назовет автора. Между тем это произведение создавалось не просто. Приведу выдержку из википедии. «После выздоровления (сыпной тиф), Грину, при содействии Горького, удалось получить академический паёк и жильё — комнату в «Доме искусств» на Невском проспекте, 15. В ней Грин жил рядом с Н.С. Гумилёвым, В.А. Рождественским, О.Э. Мандельштамом, В. Кавериним. Соседи вспоминали, что Грин жил отшельником, почти ни с кем не общался, но именно здесь он написал самое знаменитое, трогательно-поэтическое произведение — феерию «Алые паруса» (опубликована в 1923 году). «Трудно было представить, что такой светлый, согретый любовью к людям цветок мог родиться здесь, в сумрачном, холодном и полуголодном Петрограде в зимних сумерках сурового 1920 года, и что выращен он человеком внешне угрюмым, неприветливым и как бы замкнутым в особом мире, куда ему не хотелось никого впускать», — вспоминал Вс. Рождественский.

В числе первых, этот шедевр оценил Максим Горький, часто читавший гостям эпизод появления перед Ассоль сказочного корабля. В библиографии Грина более 400 произведений. Но наибольшую известность получили вещи типа фэнтези: «Бегущая по волнам»,

«Золотая цепь», рассказы «Корабли в Лиссе» и др. Менее известны его драматические вещи и стихи

Советская власть не слишком жаловала его «безидейные» произведения и выдуманную страну «Гринландию». Жил он и умер в страшной нищете. Слава пришла к Грину уже много позже, после смерти. Теперь, могила его в Старом Крыму – место паломничества, а крошечная глинобитная хибара, где он умер носит гордое имя музей. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

15. Павел Давидович Коган (1918 – 1942). Родился в Киеве. Учился в Москве в ИФЛИ. Советский поэт – романтик. При жизни не печатался. Вместе с другом Георгием Лепским сочинил несколько песен, в то числе ставшую в 60-х знаменитой «Бригантину» (1937). Не смотря на бронь, ушел на фронт. Дослужился до лейтенанта. Погиб в бою под Новороссийском в составе разведгруппы 23 сентября 1942 г. Ему было всего 24 года. Мне запомнились только две его строчки: « Я с детства не любил овал. Я с детства угол рисовал», (публикуется впервые).

16. Томас Гейнсборо (англ. Thomas Gainsborough) (1727 – 1788). Крупный английский живописец. Мастер портрета. Возможно, одновременное увлечение живописью и музыкой помогли ему в создании сложных цветовых гармоний. Особенно ярко показать мир чувств, настроений. Особое место в его зрелом творчестве, занимает портрет герцогини де Бофор (Дама в голубом). (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

17. Бартоломео Франческо Растрелли (итал. Bartolomeo Francesco Rastrelli); (1700 – 1777).. Выдающийся русский архитектор итальянского происхождения. Проектировал и построил: в Петербурге такие шедевры архитектуры, как Зимний дворец с Иорданской лестницей, ансамбль и собор Смольного монастыря, Екатерининский дворец в Царском Селе, Большой дворец в Петергофе. В Киеве спроектировал Андреевский собор, Мариинский дворец (строил И. Мичурин) и многие другие. В стиль Европейского барокко внес некоторые свои элементы, впоследствии получившие название Елизаветинский стиль и Русское барокко. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

18. **Огюст Монферран.** Полное имя Анри́ Луи́ Огю́ст Рика́р де Монферра́н (фр. Henri Louis Auguste Ricard de Montferrand; 23 января 1786, Шайо, предместье Парижа – 28 июня 1858, Санкт-Петербург) - архитектор, строитель Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. На русский манер, Рикара Монферрана также называли Август Августович Монферран и Август (Августин) Антонович Монферран

По иронии судьбы он, бывший офицер наполеоновской армии, отличившийся в сражении при Арно, построил в центре Дворцовой площади Александровскую колонну – символ победы над Наполеоном (1829). Будучи протестантом, построил православный собор Святого Исаакия Далматского. Высота собора 101 метр – высотная доминанта города. На мой взгляд, этот храм слишком помпезен и массивен. Но без него нынешний облик Петербурга трудно представить. Собор строился сорок лет (1818 – 1858). Для его устойчивости в грунт были забиты тысячи дубовых свай. Сам Монферран умер через 20 дней после окончания строительства. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

19. **Бертель Торвальдсен** (дат. Bertel Thorvaldsen; (1770 - 1844) - датский художник, скульптор, ярчайший представитель позднего классицизма. Около сорока лет прожил в Италии. Лучшие работы мастера выполнены на античные темы. Среди них: Фриз деяний Александра Македонского, Ганимед с чашей и орлом, Амур и Психея и другие. По-моему, они великолепны. Множество его работ, особенно бюсты известных людей и королей, разошлись по всей Европе. В Копенгагене есть музей Торвальдсена. (Впервые напечатано в литературном сборнике «Благослови идущих по земле» Сыктывкар, 1998 г.).

20. **Мария Луиза Анидо** (полное имя, исп. - Isabel Maria Luisa Anido Gonzalez) - (1907 - 1996). Аргентинская гитаристка, композитор, педагог. Первый концерт дала в 11 лет. В зрелом возрасте - выдающийся мастер игры на классической гитаре – «Леди гитары». Я слушал ее выступления в Большом зале Ленинградской филармонии. Это не забывается! Маленькая женщина на огромной сцене с первых аккордов покорила зал. Что она вытворяла на гитаре – просто непостижимо. Много раз ее вызывали на бис. Под конец в зале потушили свет и, публика, стоя в темноте долго ей аплодировала. Такого приема - триумфа в Ленинградской филармонии я больше не видел. В ее репертуаре были в основном гитарные композиторы - классики: Ф. Торрега, И. Альбенис, А. Сеговия. Собственные вещи:

«Песня пампы», «Аргентинская мелодия». Не знаю её ли «Легенда об Амазонке». Говорить о её игре – очень сложно. Её надо просто слушать. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

21. **Пабло Сарасате.** (исп. Pablo de Sarasate, полное имя Пабло Мартин Мелитон де Сарасате-и-Наваскес - Pablo Martín Melitón de Sarasate y Navascués; (1844 - 1908,) - испанский скрипач - виртуоз и композитор. Говорят: Сарасате однажды прочитал в газете заметку, в которой музыкальный критик назвал его гением. Сарасате покачал головой: “В течение тридцати семи лет я не менее двенадцати часов в день упражняюсь в игре на скрипке, а теперь этот человек называет меня гением!” Сарасате побывал на гастролях в Северной и Южной Америке, объездил всю Европу, побывал и в России. Автор 54 произведений, написанных исключительно для скрипки. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Благослови идущих по земле» Сыктывкар, 1998 г.).

22. **Эварист Галуа** (фр.Évariste Galois; 25 октября 1811 - 31 мая 1832,) - гениальный французский математик, основатель современной высшей алгебры. За свою короткую жизнь (всего 20 лет) успел опубликовать всего несколько статей (первую в 17 лет). Современники, в том числе преподаватели, просто не понимали Галуа, настолько высок был уровень его работ. Последнюю свою работу он успел передать другу – Огюсту Шевалье в ночь перед дуэлью. За 5 лет (он начал заниматься алгеброй в 16 лет) Галуа успел сделать открытия, ставящие его на уровень крупнейших математиков XIX века.

Из википедии: « Решая задачи по теории алгебраических уравнений, он заложил основы современной алгебры, вышел на такие фундаментальные понятия, как группа (Галуа первым использовал этот термин, активно изучая симметрические группы) и поле (конечные поля носят название полей Галуа).

Работы Галуа, немногочисленные и написанные сжато, поначалу остались непонятны современниками. Огюст Шевалье и младший брат Галуа, Альфред, послали последние работы Галуа Гауссу и Якоби, но ответа не дождались. Только в 1843 году открытия Галуа заинтересовали Лиувилля, который опубликовал и прокомментировал их (1846 г.). Открытия Галуа произвели огромное впечатление и положили начало новому направлению - теории абстрактных алгебраических структур. Следующие 20 лет Кэли Жордан развивали и обобщали идеи Галуа, которые совершенно преобразили облик всей

математики». (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

23. **Жак Ив Кусто.** (фр. Jacques-Yves Cousteau; 1910 – 1997гг.) — знаменитый французский исследователь Мирового океана, фотограф, режиссёр, изобретатель, автор множества книг и фильмов. Избран членом Французской академии. Командор ордена Почётного легиона. Известен как **Капитан Кусто** (фр. Commandant Cousteau).

Однажды в 30-е годы, в Тулоне Кусто зашел в магазин и увидел очки для подводного плавания. Нырнув в них он понял, что отныне его жизнь принадлежит подводному царству. То же самое, я понял спустя 30 лет в Коктебеле. Пробуя разные варианты, Кусто совместно с Эмилем Ганьяном в 1943 году разработал и испытал первый прототип акваланга.

Изобретение открыло новую главу в изучении подводного мира. Все это уже история и практически всем известная. Я хотел бы добавить только оно. Это был человек потрясающего личного обаяния и доброжелательности. Видимо эти качества помогли ему получить финансовую поддержку и организовать столь масштабное изучение Мирового океана.. (Впервые напечатано в литературном сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

24. **Андрей Рублев.** (Умер в 1430 году). Некоторые искусствоведы считают, что русская национальная живопись началась с Андрея Рублева. Другие говорят, что вообще «национальные идеалы русского народа выражены в творениях двух гениев: Андрея Рублева и Александра Пушкина». Во всяком случае, люди сведущие в иконописи утверждают, что Рублев первый отступил от Византийского канона и отступил гениально. Не берусь судить. Но ясно одно – Андрей Рублев столп русского изобразительного искусства. Ему самому и его работам посвящено множество специальных публикаций. Не стоит их пересказывать. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

25. **Петр I.** – Петр Алексеевич Романов (1672 -1725). Последний царь всея Руси и первый император (с 1721 г.). Великий реформатор. Полководец, дипломат, плотник, кораблестроитель и прочая и прочая. О нем написано столько, что нет смысла перечислять. Лучше всего его олицетворяет «Медный всадник» на Сенатской площади (гениальное творение Фальконе и Колло). – вздыбленная Россия на гребне штормовой волны. А мне лично больше всего нравится его указ: «В сенате и других присутственных местах речь держать не письменно, а

устно, дабы дурь каждого ясна была сразу». (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

26. Николай II. Николай Александрович Романов (1868 – 1918). Последний и самый бездарный Русский император. Позорно проиграть подряд две войны и развалить Великую империю мог только полный неудачник. Не зря ему отказалась присягать собственная мать – он не был рожден для короны. Бесславное царствование и бесславный конец. В чем ему очень помогла жена. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

27. Петр Николаевич Врангель (1878 - 1928). Немец, отдавший всю жизнь служению России. Генерал – лейтенант. Неплохо воевал в первую мировую и гражданскую войны. Так, 2 июля 1919 г взял Царицын. К сожалению или нет, но «белое движение» было обречено. Главная заслуга Врангеля, это то, что отступить из Крыма он сумел организовано (это самое трудное на войне). Ему удалось переправить за границу практически всех, кто хотел уехать. В эмиграции он скромно жил в Брюсселе, где и скончался в 1928 году 50 лет от роду. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться» Сыктывкар, 1996 г.).

28. Адмиралам 1854 г. Собор во имя святого Равноапостольного князя Владимира на Центральном городском холме Севастополя – один из немногих сохранившихся храмов города второй половины XIX века. История собора начинается в 1825 году, когда Севастополь посетил Александр I. Инициативу постройки собора проявил адмирал М.П. Лазарев. Собор строился по проекту архитектора К.Н. Тона на деньги собранные по подписке. Первым там был похоронен сам Лазарев, умерший в 1851 году. Во время войны 1854-1855 г., в этом же соборе были похоронены погибшие при осаде адмиралы В.А. Корнилов, П.С. Нахимов и В.И. Истомин. Признаюсь, название стихотворения я позаимствовал у Марины Цветаевой (Генералы 1812 г.). (Впервые напечатано в лит. сборнике «Давно пора остепениться», Сыктывкар, 1996 г.).

29. Евгений Александрович Мравинский (1903 – 1988 гг.). Выдающийся дирижер XX века. В 1932 - 1938 годах был дирижёром Мариинского театра, в основном балетного репертуара. В 1938 году, победа на Первом Всесоюзном конкурсе дирижёров в Москве. Далее, Мравинский в течение пятидесяти лет (1938 -1988) возглавляет

«Заслуженный коллектив России» - Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии. Получает все мыслимые советские награды (народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, герой Соцтруда). Хотя начинал он совсем с другого: окончил Императорское училище правоведения и только в 1927 году обратился к музыке. Лично мне больше всего нравилась его оркестровая трактовка 5-й симфонии Л. Бетховена. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

30. **Эдгар Дега.** Фр. Edgar Degas (1834 - 1917) — французский живописец, один из виднейших и оригинальнейших представителей импрессионистского движения. О своем творчестве он писал так: *«Нет искусства менее непосредственного, чем мое. То, что я делаю, есть результат размышлений и изучения великих мастеров; о вдохновении, непосредственности и темпераменте я не имею понятия»*. Говоря о последних, Дега скорее всего лукавил. Балетные картины Э. Дега - это не столько картины балетомана, для этого он был слишком ироничен и страстен. Именно в этих полотнах прослеживается двойная аналитическая работа художника - разрушение иллюзии реального мира и ее новое воссоздание на художественном полотне. Мне кажется, «Голубые танцовщицы» привлекают прежде всего колоритом и композиций, а отнюдь не угловатыми позами, острыми локтями и худыми спинами. В общем, этот Эдгар был большой оригинал. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

31. **Исаак Бабель.** Исаа́к Эммануи́лович Ба́бель - настоящая фамилия Бо́бель (1894 - 1940) - русский писатель. Бесподобен колорит его «Одесских рассказов», образ одесских окраин, типажи. Но самое потрясающее - особый «одесский» язык. Кажется это его родной язык. Вроде, он о себе говорит: «У Вас на носу очки, а в душе осень». Писал он трудно, много работал над рукописями. Без конца что-то добавлял, переделывал. До последней секунды тянул со сдачей материала в редакцию. Жуткое впечатление на меня произвел его роман «Первая конная». Скорее всего, это правда, которую ему большевики не простили. И как водится, просто решили вопрос - расстрел. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Романтикам нехоженых дорог», Сыктывкар, 1999).

32. **Ольга Федоровна Берггольц** (1910 -1975). Русский поэт (стихи, поэмы), прозаик (рассказы, повести), сценарист. Судьба

удивительно трагическая. До войны потеряла двух детей. Первый муж поэт Б.П. Корнилов в 1938 году расстрелян. В 1938 -1939 году она сама сидела в тюрьме, беременная. Ребенок родился мертвым. Все время блокады Ленинграда находилась в городе. Выступала по радио (сб. выступлений «Говорит Ленинград, 1946). От голода умер ее второй муж Н.С. Молчанов. Во время блокады написала: «Февральский дневник», поэму «Ленинградская тетрадь», «Памяти защитников» (1942- 1944).

На Пискаревском кладбище, где похороны погибшие ленинградцы в граните выбиты ее строки **«Никто не забыт и ничто не забыто»**. Она и сама хотела быть там похороненной. И, по-моему, это ее святое право. Но первый секретарь обкома Романов (мерзавец – и это мнение не только мое, но и большинства ленинградцев) запретил. (Впервые напечатано в лит сборнике «Романтикам нехоженых дорог», Сыктывкар, 1999).

33. Иван (Алексеевич?) Ермолин. Вроде ничего героического не совершил. Просто хороший человек, мой добрый знакомый, 40 лет проработавший на крайнем севере. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

34. К Вергилию. Вергилий (лат. Publius Vergilius Maro) - древне римский поэт(70 до н.э – 19 до н.э.), автор Энеиды. В моем понимании, традиционное у ряда поэтов, обращение к Вергилию идет от **Данте**. Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri), годы жизни 1265-1321, итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка). В своей «Божественной комедии» в Части первой Данте попадает в ад, состоящий из 9 кругов. В скитаниях по адовым кругам проводником ему служит Вергилий. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

35. Владимир Семёнович Высоцкий (25 января 1938 - 25 июля 1980) – русский, советский поэт, актёр и автор-исполнитель песен, прозаических произведений. Лауреат Государственной премии СССР (1987, посмертно). Человек, безусловно, огромного таланта, самобытный и мятущийся. Мне особенно нравятся его песни о Севере и о войне, забавные шуточные песни. Замечательные актерские работы – роли Жеглова, Гамлета. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

36. **Декабристы.** Уникальное явление не только в Российской, но и в Мировой истории. Рабовладельцы (элита русской армии) подняли мятеж за свободу рабов. Пошли за это на виселицу и каторгу. Причем прекрасно знали, на что идут. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Забыты запахи костров», Сыктывкар, 2000 г.).

37. **Томмазо Кампанелла (1568 – 1639).** Итальянский философ, поэт, политический деятель. Из википедии: «Создатель коммунистической утопии; монах-доминиканец. В «Философии, доказанной ощущениями» защищал натурфилософию Б. Толезио. Более 30 лет провел в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе «Город Солнца». Автор канцон, мадригалов, сонетов.» Вполне очевидно, что «город Солнца» написан под сильным влиянием «Утопии» Томаса Мора. В сочинении декларируется олигархическое правление 3-х олигархов во главе с Первосвященником. Их никто не может сместить. Труд, хоть и 4-х часовый, но рабский. Собственности нет – все общее. В том числе женщины. К женщинам отношение чисто монашеское. Скажем, за косметику или высокие каблуки могут и казнить. В общем, эта коммуна – нечто среднее между монастырем и концлагерем. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Благослови идущих по земле», Сыктывкар, 1998 г.).

38. **Понтий Пилат** (лат. Pontius Pilatus) - римский префект Иудеи с 26 по 36 годы н. э., римский всадник. Римские историки: Иосиф Флавий и Тацит называют его прокуратором. Однако, найденная в 1961 году в Кесарии надпись, датируемая периодом правления Пилата, показывает, что он, как и другие римские правители Иудеи, с 6 по 41 годы, был, по всей видимости, в должности префекта.

Понтию Пилату приписывают страшную жестокость. Однако в условиях оккупации, это было нормой для Римского правления. Пилат, на мой взгляд, ничем не выделялся среди префектов других провинций. Жестокие казни регламентировались Римом. Народ, естественно бунтовал. На подавление открытых бунтов, вестимо, посылались войска. И тогда большинство населения просто уничтожалось. Резня была беспощадной. Тактика устрашения и «выжженной земли». Кого не дорезали – распинали. Оставшихся в живых обращали в рабов, которых в Риме всегда недоставало. Это был товар. Самого префекта за допущение ситуации до открытого бунта тоже не гладили по головке: переброска легионов требовала затрат. Кроме того часть римлян гибла

при подавлении восстания. Проще и удобнее было собирать дань – непомерные налоги.

Так что, в случае с Христом, Пилат стоял перед непростым выбором. Тем более его (Христа) казни требовали сами иудеи, вернее их влиятельная верхушка – жрецы и богатеи. Бунт им тоже был ни к чему. С точки зрения христианина Пилат «умыл руки» и уже в этом виноват. С точки зрения представителя другой религии – поступил целесообразно. Тем более, что Иудея и так была на грани восстания. Не трудно представить, чем бы оно закончилось. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Благослови идущих по земле», Сыктывкар, 1998)

39. **Шарль Талейран** (фр. Charles Maurice de Talleyrand - Périgord; 1754 - 1838) - князь Беневентский - французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах. Человек острого ума, потрясающей политической интуиции, циник, абсолютно лишенный принципов. Его ядовитые, но точные и остроумные афоризмы в ходу до сих пор. Предавал всех, сам оставаясь на плаву. Не зря Наполеон, уже будучи в ссылке на о. Святой Елены, очень сожалел, что не удосужился его повесить. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Благослови идущих по земле», Сыктывкар, 1998 г.).

40. **Борис Пастернак**. Борис Леонидович (Исаакович) Пастернак (1890 - 1960) - русский писатель, один из крупнейших поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958). Закончил гимназию с золотой медалью, учился в Магдебургском университете в Германии. Вообще, в литературе занимал самостоятельную позицию. Одно время заигрывал с Советской властью: стихи «1905 год», «Лейтенант Шмидт», посылал Сталину свои переводы с грузинского.

Его роман «Доктор Живаго», получивший Нобелевскую премию, в СССР не печатался, но был издан за границей. Это для власти был уже криминал. Под угрозой насильственной эмиграции, на вручение Нобелевской премии не поехал. Началась травля в советской прессе. Особенно смешно и грустно было, когда люди не читавшие роман (и вообще не читавшие Пастернака) – рабочие, ткачихи и прочие клеймили его с трибуны. Меня же лично проза Пастернака не трогала, но нравились многие его поэтические вещи. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

41. **Андрей Андреевич Вознесенский** (1933 – 2010). Крупный русский поэт. Уже в 14 лет послал на отзыв Б. Пастернаку свои юношеские стихи. Наибольшую популярность приобрел в России в 60-

х годах. Имел успех и за рубежом. Публичные выступления совместно с Б. Ахмадулиной, Р. Рождественским и другими поэтами, собирали полные залы. Крупные его произведения «Треугольная груша», «Оза» и др., на мой взгляд, излишне сложны, пересыщены метафорами. (Впервые напечатано в самиздате в 1978 г.)

42. Аркадий (1925 -1991) и Борис (1933- 2012) Натановичи Стругацкие. Классики современной фантастики. Переводчики зарубежной англоязычной, японской фантастики и прозы. К концу 80-х написали несколько фантастико-сатирических вещей: «Улитка на склоне», «Сказка о тройке» и др. Замечательную их вещь «Пикник на обочине» в фильме «Сталкер» А. Тарковский искажил до неузнаваемости, из-за чего они крупно повздорили. На мой взгляд, практически все их вещи (за исключением самых первых) просто шедевры, полные патриотизма, гуманизма, хорошего юмора. (Впервые напечатано в самиздате, 1978 г)

43. Анатолий Носсель. Пилот ас. О нем так и писали в газетах и журналах. Мне довелось с ним поработать в Якутии всего 120 летных часов (весна 1966 г.) – это максимум что разрешалось налетать пилотам вертолетов в месяц (вообще-то санмаксимум был 100 часов, 120 – редкое исключение). В Якутии я работал с десятками экипажей МИ-4 и соответственно пилотов. Но такой виртуозной техники пилотирования не было ни у кого. (Впервые напечатано в лит. сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

44. Иосиф Бродский (Иосиф Александрович Бродский). (24 мая 1940 года, Ленинград, - 28 января 1996 года, Нью-Йорк) - русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года. Мы с ним учились в разных школах, но 1955 г. жили в одном доме в Ленинграде (Литейный 24). Мы не встречались. У Иосифа было нелегкое детство. Школу ему пришлось бросить – надо было зарабатывать. Работал на заводе фрезеровщиком, в геологических экспедициях. Стихи начал писать рано. И, видимо, неплохие, ибо Евгений Рейн познакомил его с Анной Ахматовой, как молодое дарование. Но первую славу ему принесли отнюдь не стихи, а судья, когда его судили за тунеядство (!) и за не патриотические вирши. Стенограмма суда быстро распространилась в самиздате и вот отрывок из нее:

Судья: А вообще, какая ваша специальность?

Бродский: Поэт, поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. (*Без вызова*). А кто причислил меня к роду человеческому?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят..., где учат...

Бродский: Я не думал..., я не думал, что это даётся образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... (*растерянно*) от Бога...

У Бродского был действительно незаурядный поэтический талант. А такой талант (тут Бродский прав) только от Бога. Туже дурру-судью, сколько бы ни учили – поэта из неё все равно не получилось. Однако, сдается мне, что Нобелевскую премию ему дали не как поэту, а как диссиденту. Хотя у него есть по-настоящему прекрасные стихи. (Впервые напечатано в литературном сборнике «Прервана точкой строка», Сыктывкар, 1997 г.).

45. **Поручик** – обобщенный образ русского офицера в 1917 г. Судьба Русских офицеров была трагической. Часть их уехала в эмиграцию (в том числе и два моих родственника). Часть, попала в плен к Красным и была расстреляна. Меньшая часть служила военспецами в Красной армии. В конечном итоге, при «чистках» их либо сослали в лагеря, либо расстреляли (Впервые напечатано в лит. сборнике «Не ждите нас жаркие страны». Сыктывкар, 2001 г.).

Опубликованные стихи и проза Юрия Юровского

1. Давно пора остепениться. Литературно-художественный сборник. «Пролог», Сыктывкар, 1996. (Стихи С. 91 - 116).
2. Прервана точкой строка. Литературный сборник. «Народный дом», Сыктывкар, 1997. (Стихи. С. 61-84).
3. Благослови идущих по земле. Литературный сборник. Издание Института геологии Коми Научный Центр УрО РАН. Сыктывкар, 1998. (Стихи. С. 36-65).
4. Романтикам нехоженых дорог. Литературный сборник. «Народный дом республики Коми»,. Сыктывкар, 1999. (Стихи. С. 98-117).
5. Крымская правда 21.01.1999. Миниатюра «Входите, хозяйка». С. 4
6. Забыты запахи костров. Литературный сборник. Издание Института геологии Коми Научный Центр УрО РАН. Сыктывкар, 2000. (Предисловие: С. 3-4. Стихи: С. 85-96).
7. Не ждите нас жаркие страны. Литературный сборник. «Милета»,. Сыктывкар, 2001. (Проза, стихи. С. 40-67).
8. Дорога с грустным перекрестком. Литературный сборник Издание Коми Научный Центр УрО РАН. Сыктывкар, 2002. (Проза. С. 31-42).
9. Уезжают друзья с севера. Литературный сборник к 45-летию Коми Научного Центра Уральского отделения Российской Академии Наук. Сыктывкар, 2003. (Проза. С. 151-161).
10. Мои меридианы. Короткие рассказы. Крымский РЦНТЭИ. Симферополь, 2002. -134 с.
11. Берега Тавриды. Литературно-художественный журнал Союза русских. Украинских и белорусских писателей и Министерства культуры Автономной республики Крым. Симферополь, 2004. (Проза. С. 115-131).
12. Был у меня хороший друг. Литературный альманах. Сыктывкар, Геопринт, 2004. (Рассказы, стихи) С. 194–224.
13. Субмаринные источники. Рассказ. Vivat Академия. Апрель 2006г. Симферополь, НАПКС, 2006. – С. 9.
14. Мы были... Литературный альманах «Полное собрание разлук». Геопринт, Сыктывкар, 2005. - С. 4 – 38. (Повесть).
15. Мыс Фиолент. Литературный альманах «Полное собрание разлук». Геопринт, Сыктывкар, 2005. – С. 393–396. (Рассказ).
16. Стихи. Поэтический сборник «Геология – жизнь моя...». (Российское геологическое общество. Москва, 2005. – Объем всего сборника 800 с.).

17. Тили – Тили (Маленькая повесть). Литературный альманах «Прекрасная и черная работа». Сыктывкар, 2006. – С. 113 – 128.
18. Горный журнал. Специальный выпуск. Литературный альманах «Моим северам» 2008. (Рассказ «Шерше ля фам» С. 50–51. Стихи С. 118 – 120). Москва, 2008.
19. Моим северам. Литературный сборник. Москва, Издательский дом «Руда и металлы», 2008. – 344 с. (проза: рассказ «Шерше ля фам» С. 99 – 102, стихи С. 267–271).
20. «Сыктывкар». Литературный альманах. Сыктывкар. Издательство «Полиграф-севич», 2010. С. 73-74. Листья травы. Стихотворение.
21. Мы не можем смириться.... Стихи. Газета «Российский писатель».
22. Союза писателей России. №1-10. (235-245). 2011.
23. Пусть россыпями стелются года. Литературный альманах. Сыктывкар, 2011.- 304 с. Три стихотворения. С. 86–87. Две рубрики «Друг отправился черте-куда»; «Жаль я не встречу с многими друзьями».
24. Был у меня хороший друг. Проза в книге: А.А. Иевлев, В.А. Салдин И.С. Астахова. *Александр Анатольевич Беляев*. Сыктывкар: Геопринт, 2011. С. 35 -38.
25. Литературный Альманах « Сыктывкар» стихотворение «Осень. Дожди по ночам...» Сыктывкар 2013. – С. 144.
26. Избранное. Проза. Миниатюры. Повести, эссе. Симферополь, ИТ «Ариал» 20013 - 380 с.

Юрий Юровский

Стихи разных лет

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 12,5. Наклад 200 пр. Зам. № 250.

Віддруковано з оригінал-макету у друкарні ФОП Бражнікової Н.А.

95034, м. Сімферополь, вул. Декабристів, 21, оф. 105,

тел. (0652) 70-63-31, 050-648-89-34.

E-mail: it.arial@yandex.ru

Юровский Юрий Георгиевич

Родился в Симферополе. Среднюю школу и ВУЗ закончил в Ленинграде. Первые публикации стихов относятся к 1963 году (Якутия). Там же получена первая литературная премия. С 1996 года регулярно публикует стихи и прозу в художественных сборниках и альманахах Республики Коми (г. Сыктывкар). Отдельные произведения вошли в поэтический сборник «Геология – жизнь моя...», изданный Российским геологическим обществом в 2005 году в Москве.

В 2008 году стихи и проза напечатаны в литературном альманахе и в отдельном сборнике «Моим Северам» (Москва).